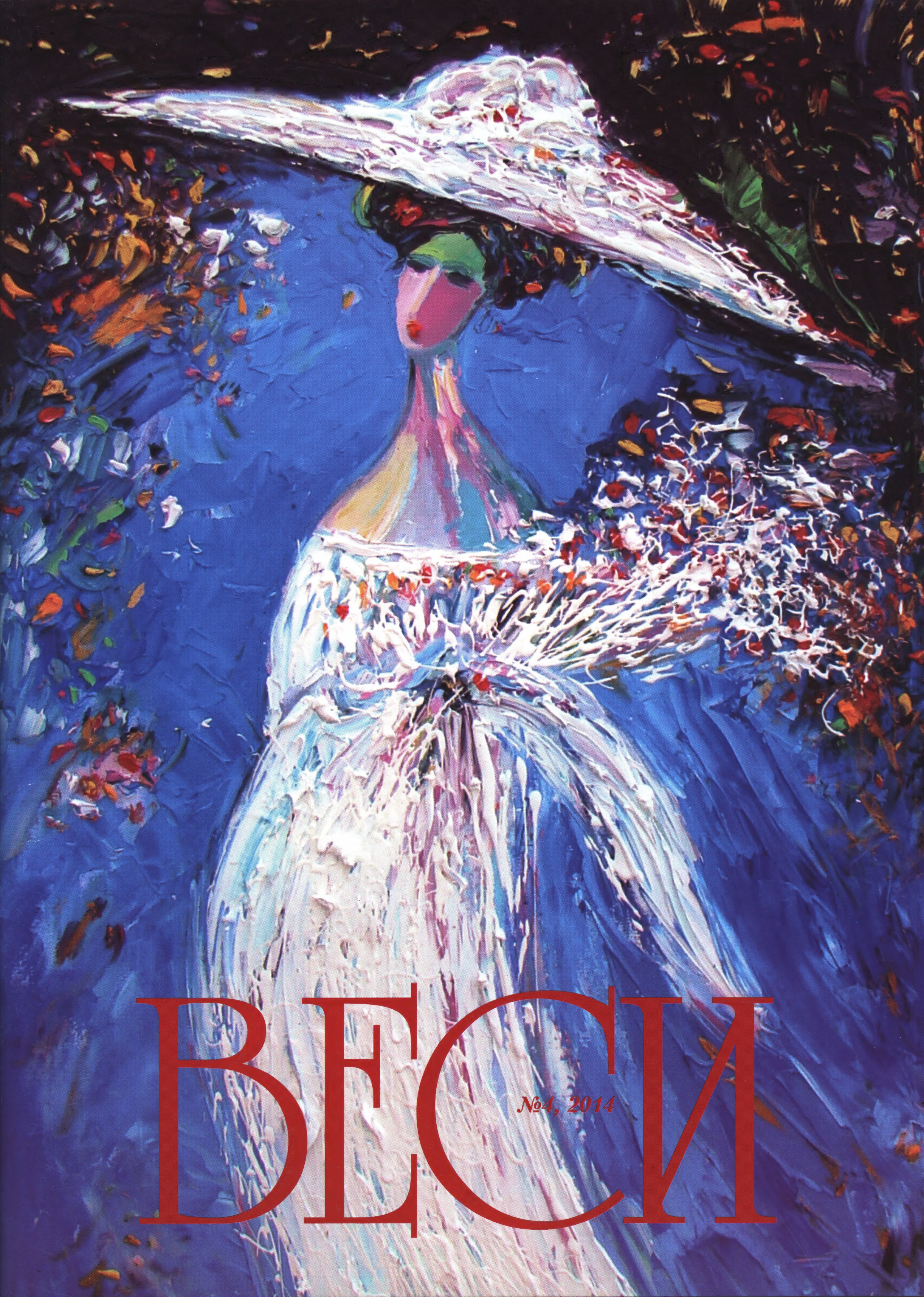

ВЕСИ
№4, 2014

После бури. Венеция.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ, НЕУЛОВИМЫЙ...

Остаться равнодушным к творчеству Елецкого сложно. Его картины радуют, раздражают, удивляют, порой, пугают, смущают и нервируют. Художественная манера провоцирует зрителя на откровенность, и даже осторожные по природе люди, насмотревшись его холстов, обретают смелость и рубят с плеча. Любые оценки, мнения и позиции возникают легко и непринужденно, они искренни, но не опасны ни для самодеятельного критика, ни для причудливого маэстро.

Для кого-то Елецкий – удачливый художник, шальной баловень судьбы, легко меняющий маски и роли, для кого-то – человек, зациклившийся на одном уровне, заплутавший, запутавшийся в себе и своих желаниях. Одни говорят о радостной палитре, о вечном празднике жизни, о карнавале и шоу-эффектах, другие видят в насыщенных цветовых решениях агрессивность и депрессию, болезненную изломанность, граничащую с отчаяньем. Кому-то он кажется человеком порыва, личностью без тормозов и внутренней логики, кому-то – художником продуманным, выверяющим свои шаги, идеи и сюжеты, постоянно сомневающимся в себе и неудовлетворенным.

Его картины воспринимаются то как безжалостные карикатуры, фиксирующие человеческую уродливость и порочность, то как детский взгляд на божественное мироздание. Называя его мастером наивного искусства, непосредственным, открытым и простым, всё же говорят о нем как о художнике глубоко ироничном, насмешливом, для которого гротеск и примитивизм – лишь средство сказать о своем – наболевшем и родном.

Иногда в нем видят грубоватого подражателя Пикассо, Матиссу, Шагалу или другим популярным мэтрам двадцатого столетия, видят человека, который легко переосмысляет и преображает известные сюжеты, темы, образы, мотивы, жесты, видят талантливого интерпретатора, вольно и причудливо соединяющего классиков с собственными идеями и приемами. Его обвиняют в потакании массовому вкусу, в популизме, и в то же время – в желании нравиться представителям разных культурных слоев. Он – то выразитель приверженцев безвкусицы и кича, то представитель эстетствующей элиты. Ему завидуют, удивляясь его умению общаться со зрителями и чувствовать их потребности и желания. Его считают чудаковатой и эксцентричной личностью, променявшей верную музыкальную стезю на призрачную славу живописца, – то ли беспечным клоуном, то ли мудрым шутом, кому позволено среди пустых дурачеств, словно бы невзначай, говорить о главном.

Из всех этих противоречивых мозаичных оценок, мнений, суждений, домыслов и достоверных историй рождается запутанное, как легендарный лабиринт, как некая внеземная цивилизация, явление Елецкого.

Евгений Алексеев

(Окончание на стр. 41)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Советская, 96)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 855).

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 855
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Каменск-Уральский, Россия
8(950)205-00-20
Сергей Симонов

Прага, Чехия
maksburdin@mail.ru

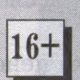
Торонто, Канада
belov@sympatico.ca

Нью-Йорк, США
mgelprin@yahoo.com

Тавда, Россия
8(963) 044-28-87.

Челябинск, Россия
8 (912) 89-98-731
Александр Федорович Рейх

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке: живопись Андрея Елецкого (1) Мистическая незнакомка (4) Девушка и бабочки.

Номер подписан в печать 29.05.2014 г. Заказ № 960. Отпечатан в ГУП СО «Каменск-Уральская типография»: 623400, г. Каменск-Уральский, ул. Ленина, 3.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Это – сотый номер журнала «Веси». Цифра, конечно, круглая и очень симпатичная, но в чем ее суть?

Журнал живет уже тринадцатый год – несколько тысяч публикаций, присланных со всех уголков мира; удостоен нескольких наград, которые представлены на титульной странице; несколько сотен подписчиков и несколько тысяч читателей, которые пользуют и бумажную, и электронную версии журнала. Журнал – это срез сегодняшней жизни с ее прорывами в прошлое и будущее, в творческое и документальное, в визуальное и аналитическое. Это целое десятилетие жизни современного общества, с меняющимися ценностями и приоритетами, со все новыми проблемами и возможностями их решений. Это открытая трибуна для людей мыслящих, ищущих, проявляющихся как личность во всех жанрах и видах. Это пропаганда уральских интеллектуальных ценностей в мире и обогащение новыми взглядами на жизнь, это взаимопроникновение различных традиций и мировоззрений...

Если вы читаете его, то вы знаете, чем для вас является журнал «Веси».

Для меня лично он стал местом встречи новых авторов и друзей, точкой отсчета новых знаний и новых возможностей, профессиональной лестницей и просто очень увлекательным занятием, которое наполнило всю мою жизнь.

Сегодняшнее лицо журнала зависит от очень многих составляющих, но главное, чтобы оно было живым, развивающимся, интересным и запоминающимся.

Я поздравляю всех с сотым номером журнала «Веси». Будем любить друг друга и дальше.

Главный редактор
Татьяна Богина.

ВЕСИ

№4(100)` 2014
май

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО и Российской библиотечной ассоциации.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ШЕВАЛЬЕ ШАРЛЯ ДЕ БАЦ ДЕ КАСТЕЛЬМОР, БОЛЕЕ ИЗВЕСТНОГО КАК Д'АРТАНЬЯН, А ТАКЖЕ ДРУЖБЫ СЕГО ЗНАМЕНИТОГО ГАСКОНЦА С АРМАНОМ ДЕ СИЛЛЕГ Д'ОТТВИЛЕМ, ИСААКОМ ПОРТО И АНРИ Д'АРАМИЦЕМ, ПРОСЛАВЛЕННЫМИ НА СТРАНИЦАХ БЕССМЕРТНОГО РОМАНА «ТРИ МУШКЕТЕРА» АЛЕКСАНДРА ДЮМА-ОТЦА ПОД ИМЕНАМИ АТОС, ПОРТОС И АРАМИС

Александр КОТЛОВ,

г. Львов, Украина.

Уважаемые почитатели творчества великого французского писателя Александра Дюма-отца!

В этом небольшом эссе Вашему любезному вниманию будет представлена очередная попытка рассказать историю жизни и дружбы настоящих мушкетеров – тех, что стали прообразами столь полюбившихся любителям историко-приключенческих романов д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса.

В реальности история, столь любимых многими поколениями читателей, д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса была хоть и не столь захватывающа, какой ее сделал Александр Дюма, но все же довольно интересна. Люди, являвшиеся их прообразами, жили в одно и то же время, действительно были друзьями и принимали участие в некоторых довольно важных событиях в истории Франции середины XVII века.

Шарль де Бац, которого все любители творчества Александра Дюма знают под именем д'Артаньян, родился в начале XVII века в деревушке Люпиак в провинции Гасконь. Во многих источниках приводятся разные даты рождения будущего главного героя «Трех мушкетеров» – это и 1611, и 1613, и 1614, и 1620 год. Наиболее вероятной датой его рождения все же является 1613 год. Шарль был сыном Бертрана де Бац и Франсуазы де Монтескью. Дед Бертрана, Арно Бац, был простым торговцем. В середине XVI века за небольшую мзду королевским чиновникам предприимчивый Арно получил дворянство и приставку «де» к своей фамилии. Тогда же он приобрел у одной разорившейся дворянской семьи замок Кастельмор, который местные жители замком называли только по привычке. Это был большой 2-х этажный дом с двумя полуразрушенными башенками, уже давно потерявший свои «замковые» черты.

У Шарля было три брата – Поль, Жан, Арно и трое сестер. Поль служил в мушкетерах (мушкетерская рота была образована в 1600 году при дворе короля Франции Генриха IV), потом вышел в отставку, разбогател, занялся обустройством собственного имения (был «крепким хозяйственником») и прожил долгую жизнь, продолжительностью почти в 100 лет. Жан служил в королевской гвардии; его следы рано затерялись – очевидно, он погиб на какой-нибудь дуэли. Арно стал аббатом, прожил довольно продолжительную и спокойную жизнь. Сестры Шарля еще в детстве были обручены с отпрысками из местных дворянских родов и впоследствии вышли за них замуж. Судьбы их были типичны для женщин их класса и общественного положения тех времен.

В начале 1630-х гг. Бертран де Бац окончательно разорился и умер. Замок Кастельмор и шесть, принадлежавших де Бацам сельских ферм, были проданы за долги. Нашему герою надо было выбирать путь, по которому идти дальше. И он выбрал Париж.

В Париж Шарль де Бац отправился, по сведениям разных источников, не то в 1630-м, не то в 1633-м, не то в 1640-м году. Наиболее вероятной датой его прибытия в Париж можно считать 1633 год, поскольку в одном документе той эпохи, в котором описывается смотр роты королевских гвардейцев в Париже в 1633 году, в числе

его участников упоминается его имя. У Шарля не было ничего, кроме невзрачной лошаденки, рекомендательного письма к капитану королевских мушкетеров де Тревилю (о том, кто ему дал это письмо, источники умалчивают), шпаги, нескольких монет в кармане и гасконской удали и запальчивости, благодаря которым он по дороге попал в неприятную историю. В городке Сен-Дье, его, совсем как в романе, так разозлили колкие замечания одного незнакомого важного дворянина насчет его лошади, что он тут же вызвал его на дуэль. Наш герой был схвачен полицией и оказался в тюрьме (дуэли за несколько лет до того были строго запрещены кардиналом Ришелье, который этим стремился сберечь привилегированное сословие, которое было ему необходимо для построения сильного абсолютистского государства), из которой через две недели вышел совсем нищим. Пропали и лошадь, и письмо, и оставшиеся деньги, только шпага была при нем. До Парижа Шарль был вынужден добираться пешком. Вступив в Париж, он решил, что с этого времени он будет называться д'Артаньяном (мать Шарля имела семейные связи с этим родом). В одном из вариантов биографии Шарля де Баца приводится довольно оригинальная причина такого решения. Якобы, у нашего гасконца было не трое братьев, а четверо. И якобы был еще «самый старший» брат, которого звали Шарль(!) – он тоже, как и Поль, служил в мушкетерской роте и погиб в одном из сражений незадолго до того, как Шарль-младший решил пуститься в путь. И в память о брате-тезке, который носил эту фамилию, Шарль решил, что теперь он будет называться д'Артаньяном.

Так как рекомендательное письмо исчезло, Шарль не посмел явиться к капитану де Тревилю, который, несомненно, прогнал бы незнакомого ему оборванца. Он отправился в кабачок на улице Фоссэсуар, который ему еще на родине подсказали как место, где, по слухам, любили собираться королевские мушкетеры. Шарль надеялся завести там нужные знакомства, которые помогли бы ему в будущем. И такое знакомство действительно состоялось! В кабачке Шарль познакомился с Исааком Порто (1617–1712), королевским гвардейцем роты капитана Дез Эссарта, которая в XVII веке была своеобразным «подготовительным отделением» для желающих быть

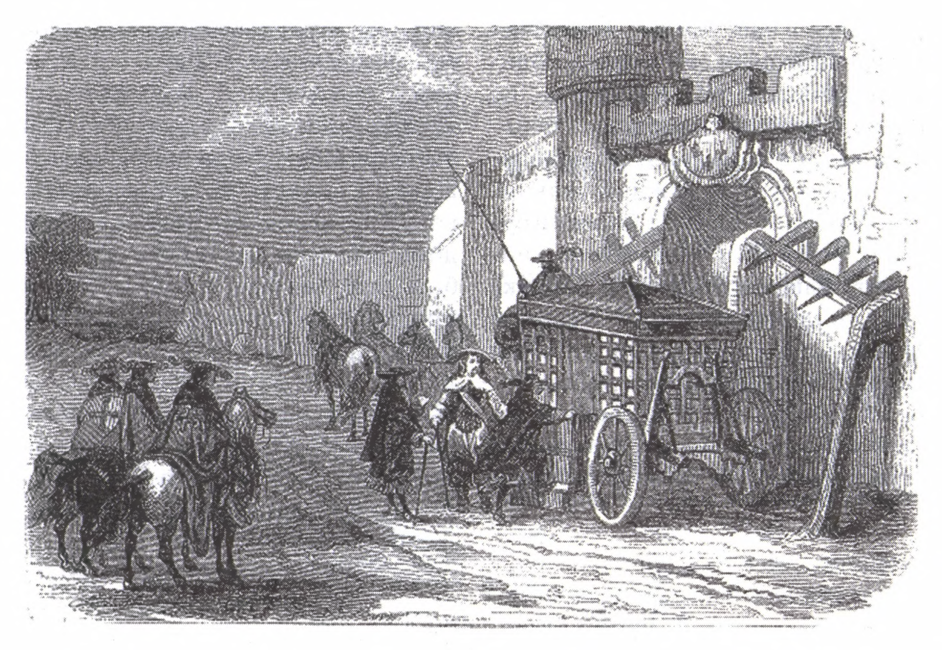

зачисленным в роту королевских мушкетеров. Порто был протестантом по вероисповеданию. Он дружил с королевскими мушкетерами Арманом де Силлег д'Атос д'Отвилем (1615–1643) и Анри д'Арамицем (1615–1673), первый из которых приходился де Тревилю троюродным племянником, а второй – двоюродным братом. В тот же день Порто познакомил Шарля со своими друзьями. Шарль не знал, что интерес и внимание, которые они проявили к нему, вовсе неспроста. В роте гвардейцев кардинала, с которыми королевские мушкетеры действительно отчаянно враждовали, служил некий Жилло. Этот Жилло имел роскошную, шитую золотом, перевязь для шпаги. Многие, в том числе и Порто с д'Атосом и д'Арамицем, подозревали, что перевязь шита золотом только спереди. И друзья решили, как говорится, вывести Жилло на чистую воду. Они знали, что на следующий день «объект» их шутки должен был отправиться на прогулку в предместье Парижа, Медон. Шутникам крайне необходим был свидетель того, что произойдет, чтобы было кому подтвердить их слова. Ведь в результате они не сомневались! Этим свидетелем волею судеб стал Шарль де Бац.

При встрече с Жилло Порто, как бы невзначай, сорвал с него плащ. Перевязь действительно оказалась только наполовину шитой золотом! Мушкетеры расхохотались. Но этим дело не закончилось. Жилло был не один, а с несколькими друзьями-гвардейцами, которые бросились ему на помощь. Завязалась стычка, на которые столь богато было то время. Д'Артаньяну достался в противники один из известных парижских бретеров, некий Монсель. Но Шарль, который, невзирая на свою крайнюю молодость, виртуозно владел шпагой, довольно быстро «уложил» своего противника. В это время д'Атос, бившийся с неким Ла Пейри, тоже записным дуэлянтом, попал в тяжелое положение. Он был ранен противником и истекал кровью. Д'Артаньян кинулся ему на помощь и спас его. Порто и д'Арамиц тоже одолели своих противников.

Конечно же, все это стало началом крепкой дружбы между д'Артаньяном и его новыми знакомыми.

И господин де Тревиль, узнав о том, как тот вел себя на дуэли, готов был его взять в свою роту, но... Увы, тогда этого не произошло! В то время во Франции все мало-мальски важные должности (как гражданские, так и военные) покупались: получив должность или чин, нужно было внести за них плату в казну. У д'Артаньяна же не

Арест министра финансов Николя Фуке в Нанте 5 сентября 1661 года.

было ни гроша в кармане. Но господин де Тревиль, как и в романе, решил отблагодарить д'Артаньяна и похлопотал о его вступлении в роту королевских гвардейцев Дез Эссарта, обещая, что со временем он сможет, отслужив определенное время и выделившись своими успехами по службе (в чем капитан мушкетеров нисколько не сомневался!), вступить в мушкетерскую роту.

Надо сказать, что в 1620–1640-е гг. во Франции была только одна рота мушкетеров – «серые мушкетеры». Название «серые» мушкетеры де Тревиля получили из-за масти их лошадей. Позже в 1650-х гг. появилась рота «черных мушкетеров». Они, соответственно, все имели вороных лошадей. Мушкетеры должны были экипироваться за свой счет: форма, пара пистолетов, шпага, лошади покупались на собственные деньги. Кстати, форма у новой «преторианской гвардии» короля была красивейшая! Мушкетеры носили голубые накидки с золотой каймой, на которых были нашиты большие кресты с королевскими лилиями (из белого бархата) на концах в обрамлении золотых языков пламени. Бойцам де Тревиля также полагалось носить высокие отложные воротники и широкополые шляпы с пышными перьями. Эти предметы экипировки были таковыми вовсе не для красоты, а имели очень даже практическое значение – защищали от ударов шпаг и сабель. А бесплатно от короля мушкетеры де Тревиля получали только мушкет. Был он настолько велик и тяжел, что для его переноски и установки (на специальную подставку) в боевых условиях требовался помощник. Вот почему мушкетерам просто необходимы были слуги. И наличие в романе у д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса слуг Планше, Гримо, Мушкетона и Базена вовсе не было ненужной роскошью или даже, как кто-нибудь может подумать, проявлением некоторой чванливости, а было просто насущной необходимостью.

Во время своей службы в роте королевских гвардейцев, которая длилась больше 10 лет, д'Артаньян не сидел сложа руки. Шла Тридцатилетняя война. Он воевал с испанцами во Фландрии: участвовал в осаде городов Эр и Аррас. И вместе с Анри д'Арамицем, в начале 1640-х гг. совершил таинственную поездку в Англию, цели которой до конца остались неизвестны историкам. Есть только предположение, что друзья ездили в Лондон по делам английской королевы Генриетты, которая приходилась родной теткой королю Франции Людовику XIV. В родной Франции она нашла с детьми приют, когда в Англии началась гражданская война, в которой ее супруг, король Карл I Стюарт, как известно, лишился головы.

А что же дружба наших героев, спросите вы? Как она «жила и развивалась»?

Увы, дружба д'Артаньяна, д'Атоса, д'Арамица и Порто была не столь продолжительна, как в романах Дюма. Исаак Порто, прослужив несколько лет в мушкетерской роте, в которую он перешел из гвардейцев, подал в отставку и вернулся домой. Там он занялся домашним хозяйством, в чем, по слухам, преуспел. По информации из некоторых других источников, Порто до старости занимал должность квартирмейстера в одном из замков, отвечая также за артиллерийское хозяйство. Но скорее всего, это не соответствует истине – более вероятно первое. Жизнь этот человек прожил долгую – умер в начале XVIII века. Анри д'Арамиц во второй половине 1640-х гг. постригся в монахи. По прошествии некоторого времени был рукоположен в сан аббата. Жизнь он прожил тоже спокойную и отошел в мир иной в начале 1670-х гг. Наиболее трагичной была судьба Атоса. Арман де Силлег д'Атос д'Оттвиль погиб в 1643-м году, спасая своего друга д'Артаньяна. Наш гасконец только-только вернулся из своей таинственной поездки в Англию. Видно, результаты ее были таковы, что он вызвал большое неудовольствие у кого-то из сильных мира того. В один из темных вечеров на одной из узких улочек Парижа на него напала банда наемных убийц. Д'Артаньян отчаянно защищался, но дело для него закончилось бы плохо, если бы мимо не проходил Атос с несколькими мушкетерами. Услышав шум, они бросились на помощь. В этой схватке, в которой все бандиты были убиты, со стороны мушкетеров погиб только один человек. Им оказался именно Арман де Силлег д'Атос д'Оттвиль, который вернул долг другу, заплатив своей смертью за его жизнь.

Насчет же знаменитой истории с подвесками королевы, которые она подарила в 1626 г. влюбленному в нее фавориту английского короля герцогу Бэкингему и за кото-

рыми наши герои скакали в Англию во весь опор (ее Дюма приводит в своем романе-хронике «Людовик XIV и его век» как вполне достоверную, правда без малейшего упоминания об участии в ней наших четырех героев), то, во-первых, наши герои в те годы были еще детьми, а во-вторых – многие историки считают, что эту историю придумал Ларошфуко, принц Марсийяк, который был горазд на такие проделки.

Д'Артаньян был принят в мушкетеры только в 1644 году. Во время службы в королевской гвардии он очень сдружился с неким Франсуа Бемо де Монлезеном (в романе «Виконт де Бражелон или 10 лет спустя» он выведен под именем Безмо де Монлезена). В отличие от литературного Безмо де Монлезена (коменданта Бастилии в начале 1660-х гг.), который, по описанию Дюма, был весьма недалеким человеком, настоящий Бемо был ловкач под стать д'Артаньяну. В эти годы во Франции произошли важные события. Король Людовик XIII умер в 1643 году. Кардинал Ришелье, истинный правитель Франции в 1624–1642 гг., немало сделавший для того, чтоб вывести ее в ряд ведущих европейских держав, умер в 1642 году. У власти оказался фаворит королевы Анны Австрийской (которая формально считалась регентшей при малолетнем Людовике XIV, который родился в 1638 году) кардинал Джулио Мазарини. Этот был ловкий итальянский авантюрист, сумевший не только заслужить высокую оценку, данную его способностям его предшественником, кардиналом Ришелье, но и сумевший занять место в сердце королевы, которого тот занять не сумел в свое время. Он стал не только ее первым министром и любовником, но и отцом, по слухам, ничем, правда, не подтверждаемым, того исторического лица, которое впоследствии получило прозвище Железной Маски. Мазарини скоро заприметил двух способных молодых людей – д'Артаньяна и Бемо. В 1646 году они стали специальными курьерами кардинала и за время своей службы выполнили не одно щекотливое поручение. Такое доверие к ним было тем более кстати, что в 1647 году, рота королевских мушкетеров была распущена. Причиной стали поступки ее первого капитана, господина де Тревиля. Он принял сторону недругов его преосвященства (так сказать, «вступил в конфронтацию»), из-за чего был отправлен в отставку, а его любимая рота на какое-то время (к счастью, ненадолго!) прекратила свое существование.

Наступили французские «смутные времена» – Фронда (в переводе с французского – «праща»). Это было время бунтов французской знати против засилья у власти иностранцев вообще и Джулио Мазарини в частности. К «фрондирующей» знати часто очень охотно присоединялся простой народ. В 1648 году в Париже стало настолько неспокойно, что королевская семья и Мазарини были вынуждены бежать оттуда в провинцию. Д'Артаньян, руководимый своей бесшабашной удалью, и, используя свою хитрость и смекалку, лично, без особых помех, вывез короля, королеву и кардинала из Парижа, чем только укрепил признательность и доверие его преосвященства к себе.

В 1651 году д'Артаньян вместе с Мазарини отправляется в изгнание в Брюль, в Германию. Наш герой продолжает выполнять специальные поручения кардинала, которых у него было немало в эти сложные для его «патрона» годы. В 1653 году Мазарини с триумфом вернулся в Париж. С ним, конечно же, вернулся и д'Артаньян.

Фронда закончилась. За заслуги перед государством кардинал производит д'Артаньяна в чин лейтенанта королевской гвардии (рота мушкетеров, как было сказано выше, была распущена шестью годами ранее). Франсуа де Бемо становится комендантом Бастилии, на коем посту пребывает несколько лет, после чего покидает Париж.

В 1657 году указом короля Людовика XIV рота «серых» мушкетеров была восстановлена. Д'Артаньяна назначают на пост капитан-лейтенанта мушкетеров (пост капитана номинально занимал король, ротой же фактически командовал капитан-лейтенант). Несколькими годами позднее, как было уже упомянуто выше, кроме «серых» мушкетеров во Франции появится еще рота «черных» мушкетеров.

В 1659 году Шарль де Бац Кастельмор, капитан-лейтенант королевских мушкетеров д'Артаньян наконец остепенился, вступив в брак с Шарлоттой де Шанлесси. Его избранница была еще не старой и весьма миловидной богатой вдовушкой, причем благороднейших кровей. Кардинал Мазарини почтил своим присутствием подписание брачного контракта своего верного сподвижника и помощника и его избранницы. От этого брака капитан королевских мушкетеров имел двоих сыновей – Луи и Луи-Шарля. Однако этот брак оказался неудачным и недолговечным. Наш гасконец решил вознаградить себя за долгие годы бедности, которая действительно вполне могла войти в поговорку, как написано в романе Александра Дюма «Виконт де Бражелон или десять лет спустя». Он стал беспросветным мотом. Забегая немного вперед, сообщу, что через несколько лет, в 1665 году, мадам д'Артаньян, которая предусмотрительно попросила учесть такой случай в брачном контракте, видя с какой быстротой исчезают ее деньги, настояла на разводе. Да и за те годы, что д'Артаньян был женат, нечасто он мог побыть со своей семьей. Почти все время отнимала служба, стычки и сражения и, конечно же, кутежи, коих наш героический капитан-лейтенант был большим любителем. Так закончилась семейная жизнь д'Артаньяна. Отныне его единственной семьей становятся его мушкетеры, которые, со своей стороны, просто боготворили своего командира.

В 1661 году капитан д'Артаньян совершил поступок, который «железными» буквами вписал его имя в историю Франции. Д'Артаньян, по приказу его величества Людовика XIV, 5 сентября 1661 года в Нанте арестовал Николя Фуке, суперинтенданта финансов. Эта историческая личность прославилась своими непомерными

финансовыми хищениями и махинациями, которые даже для нашего «лихого» времени являются чем-то впечатляющим. Из-за действий Фуке французская экономика оказалась в плачевном состоянии, и его преемнику, Жану-Батисту Кольберу, пришлось немало потрудиться, чтобы поправить финансовые дела французского королевства. Также гнев короля увеличило то, что Фуке, на свою беду, пытался ухаживать за фавориткой короля мадемуазель де Лавальер. И причина тут была, конечно же, не в советах Арамиса (согласно романа «Виконт де Бражелон или десять лет спустя» в то время уже епископа ваннского и ближайшего сподвижника Фуке), а, наверное, в том, что могущественный министр финансов решил, что не только в богатстве, но и в любви он сможет быть удачливей короля. Это дорого ему обошлось, как показало будущее. Арестован Фуке д'Артаньяном был без лишнего шума. Суд вынес суровый приговор – смертная казнь. Король, нехотя, уступая уговорам некоторых влиятельных «царедворцев», заменил казнь пожизненной тюрьмой. Первым местом заключения Николя Фуке стала Пиньерольская крепость. И д'Артаньян, выполняя приказ короля, три года был его личным тюремщиком. Но бывший министр не доставлял ему почти никаких хлопот. Фуке не пытался ни бежать, ни подкупить своего бдительного стража или склонить его на свою сторону. Он стал очень набожным и только своими бесконечными проповедями донимал нашего гасконца, которому совсем не по нутру была такая «работа». К счастью для д'Артаньяна назревала война с Голландией и королю снова стал очень нужен такой храбрый воин и талантливый командир, как д'Артаньян.

В середине 1660-х гг. наш бравый капитан становится графом. Нет-нет, он не получил грамоту на этот титул из рук короля за подвиги, хотя и очень этого заслуживал. Он решил сам произвести себя в графы – почти совсем как когда-то его прадед Арно Бац сам себя «перевел» в дворянское сословие. В ту эпоху многие дворяне так поступали и многим из них это, как говорится, сходило с рук.

Что было дальше? Какие же еще «следы» оставил Шарль де Бац, граф д'Артаньян в истории? Годы текли, а служба старого рубаки продолжалась... Болели старые раны, к которым добавлялись новые... Возраст нашего героя перевалил уже на шестой десяток лет

Памятник д'Артаньяну во Франции.

– это была уже почтенная старость в те времена. Д'Артаньян был верным слугой короля, и когда в 1671 году тот велел ему подавить крестьянское восстание в Виварэ (небольшая историческая область на юго-востоке Франции, на северо-восточном краю Лангедока; ныне входит в состав департамента Ардеш) без всякой жалости и снисхождения к восставшим, он в точности выполнил королевский приказ. И местные жители еще долгие годы вспоминали его «железную руку»... В 1672 году д'Артаньян милостью короля стал губернатором Лилля.

А в следующем году закончился земной путь старого солдата. Началась война с Голландией. Французская армия осадила город Маастрихт, который долго не могла взять. Шарль де Бац Кастельмор д'Артаньян к тому времени носил звание полевого маршала (что соответствовало званию бригадного генерала в эпоху наполеоновских войн или генерал-майора в наше время). Маршалом Франции (высшее военное звание Франции тех времен, которое так желал иметь литературный и, без сомнения, также и настоящий д'Артаньян) позже было присвоено его племяннику Полю де Бацу, сыну его старшего брата Поля. Д'Артаньян окончил свою жизнь, как и жил – как настоящий солдат, рыцарь без страха и упрека. Он погиб в бою, когда в один из дней осады, после нескольких бесплодных штурмов, возглавил отчаянную атаку своих мушкетеров. Пуля поразила его в его бесстрашное сердце. И, как написал Александр Дюма в последних словах своей знаменитой трилогии, от нашего героя «...остался один прах, душу его призвал к себе Бог».

То, что д'Артаньян, Атос, Портос и Арамис жили, что они не вымышленные люди, а реальные исторические личности, пускай не с такой яркой судьбой, как их литературные «воплощения», делает трилогию великого писателя Александра Дюма еще прекраснее! И многие-многие поколения читателей будут еще долгие-долгие годы читать и восхищаться историей бравых мушкетеров Атоса, Портоса, Арамиса и д'Артаньяна...

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ: ВЗГЛЯД ВЕЛИКОГО МЫСЛИТЕЛЯ ИЗ XIX ВЕКА В БУДУЩЕЕ РОССИИ

Владимир УСОЛЬЦЕВ,

доктор сельскохозяйственных наук, профессор Уральского государственного лесотехнического университета, г. Екатеринбург.

Алексей Степанович Хомяков – кто это? Он, как пишут сегодня, – философ, писатель, публицист, один из основателей славянофильства, богослов, социолог, историк мировой цивилизации, экономист, автор технических новшеств, поэт, врач, живописец. Не много ли сосредоточилось в одной личности?

В.З.Завитневич, автор фундаментальной биографии Алексея Степановича, писал в 1913 году: «Хомяков все еще остается у нас непризнанным. Хомяков не признан потому, что в жизни просвещенного класса нашего общества, в областях как умственной, так еще более религиозно-нравственной, было и есть слишком мало условий, благоприятствующих изучению и пониманию этой колоссальной личности. Окрещенный еще при жизни односторонней кличкой славянофила, он и по настоящее время вращается в нашем образованном обществе с этим убогим ярлыком, скрывающим от глаз малочитающих и еще менее думающих людей изумительное богатство и разнообразие действительного содержания души этого феноменального по своим дарованиям человека» (Завитневич, 1913. С. 2). «Во все продолжение его учено-литературной деятельности, – писал об Алексее Степановиче преемник и продолжатель его идей Юрий Федорович Самарин, – настроение, у нас господствовавшее, исключало всякую возможность не только оценки их по достоинству, но даже совестливого к ним внимания» (Самарин, 2008. С. 35).

Алексей Степанович в свое время не был услышан в той мере, которой он заслуживал своими актуальнейшими и во многом провидческими работами. «Странно наше, так сказать, островное положение в русском обществе, – писал он. – Чувствуешь, что мы более всех других люди русские и в то же время, что общество русское нисколько нам не сочувствует». Он не соглашается с настроениями в тогдашнем «образованном обществе», горько сетуя, что «пробужденное в нас сознание нисколько не останавливает бессмыслицу» (Хомяков, 1900. С. 383, 256).

Объяснение этому дает М.М.Панфилов (2011а): «Только избранные способны идти со старообрядческим «упрямством» до конца, против течения. Ведь *избранию* вместо заслуженных почестей, как правило, сопутствует обреченность на частое непонимание и массовое равнодушие» (с. 698–699). В совершенстве владея всеми европейскими языками, он часто публиковался на Западе. Однако не воспринимаемый в должной мере в русском обществе, он тем более не был понимаем и в западном.

Тон желчного неприятия задал «неистовый» Виссарион Белин-

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860).

Юрий Федорович Самарин (1819–1876).

ский, обладавший «превосходным чутьем литературного критика». Он, «подобно бывалому охотничьему псу, отдавал отчет в том, *какой* зверь на него вышел» (Панфилов, 2011а. С. 700). Со своей стороны, своими «не всегда оправданными догадками» Алексей Степанович предоставлял этой «самодовольной критике» «легкое торжество над трудом, который в этом отношении является перед нею безоружным» (Самарин, 2008. С. 507). Показательную для того времени оценку А.С.Хомякову и его воззрениям дал А.И.Герцен (1959): «Двадцать лет тому назад я с ужасом отпрянул от славянофилов из-за их рабства совести» (с. 222). Как справедливо отмечает М.М.Панфилов (2011а), А.И.Герцен, сам того не подозревая, дал А.С.Хомякову «высочайшую оценку». Это особенно очевидно в свете нынешних реалий: если «рабы совести» не почитались у некоторых представителей интеллигенции даже в Серебряном веке, в период расцвета идей «русского космизма», то в рамках провозглашенной ныне «идеологии наживы» это понятие в основной массе русского общества предано забвению.

И в то же время именно сегодня, в условиях вновь разгоревшихся споров вокруг «русской идеи» и дальнейшего пути России, Алексей Степанович, как никогда, актуален: «Алексей Хомяков видел свое высшее призвание в том, чтобы воспитывать волю к исторически укорененному в нашей почве бытию. К бытию *православного русского человека.*

...А что же происходит сегодня, когда в сумбурных «потоках информации» мы, казалось бы, начинаем осознавать, что идти надо «против течения»? Как и полтора века назад... И это *путь* «русской партии», вехи которого наиболее отчетливо прослеживаются от Хомякова к Достоевскому. Следуем ли мы в должной мере духовному опыту наших великих предшественников – отцов и старших братьев?» (Панфилов, 2011а. С. 701–702).

Во всех своих изысканиях А.С.Хомяков проводил идею «национального домостроительства», суть которой может быть понята из следующих его слов: «Разумное развитие отдельного человека есть возведение его в общечеловеческое достоинство согласно с теми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитие народа есть возведение до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного бытия» (Хомяков, 2011. С. 270).

А.С.ХОМЯКОВ О ПОЭТИЧЕСКОМ ИНСТИНКТЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А.С.Хомяков в «историческом бытии» видел «естественную закономерность». Но эта «запрограммированность» истории не только не ослабляет ответственности людей (а, следовательно, и их свободы), а напротив, опирается на эту свободу людей. Поэтому история движется как свободой, так и ее противоположной силой – «свободным устремлением к оковам необходимости». Поэтому исторический процесс есть процесс духовный, а движущей силой истории является вера, т.е. «религиозные движения в глубине народного духа» (Зеньковский, 2001).

«Не дела лиц, не судьбы народов, но общее дело, судьба, жизнь всего человечества составляют истинный предмет истории» (Хомяков, 2011. С. 162). «Дело историка было всегда весьма трудным; но оно стало гораздо труднее с тех пор, как летописи уже не считаются единственным источником истины. Звание историка требует редкого соединения качеств разнородных: учености, беспристрастия, многообъемлющего взгляда, Лейбницевой способности сближать самые далекие предметы и происшествия, Гриммова терпения в разборе самых мелких подробностей... Мы прибавим только свое мнение. Выше и полезнее всех этих достоинств – чувство поэта и художника. Ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам: чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, ни обмануться не может» (Там же. С. 163–164). По А.С.Хомякову, «жизненная» наука органически связана с поэзией бытия – художественными реалиями истории в единстве настоящего-прошлого-будущего (Панфилов, 2011).

«Познания человека увеличились, книжная мудрость распространилась, с ними возросла самоуверенность ученых. Они начали презирать мысли, предания, догадки невежд, они стали верить безусловно своим догадкам, своим мыслям, своим знаниям. ...Инстинкты глубоко человеческие, поэтическая способность угадывать истину исчезли под тяжестью учености односторонней и сухой. ...Еще важнее самих поверий и преданий, но, к несчастью, неуловим для исследователя, самый дух жизни целой семьи человеческой. Его можно чувствовать, угадывать, глубоко сознавать: но нельзя заключить в определения, нельзя доказать тому, кто не сочувствует. В нем можно иногда отыскать признаки отрицательные и даже назвать их; признаков положительных отыскать нельзя» (с. 168–169).

«Нет сомнения, что доказательство, основанное на строгой формуле, менее других встречает противоречий и скорее дает истине право гражданства в области знаний; но держаться единственно формул, не верить ничему кроме фор-

мул, есть односторонность, в которую впадать непростительно. Сильное и глубокое убеждение может быть следствием простого воззрения на предмет... Надобно только, чтобы рука живописца была верна и чтобы внутреннее чувство зрителя было просвещенно, и в то же время не испорчено просвещением. К несчастию, пристрастие нашего века к сухим логическим формам лишает его способности сочувствовать простым человеческим истинам; но всякая односторонность должна исчезнуть при дальнейшем развитии разума...» (с. 170). М.М.Панфилов в своих «Комментариях» (2011б) подчеркивает предельную актуальность этих воззрений А.С.Хомякова, их созвучие с задачами утверждения нравственных ценностей во всех сферах культуры, с «антропологическим» поворотом науки, связанным, в свою очередь, с современным «цивилизационным тупиком», с вопросом жизни или смерти человечества.

«Никто из исследователей до сих пор не готов к «сплошному комментированию» гениальных импровизаций Хомякова, – считает М.М.Панфилов (2011б). – А это говорит, прежде всего, о том, что мы еще не в состоянии полноценно воспринимать «исследование истины исторических идей», которое пронизывает, по сути, все его наследие. ...Сохраняя верность «русскому воззрению» на историю, у истоков которого стоит Хомяков, ни его прямые последователи, ни те, кто пришел им на смену, вплоть до настоящего времени, так и не смогли не только продолжить непосредственно поэтическую интуицию философии истории Хомякова, но и прокомментировать оставленные им бесчисленные «загадки» затянувшегося взросления славяно-православного мира» (с. 716, 717).

О «РЕЛИГИОЗНОМ ПОЗНАНИИ» А.С.ХОМЯКОВА

А.С.Хомяков развивал «теорию религиозного познания», которое он распространил на всё познание и пришел к учению о «живом знании», которое стало основой многих плодотворных построений в русской философии (Зеньковский. 2011). Согласно А.С.Хомякову, высшие истины открыты нам в православии, но только при условии свободы, которая не подменяется авторитетом. Тем самым православием преодолевается «латинство», «которое требует от индивидуального сознания покорности и послушания церкви, не развивает в индивидууме познавательной работы и даже подавляет ее. Но утверждая все права свободного исследования, Хомяков с не меньшей силой отвергает и индивидуализм, к которому склоняется протестантизм, объявляющий индивидуальный разум вполне правоспособным к познанию истины» (Зеньковский, 2011. С. 11).

В понятие веры А.С.Хомяков вкладывал очень широкий смысл. Вера в его понимании является движущей силой истории как духовного процесса, но не только. Вера как целостность духа нужна на самых первых ступенях познания. Вера как начальная стадия познания понимается А.С.Хомяковым не в смысле только религиозной веры, а в смысле непосредственного приобщения к реальности: «Я называю верой, – пишет А.С.Хомяков, – ту способность разума, которая воспринимает действительные (реальные) данные, передаваемые ею на разбор и сознание рассудка». Данные веры, по А.С.Хомякову, являются тем первичным материалом, «предшествующим логическому сознанию», из которого строится всё наше знание. Это первичное «знание веры» проникнуто действительностью, принимая всё ее разнообразие, «оно снабжает рассудок всеми данными для его самостоятельного действия и взаимно обогащается всем его богатством – оно знание живое... Это живое знание требует постоянной цельности и неизменяемого согласия в душе человека» (цит. по: Зеньковский, 2011. С. 12–13).

Во многом созвучен А.С.Хомяков с идеями «Общества любомудров», активным членом которого был князь В.Ф.Одоевский, утверждавший: «Великое дело – понять свой инстинкт и чувствовать свой разум. В этом, может быть, вся задача человечества» (Одоевский, 1975. С. 177). Оригинальность взглядов В.Ф.Одоевского в том, что идея «цельного знания» направлена не против дифференциации наук, а против «овнешненного» знания, против рациональности современной науки, которая охватывает лишь «первую оболочку мира», не затрагивая его сущности. «Новая наука» должна осуществить синтез инстинкта и разума, двух главных особенностей человека – природной и сверхприродной. В ней всё инстинктивное обращается в «знание ума», а «знание ума» становится внутренним, интимным, приобретает силу воздействовать на ход вещей. (Семенова, Гачева, 1993). «Мы всё изучили, всё описали и – почти ничего не знаем», – писал В.Ф.Одоевский (1975. С. 166).

У В.Ф.Одоевского сомнения в рациональности науки означают необходимость ее более тесного смыкания с неявным, интуитивным знанием. Это было очень точно подмечено Н.Н.Моисеевым (2003): «Рационализм, утвердившийся в XVIII веке, был естественным и очень важным этапом развития культуры и цивилизации в целом», но еще «...Одоевский, основатель кружка любомудров, произнес вещую фразу о том, что рационализм нас подвел к вратам ис-

Владимир Федорович Одоевский (1803–1869).

тины, но не ему предстоит их открыть» (с. 6).

В какой-то мере А.С.Хомяковым было предвосхищено нынешнее (несомненно, более узкое, чем у А.С.) представление о «неявном» знании как необходимой начальной стадии всякого нового знания, вытекающей из «теоремы о неполноте» Гёделя (Успенский, 1982) и принципе сочувствия в этой связи (Мейен, 1977).

А.С.Хомяков выступает за целостную обращенность души к теме знания: «Для уразумения истины самый рассудок должен быть согласен со всеми законами духовного мира ...в отношении ко всем живым и нравственным силам духа. Поэтому все глубочайшие истины мысли доступны только разуму, внутри себя устроенному в полном нравственном согласии со всесущим разумом». Для Хомякова важна объективная целостность познающего духа, связанная с моральными требованиями, исходящими от «всесущего разума». Главный его упрек Западной церкви в связи с церковным расколом в XI веке в том, что она без соглашения с Восточной церковью «нарушила моральные условия познания и потому и оторвалась от истины, подпала под власть рационализма» (Зеньковский, 2011. С. 12). «С этого времени, – считает А.С.Хомяков (2011), – на Западе не стало Церкви, осталась духовная Римская *империя*, впоследствии раздробленная протестантскою *республикою*» (с. 157). С тех пор «...на Западе духовной жизни человека открыты только две дороги: дорога Романизма и дорога Протестантства» (с. 149).

О ЗАПАДНОМ РАСКОЛЕ ХРИСТИАНСТВА В 1054 ГОДУ

Западное христианство, – считает А.С.Хомяков (2011), – «совершило самоубийство», «присудило себя к смерти, когда задумало быть религиозною монархиею» (с. 130). Он показывает «...действительное, внутреннее состояние обеих ветвей раскола. Их общее основание есть рационализм. Вся надстройка условна и в равной степени страдает отсутствием величия, гармонии и внутренней связи. ...Напрасно они опасаются, как бы их не убило неверие. Чтобы быть убитым, нужно быть существом живым; они же, несмотря на свои волнения и призрачные борьбы, носят уже смерть в себе самих; неверию остается только убрать трупы и подмести арену. И все это – праведная казнь за преступление, содеянное Западом против святого закона Христианского братства» (Там же. С. 145).

«...Наш век есть время мысли, и по этой самой причине ему суждено иметь на будущность человечества влияние очень сильное. Конечно, общественные страсти могут возмущать ясность мысли; грубая сила может на время подавлять ее; но страсти притупляются и затихают, грубая сила надламывается или утомляется, а мысль переживает их и продолжает свое нескончаемое дело: ибо она поистине от Бога. ...А в том-то именно заключается существенная опасность, грозящая настоящей эпохе, что мысль на Западе действительно обогнала религию, уличив ее в рационализме и непоследовательности, а религия обогнанная есть религия приговоренная» (с. 146, 147).

А.С.Хомяков (2011) пишет об одной закономерности этического характера: «В числе законов, правящих умственным миром, есть один, которого Божественная, строгая правда не допускает исключений. Всякое незаслуженное оскорбление, всякая несправедливость поражает виновного гораздо более чем жертву; обиженный терпит, обидчик развращается. Обиженный может простить и часто прощает, обидчик не прощает никогда. Его преступление впускает в его сердце росток ненависти, который постоянно будет стремиться к развитию, если вовремя не очистится все нравственное существо виновного внутренним обновлением. ...Рабовладелец всегда более развращен, чем раб; христианин может быть рабом, но не должен быть рабовладельцем. ...Этот закон имеет огромную важность в истории» (с. 86). «Господство – еще худший наставник, чем рабство, и глубокий разврат победителей мстит на несчастие побежденных» (с. 191).

В другой своей статье А.С.Хомяков развивает высказанную мысль: «Все связано, все находится в условиях взаимного действия и борения. Первое оскорбление, нанесенное человеком человеку или племенем племени, закидывает в душу злое начало вражды и вызывает наружу тайные зародыши порока. По чудному закону нравственного мира, обидчик более ненавидит обиженного, чем обиженный своего притеснителя. Обе стороны подвергаются нравственной порче; но семя зла сильнее развивается в самом сеятеле, чем в почве, невольно подвергающейся его вредному влиянию. Таков устав вечной правды. ...Не только первые утеснители, но и потомки их в дальнейшем колене носят это клеймо первоначальной злобы. Так, Польша и Литва ненавидели Россию, когда Россия еще была перед ними чиста и неповинна, ...так славянин протягивает дружески руку германцу, а германец рад бы опять на него замахнуться мечом – да поздно: старый плебей Европы вырос не под мочь соседу» (Хомяков, 2011. С. 190).

Комментируя «западный раскол», «западную ересь против догмата церковного единства», А.С.Хомяков делает вывод: «...Решив догматический вопрос без содействия своих восточных братий, Запад тем самым подразумевательно объявил их сравнительными недорослями, разжаловал их в илотов по вере и благодати и чрез это отверг их от Церкви, словом, – совершил над ними *нравственное братоубийство.* По неизбежной последовательности, наследники этого преступления должны прийти к *братоубийству вещественному*. ...Я утверждаю, что в западных исповеданиях у всякого на дне души лежит глубокая неприязнь к восточной Церкви. Таково свидетельство истории...» (Там же. С. 86–87).

Совершив «ересь раскола единой Церкви», западная церковь обвиняет восточную в «ереси Фотия». Накануне Крымской войны архиепископ парижский Сибур возве-

щает Франции, что «война, в которую вступает она с Россиею, не есть война политическая, но война священная; не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная; что все другие основания, выставленные кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина к этой войне, причина святая, причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотия; укротить, сокрушить его...» (Хомяков, 2011. С. 84–85).

Комментируя противостояние «двух исповеданий, образующих западный раскол», и восточной Церкви, А.С.Хомяков показывает, что кроме «враждебного настроения сердца», есть другое, гораздо более важное: «...До самой эпохи великого западного раскола познание Божественных истин считалось принадлежностью всецелой Церкви, объединенной духом любви. ...Как скоро логическое начало знания... отрешилось от нравственного начала любви, выражающегося в единодушии Церкви, так этим самым на деле установлялось протестантское безначалие – анархия в области веры. ...Чтоб избежать ...анархии, нужно было вместо нравственного закона... поставить какой-нибудь новый закон, внутренний или внешний, такой закон, который бы облекал определения западно-церковного общества несомненною обязательностью... Необходимость в этом законе мало-помалу создала понятие о папской непогрешимости. ...Чтоб не остаться в глазах Церкви расколом или не оправдать заранее своим примером протестантское своеволие, романизм вынужден был приписать римскому епископу непогрешимость безусловную» (Там же. С. 88–89).

«Протестантство, исходя из той же мысли, что и Запад, ...пришло к заключению, что наравне с западным патриархатом и всякая страна, всякая епархия, наконец, всякое отдельное лицо имеет такое же право отделиться от целой Церкви и создать себе символ веры или верование по своему вкусу. ...Протестантство потеряло всякую память о той нравственной взаимной зависимости, в которой находились одна от другой частные области первобытной Церкви. ...Протестантство, лишенное опоры предания и нравственного над собою попечительства Церкви, обратившейся для него в чистый абстракт, поневоле должно остаться при одной Библии как единственном руководстве». Но поскольку «эта книга – все-таки произведение человеческое, ...все верования протестанта держатся на предмете чисто условном. Но условное верование есть не более как прикрытое неверие» (с. 89–90).

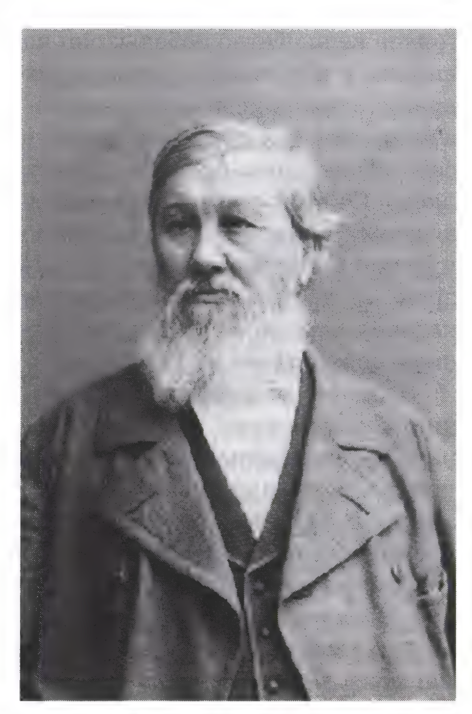
О СПЕЦИФИКЕ И ЗНАЧЕНИИ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Нет такого далекого племени, которое бы не было исследовано западными учеными, отмечал А.С.Хомяков. «Одна только семья человеческая мало и весьма мало обращала на себя их внимание, а эта семья, кажется, не за морями, не утаилась в каком-нибудь темном уголке земли, а пограничная германцам, даже чересполосная с ними, сильная числом, населяющая пространство почти беспредельное, семья славянская. ...Какие бы ни были тайные причины, помрачающие до сих пор ясность взгляда критиков, то неоспоримо, что они впадают в постоянное противоречие сами с собою, в одно время представляя славян как самую многочисленную изо всех индогерманских семей и отнимая у них поочередно всех предков, так что они представляют нелепый вид огромного дерева без корней, что-то похожее на болезненное сновиденье» (Хомяков, 2011. С. 171, 173).

Причину подобного отношения «германцев» к славянам Алексей Степанович видит в историческом различии их ментальности. «Народы завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют навсегда чувство гордости личной и презрение не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому, – утверждал А.С.Хомяков (2011). ...Народы земледельческие ближе к общечеловеческим началам. На них не действовало гордое волшебство победы; они не видали у ног своих поверженных врагов, обращенных в рабство законом меча, и не привыкли считать себя выше своих братьев, других людей. От этого они восприимчивее ко всему чуждому. Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но все человеческое находит в них созвучие и сочувствие» (с. 179–180).

Позднее именно в этом различии ментальности «завоевательных» и «земледельческих» народов увидит причину раскола христианства в XI веке и последующего противостояния Западной и Восточной церквей Николай Яковлевич Данилевский. «Одна из черт, общих всем народам романо-германского типа, есть *насильственность*», которая «представляется как естественное подчинение низшего высшему», – считает Н.Я.Данилевский (2011). – «Ранее всего проявляется эта насильственность европейского характера в сфере религиозной. ...Что же такое сам католицизм, как не христианское учение, подвергнувшееся искажению именно под влиянием романо-германского народного характера? Само христианское учение не содержит никаких зародышей нетерпимости. ...Если, следовательно, католичество выказало свойства нетерпимости и насильственности, то, конечно, не могло ниоткуда заимствовать их, как из характера народов, его исповедующих» (с. 216–217). «Католицизм возник... от насильственного характера западного духовенства, видевшего в себе всё, а вне себя ничего знать не хотевшего» (Там же. С. 221).

В противоположность романо-германским, «славянские народы самой природой избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удается только перемещать из одной формы деятельности в другую. ...Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. ...Православие было первоначально и религией Запада, однако же, как мы видим, оно исказилось именно под влияни-

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885).

ем насильственности романо-германского характера. Если оно не претерпело подобного же искажения у русского и вообще у славянских народов, значит, в самых их природных свойствах не было задатков для такого искажения. ...Один из славянских народов – поляки – представляет действительное и грустное исключение» (Данилевский, 2011. С. 225–227).

Поскольку исторический процесс есть процесс духовный, а носителем духовности является православие, то именно оно, опосредованное через Россию, приведет к перестройке всей системы культуры: «Всемирное развитие истории, – утверждал А.С.Хомяков, – требует от нашей Святой Руси, чтобы она выразила те всесторонние начала, из которых она выросла. ...История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения, история дает ей право на это за всесторонность и полноту ее начал». У него было глубокое понимание всемирной задачи России, которая состоит в том, чтобы освободить народы от того ложного пути развития, которое получила история под влиянием Запада (Зеньковский, 2011).

Комментируя оставленные А.С.Хомяковым бесчисленные «загадки», намеки и недосказанности, «открывающие дальние, еще неисследованные горизонты», продолжатель его дела, Ю.Ф.Самарин, развивает и обобщает идеи А.С.Хомякова, связанные с пониманием всемирной задачи России: «Тому назад лет двадцать, когда историческая будущность славяно-православного мира начала переходить из области темных гаданий и поэтических предчувствий в отчетливое сознание, ...нужно было отыскать славян и живые следы православного вероучения. ...Но задача не могла ограничиться определением внешней, осязаемой стороны исторических фактов. Возникли новые вопросы: к чему предназначено это, долго непризнанное, племя, по-видимому, осужденное на какую-то страдательную роль в истории? Чему приписать его изолированность и непонятный строй его жизни, не подходящей ни под одну из признанных наукою формул общественного и политического развития: тому ли, что оно, по природе своей, неспособно к самостоятельному развитию и только предназначено служить как бы запасным материалом для обновления оскудевших сил передовых народов, или тому, что *в нем хранятся зачатки нового просвещения, которого пора наступит не прежде, как по истощении начал, ныне изживаемых человечеством* (выделено мной. – *В.У.*)? Что значит эта загадочная Церковь, по-видимому, задержанная в своем развитии и как бы оставшаяся в стороне от истории, с тех пор как христианство на Западе распалось на свои два противоположных полюса? Наконец, какая таинственная связь соединяет эту Церковь с этим племенем, которое в ней одной свободно дышит и движется, а вне ее неминуемо подпадает рабскому подражанию и искажается в самых коренных основах своего бытия?» (Самарин, 2008. С. 502–503).

Истории было угодно выдвинуть именно А.С.Хомякова для ответов на все эти поставленные жизнью вопросы.

«...Нашим западным соседям смирение наше кажется унижением, – писал А.С.Хомяков (2011). ...Но чуждая стихия не срастется с духовным складом славянским. Мы будем, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное. ...Грядущее покажет, кому предоставлено стать впереди всеобщего движения; но если есть какая-нибудь истина в братстве человеческом, если чувство любви и правды и добра не призрак, а сила живая и не умирающая, – зародыш будущей жизни мировой – не германец, аристократ и завоеватель, а славянин, труженик и разночинец, призывается к плодотворному подвигу и великому служению» (с. 181).

Позднее с А.С.Хомяковым солидаризируется Н.Я.Данилевский, считавший, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Оценивая русский народный характер, он утверждал, что «главную пружину, главную двигательную силу русского народа» составляет «...внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления» (Данилевский, 2011. С. 235). Он пишет о «внутреннем, нравственно-политическом единстве и цельности русского народа, объемлющих собою всю государственную сторону его бытия». В этом Н.Я.Данилевский видит причину того, что в критических ситуациях «русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние, которое мы называем *дисциплинированным энтузиазмом*» (с. 552). И далее: «Счастье и сила России в том и заключается, что сверх ненарушимо сохранившихся еще цельности и живого единства ее организма, само дело ее таково, что оно может и непосредственно возбудить ее до самоотвержения, если только будет доведено до его сознания всеми путями гласности» (с. 555).

«Народ растет как человек, подвигаясь не вдруг по всем направлениям духа, но находясь всегда под преобладанием одного какого-нибудь начала, одной какой-нибудь мысли, – писал А.С.Хомяков (2011). – Однако же преобладание одной стороны не есть ни смерть, ни даже совершенное усыпление всех других. Все силы продолжают действовать незаметно на быт общества, изменяя мало-помалу самое направление силы, первенствующей временно. От этого-то и происходит весьма обыкновенное явление поочередности в умственном или политическом стремлении народов и внезапное пробуждение таких начал, которые казались совершенно подавленными. ...Всякое общество, принимающее свое просвещение извне, поддается началу чужому и почти никогда не может в то же время развивать свою мысль собственную, коренную; но когда оно возмужает в области ума, тогда оно возвращается к познанию своих внутренних богатств и начинает жизнь новую, самобытную, важную не только для него, но и для всего человечества.

Так, Россия, увлеченная бурным движением диких веков и соблазном западной науки, давно живет жизнию чуждою и несогласною с ее настоящим характером. Она утратила свое мирное братолюбие в раздорах удельных, свое устройство гражданское в возрастающей силе князей и особенно в великокняжеских престолах... Пришло ей время узнать себя, и отовсюду нежданно-негаданно пробиваются ростки старых корней, которые считались погибшими... До сих пор все ограничивается формою наружною, и не знаю, в каких пределах остановится новое развитие, но явление частное и неполное уже весьма важно: оно свидетельствует о живом историческом источнике, текущем под вековыми льдами» (Там же. С. 186–189).

Удивительно современно звучат эти слова А.С.Хомякова, они простирают его взгляд и в наше время, и в будущую Россию. Они дают основание надеяться, что, несмотря на всё трагическое скатывание России в объятия глобализма в течение последних десятилетий, «живой исторический источник» и «ростки старых корней» русской ментальности неизбежно заявят о себе, наше общество «возмужает в области ума», возвратится «к познанию своих внутренних богатств» и начнет «жизнь новую, самобытную, важную не только для него, но и для всего человечества».

Литература:

Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т.17. М.: Академия наук СССР, 1959. 541 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. 814 с.

Завитневич В.З. Алексей Степанович Хомяков. Т. 2. Система философско-богословского мировоззрения Хомякова. Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киеве»,1913. 336 с.

Зеньковский В. Предисловие // Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. С. 5–16.

Мейен С.В. Принцип сочувствия // Пути в незнаемое: писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1977. С. 401–430.

Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Экология и жизнь. 2003. № 1(30). С. 6–10.

Одоевский В.Ф. Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства. Л.: Наука, 1975. 317 с.

Панфилов М.М. Приложение // Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011а. С. 695–709.

Панфилов М.М. Комментарии // Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011б. С. 710–777.

Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 718 с.

Семенова С.Г., Гачева А.Г. Владимир Федорович Одоевский. Предисловие // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 34–38.

Успенский В.А. Теорема Геделя о неполноте. (Популярные лекции по математике). М.: Наука, 1982. 112 с.

Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. 408 с.

Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. 782 с.

Новая книга в серии «Библиотека поэзии Каменного пояса»

* * *

Я поэт, и мне труда не стоит
Поселить тебя на пустыре,
Отделить от мира запятою,
Как собакой злою во дворе;
В довершенье глиняную кошку
Посадить на тесное окошко,
А потом исчезнуть навсегда –
И живи, и мучайся тогда.
Только в жизни все выходит проще:
Подарил тебе дворец из грез,
Солнце и луну тебе принес,
Соловьев неугомонных рощу...
Уходил. Вернулся через год –
На комоде – глиняный урод.

* * *

Всё в книге судеб сказано о нас.
Всех дней и лет подведены итоги.
И строки те, что пишутся сейчас,
Увы, – уже написанные строки.

Но все же это жизнь, а не рассказ.
Какими ж быть должны ее дороги,
Чтоб умирать друг в друге каждый раз
И не узнать друг друга в эпилоге.

* * *

Что происходит в этом мире?
Ноябрь – больше ничего.
Дрожит в простуженном эфире
Звезда последняя его.

Уже бесплотная, пустые
На Землю уронив лучи,
Она погаснет и остынет.
И снег закружится в ночи.

САТКИНСКИЙ ГЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ШУППЕ

Вячеслав ЛЮТОВ,

член Союза журналистов России, член редакционного совета журнала «Веси».

Олег ВЕПРЕВ,

член Союза журналистов России.

«В нас пропал дух авантюризма, мы перестали делать большие хорошие глупости», – сокрушался когда-то герой знаменитого советского фильма. В нынешний век холодного расчета и межбюджетного патернализма приходится признать, что «экономический авантюризм», в хорошем смысле этого слова, когда человек сам, самоличными средствами, поставив все на кон, идет ва-банк в инновационные проекты, нам почти неведом. Хотя яркие искорки вспыхивают здесь и там, зажигают постсоветскую и посткризисную эпоху – к вящей радости и удивлению сторонних наблюдателей. И так хочется заглянуть в историю – были ли там подобные всполохи?

Были. И самая яркая вспышка, подобно челябинскому метеориту, зафиксирована в Сатке в самом начале XX века...

В ПОИСКАХ ГРАФСКИХ КОРНЕЙ

Удивительное дело, но в судьбе Александра Филипповича Шуппе максимально достоверными можно назвать лишь три факта – зато какие! Он был одним из основателей первого и крупнейшего в стране предприятия по производству магнезиальных огнеупоров «Магнезит», построил одну из первых в России гидроэлектростанцию «Пороги», действующую до сих пор, – и построил первый же в России ферросплавный завод!

Сравниться с таким инновационным масштабом мог разве лишь гений Николы Тесла. Но парадокс истории в том, что о самом Александре Шуппе мы практически ничего не знаем. Итоговые факты есть, а все остальное – зыбко и неясно.

Александр Филиппович Шуппе.
1895 год.

Согласно редким биографическим справкам, Шуппе родился в Риге в купеческой семье, о чем сам указывал в автобиографии. В формулярных списках значится, что он из мещан. При этом легендарный директор ЧЭМК В.Н.Гусаров, встречавшийся много позднее с его племянником, упорно называет основателя «Магнезита» и «Порогов» графом.

«Графские летописи», естественно, не вписывались в советские исторические каноны, а потому исчезали, словно роса поутру. Поэтому остановимся на наиболее точной «Выписке из формулярного списка о службе главного горного инженера А.Ф.Шуппе», сохранившейся в Златоустовском архиве: он родился 17 мая 1855 года «в Санкт-Петербургской губернии в лютеранской купеческой семье». На этом, собственно, его рождение, детство и отрочество заканчивается. Никаких воспоминаний, упоминаний о «нежном возрасте» не сохранилось.

Как пишет исследователь Владимир Тихомиров, после оконча-

ния Первого реального училища в Петербурге Шуппе поступил в Горный институт, который, собственно, готовил инженерную элиту металлургии. Здесь «затеряться» было сложнее, тем более в «бесовскую» эпоху разночинства и народовольства, в которой высшие учебные заведения были нестерпимой болью жандармских управлений и находились под их постоянным присмотром.

Философское осмысление той эпохи придет позднее, но большинство думающей молодежи в те годы оказалось «подвержено дурному революционному влиянию». Философ С.Булгаков очень точно определит известную формулу этого движения, своего рода поговорку, характеризующую эпоху – от марксизма к идеализму.

Шуппе не остался в стороне и почти примкнул к наиболее радикальному крылу революционно настроенной молодежи – по агентурным данным, в 1879 году участвовал в одном из таких кружков вместе с Г.Плехановым и Н.Шмеманом. Его имя фигурирует в деле о покушении на шефа жандармов генерал-адъютанта А.Р.Дрентельна. Согласно донесениям, на квартире, где жил Шуппе, были найдены запрещенные издания, револьвер и патроны.

«Его арестовали, и около двух недель он содержался в Литовском замке, пока его не выпустили на поруки под денежный залог в пять тысяч рублей, – пишет В.Тихомиров. – После выхода из тюрьмы он находился под негласным надзором полиции. Отправляется сначала на Кавказ, потом в Калужскую губернию. Оттуда Петербург сигнализирует – Шуппе снова обнаружил преступный образ мысли, кроме того, у него снова находят запрещенные книги».

В качестве «профилактической меры» заблудшего студента отчисляют из Горного института, но вскоре восстанавливают. В архивной «Выписке» говорится, что в июне 1880 года Шуппе все же «окончил курс наук в Горном Институте по горному разряду со званием Горного инженера и с правом на присвоение чина Губернского секретаря при поступлении на государственную службу». А также указывается, что Шуппе «определен на службу по Горному ведомству с назначением в распоряжение Главного начальника Уральских заводов для практических усовершенствований на 1 год по чину».

На Урал, в Златоуст, Кусу, с глаз долой и от греха подальше...

ДУША НЕ НА МЕСТЕ

К 1880 году, к моменту «распределения» Шуппе, Златоустовский горнозаводской округ был настоящим оружейно-металлургическим центром России. Булатная златоустовская сталь по «рецепту» Аносова получила признание во всем мире. Поэтому, когда Шуппе будет назначен управителем Златоустовского завода, Оружейной и Князе-Михайловской фабрик, его любимыми словами станут: «Мы – продолжатели незавершенных дел П.П.Аносова...»

Златоуст пошел «неблагополучному выпускнику» на пользу. Шуппе вошел во вкус технологий и производства; прежняя революционная энергия словно сублимировалась в инновационный поиск; утопические мечты о всеобщем благоденствии сменились реальными ясными задачами, стали «бычками на привязи» – к конкретному месту и времени.

Проблем и шероховатостей, конечно, тоже хватало с избытком. Нельзя быть все время на подъеме. В начале 1880-х годов в Златоусте наметился определенный спад производства, и Александр Филиппович это чувствовал. Нет, ему была приятна немецкая слобода и почтение к старым мастерам, семейным династиям. Златоуст выгодно отличался от той же самой «пыльной и сонной» Челябы, жил чуть ли не столичной жизнью, строился, модернизировался и даже в итоге принял визит Императора.

Но... как говорится, чего-то главного не доставало.

Излет XIX века ознаменовался для Шуппе чехардой, прыганием с одного места на другое – если судить по формулярной «Выписке». Вот он в начале 1881 года командирован на Артинский завод для практических занятий – по производству пил, кос и всякой иной металлической утвари для домашнего хозяйства. Через год – отправлен смотрителем в Кусинский завод. Затем снова – в Златоуст, снова – в Арти, снова – в Кусу,. И снова – в Арти, где он «оптимизировал» нормы расхода угля, жестко привязав их к зарплате рабочих. «Передохнул» немного, когда его в 1884 году направили на Адмиралтейские Ижорские заводы для технических занятий.

Дальше будет настоящая «жесть». Как свидетельствуют «Выписка» и биографические материалы, осенью 1888 года Шуппе отправился за границу – «с Высочайшего соизволения командиро-

Златоуст в начале 1890-х годов.

ван в Германию, Англию, Австрию и Швецию для изучения приготовления жести». Естественно, вернулся с секретами луженой листовой стали методом электролитического осаждения...

В этих перемещениях затерялась его личная жизнь. Известно, что А.Ф.Шуппе был «женат первым браком на дочери коллежского секретаря Людмиле Николаевне Левицкой, православного вероисповедания». От этого брака родилась дочь Вера, в замужестве Зокк. Был у Александра Филипповича и племянник – Александр Иванович Шуппе. Кстати, он внесет определенную путаницу в головы биографов, знакомящихся «в первом чтении» с жизнью основателя «магнезита». Александр Иванович был младшим штейгером, который работал на рудниках Саткинского чугуноплавильного завода, а потом и на заводе «Пороги», частенько заменяя своего дядю.

В жизни самого же Александра Филипповича Сатка прочно обоснуется, в связи с новым назначением, в 1893 году...

Сатка – удивительное по красоте в мире место. В долине реки стоит Свято-Никольский храм, спрятавшись за зелеными ветвями деревьев и отражаясь в воде отсветами красного кирпича. Дальше, в округе, будоражат воображение берега реки Ай с их синусоидой лесных и каменистых взлетов и падений. И лучше не попадать в холодные чрева пещер Сикияз-Тамак...

Серебряный треугольник, очерченный самой Саткой, «Порогами» и долинами рек Ай и Сатки, появится на туристических картах

Саткинский чугуноплавильный завод.

много позднее. А пока Шуппе был назначен управляющим огнедышащим Саткинским казенным чугуноплавильным заводом – тем, который сегодня с успехом восстановлен и плавит ферромарганец во славу России.

В этой должности он проработает недолго – всего лишь год, хотя Сатка и ее окрестности войдут в его жизнь раз и навсегда. Причины столь короткого пребывания в должности сейчас установить сложно, но одно предположение все-таки стоит сделать. «Продолжатель дел Аносова» вынашивал идею по созданию собственного предприятия и искал инвесторов.

Но и от прямой должностной работы не бегал, к тому же завод требовал серьезной модернизации. Казенные средства для этого выделялись еще с середины 1880-х годов, но дело шло медленно. Плавить обычный дешевый чугун горному инженеру не хотелось, и он начинает восстанавливать уже на новом витке производство пудлингового железа – железа, которое после плавки чугуна в печи получает новые качественные свойства: оно хорошо сваривается, обладает высокой пластичностью и содержит мало примесей.

Чувствовал ли Шуппе, что многовековая история пудлингования все же подходит к концу? – скорее всего. В Европе уже появились первые бессемеровские конвертеры, научно-техническая мысль спешила к мартенам и электроплавке. Были и другие новинки, которые запали ему в душу во время заграничного путешествия и не давали покоя.

Наверняка были и многочисленные отлучки управляющего – после европейского путешествия Шуппе, естественно, искал возможные аналоги для производства здесь, на Урале, объезжая живописные саткинские окрестности, забираясь в тогда еще медвежьи углы. И даже не догадывался, что по соседству с вверенным ему заводом, на расстоянии вытянутой руки, лежит то, что ему нужно.

В какой-то момент Шуппе почувствовал, что ему интересно не столько производить, сколько создавать производство; начинать что-то с нуля, а затем, добившись результата, просто переворачивать новую страницу. Именно поэтому в 1897 году он сорвется с Урала – как только Горный департамент предложит ему должность главного инженера на строящемся близ Саратова Волжском сталелитейном заводе.

Шуппе поедет не один – буквально затребует к себе талантливого златоустовского горного техника и, по убеждениям и обстоятельствам, неблагонадежного революционного бунтовщика Владимира Георгиевича Рогожникова.

Это будет крепкая дружба. Рогожников всего добился сам, своим талантом. Вырвавшись из семьи с пьяным отчимом-дебоширом, он поступил в Екатеринбургское горное училище на казенный счет как способный ученик. Вернувшись в Златоуст, очень скоро стал мастером и, «по совместительству», активным участником Уральского рабочего союза, той самой организации, которая в 1896–1897 годах устраивала крупные стачки, а после акции в Златоусте добилась установления восьмичасового рабочего дня.

Горное правление, естественно, терпеть молодого революционера, которому еще не исполнилось и тридцати лет, не пожелало и уволило Рогожникова с завода. В этот драматический момент Шуппе и прислал приглашение на строительство саратовского завода. Как рассказывает внучка В.Г.Рогожникова, проводы деда с семьей из Златоуста вылились в настоящую демонстрацию рабочих.

Если следовать прежней идеологической советской логике в истории, то Александра Филипповича вполне можно причислить к революционно-настроенной части российского общества. Можно было припомнить бурную студенческую юность, поставить под надзор полиции – за то, что «якшается» с неблагонадежными политическими элементами. Можно назвать сочувствующим и даже примкнувшим к революционному движению – ведь «проглядел» же, как его по-

допечный Рогожников уже в Саратове создал подпольную типографию!

Но суть в том, что повзрослевший, «переросший революционную романтику» Шуппе понимал другое: экономико-производственная авантюра, поиск новых и нестандартных решений, инновационное «созидание необычного» – все это совершенно не нуждается в политических взглядах. Это право личности, а для дела нужны знания, а не политические предпочтения...

Кстати, сталелитейный завод в Саратове, нацеленный на выпуск тонколистового проката для барж, судов, нефтеналивных емкостей, окажется неудачным проектом – он не выдержит экономического кризиса начала 1900-х годов, будет закрыт, а позднее на его площадке будут производить комбайны и тяжелые зубострогальные станки...

ОГНЕУПОРЫ НА ПАЯХ

Впрочем, это будет потом, а пока, в 1900 году, Александр Шуппе возвращается в Сатку – в связи с поручением построить и оснастить завод по переработке магнезита.

Ему 45 лет; он бодр, полон сил, энергии, знаний. А главное, у него накоплен небольшой капитал и найден «стратегический инвестор» – саратовский городской голова А.О.Немировский. Это давало возможность сделать что-нибудь свое, независимое, яркое, интересное.

Такой «расклад» был свойственен поколению людей, сделавших самих себя, ставших основой дореволюционной предпринимательской эпохи. К примеру, по такому пути прошли от приказчиков и представителей торговых домов челябинские купцы Галеевы, Яушевы, или Алексей Кузнецов, представитель троицких купцов, построивший в Челябинске самую мощную по тем временам мельницу, или Василий Чеканников, долгое время ходивший в приказчиках братьев Злоказовых и, наконец, выстроивший собственный пивоваренный завод в Щербаковке.

Шуппе также перешагнет этот Рубикон – в Сатку он вернулся не управляющим, а именно пайщиком нового товарищества «Магнезит». Товарищество на паях – одна из самых распространенных предпринимательских форм того времени. Накопленные в пореформенный период деньги не «желали быть одинокими», капиталы объединялись для достижения общей цели. В этом смысле, саткинский «Магнезит» являлся настоящим инвестиционным проектом, как это назвали бы сейчас.

Дело решил счастливый случай. Еще в 1898 году к Шуппе в Саратов приехал его хороший знакомый по Златоустовскому заводу, одногодок Михаил Иванович Маркусон. Бывший провизор горнозаводской аптеки, он оставил банки и снадобья и решил заняться торговлей металлами, поступив на службу агентом в товарищество «Износков и Зуккау». Кстати, по тем временам ничего неестественного в таком «переходе» не было – к примеру, челябинский врач Корнилий Покровский, поднакопив средств, тоже успешно сменил аптекарское поприще на статус золотопромышленника. Маркусон поведал Шуппе, что он решил оставить службу, чтобы всецело отдаться одной затее и, следом, божественному провидению.

То, что дальше рассказал бывший аптекарь, взволновало Александра Филипповича. Геологической разведкой в Саткинской казенной даче на Карагайской горе был обнаружен удивительный синий камень, который при нагревании менял цвет на бурый, но не менял при этом своих свойств, совершенно не боясь высоких температур. Отчеты изыскателей с четким указанием количества шурфов, места их расположения, глубины и, главное, с образцами пород доставлялись в лабораторию Саткинского чугуноплавильного завода. Химические анализы предоставленных образцов производил химик-лаборант Петр Гаврилович Сальников; он же подписывал и рапорты о результатах анализа. По этой причине, кстати, в советское время и родилась легенда о Сальникове, как о «первооткрывателе» магнезита.

Шуппе сразу понял, о чем идет речь. О ценном минерале – кристаллическом магнезите, необходимом для защиты поверхности металлургических печей от воздействия высоких температур, – он узнал еще во время командировки за границу в 1888 году, познакомился с производством магнезита в Австрии, в Штирии, где буквально восемью годами раньше было открыто первое месторождение карбоната магния.

Как пишут исследователи, «к началу XX века из обожженного магнезита стали производиться огнеупорные изделия для футеров-

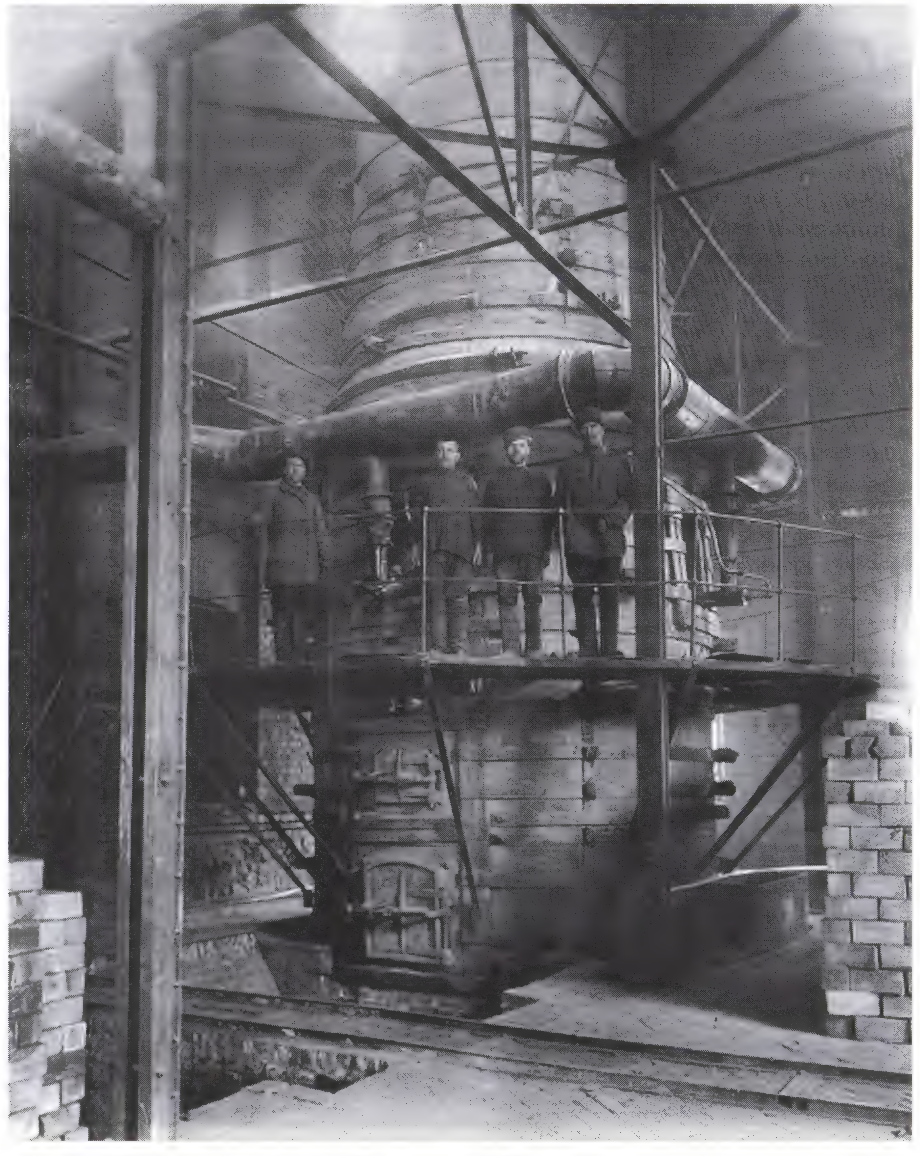
Дом управителя Сатки.

ки днищ и сопел конвертеров, миксеров, порогов, пролетов и стен пудлинговых печей. Магнезит нашел применение в металлургии свинца, меди и никеля. Но главным объектом применения магнезиальных огнеупоров стали мартеновские печи».

Судьба давала Шуппе прекрасный шанс сделать что-то новое. С одной стороны, сердце металлурга подсказывало, что этот материал будет ключом к будущему целой отрасли. С другой... Кто-нибудь в повседневной жизни знает, что такое магнезит; пользовался им, как ножом или вилкой? Где он, массовый потребитель магнезита? Имеет ли смысл строить целый завод ради других заводов? Окупится ли это? К тому же в России никто ничего подобного не делал...

Перелопачивая в голове эти вопросы, Шуппе не находил – и не мог найти – на них ответы. Старт инновации дали два совершенно не экономические фактора: предчувствие и азарт. К слову, они и сегодня являются главным двигателем венчурных фондов: увидеть наперед реальный потенциал «текущей фантастики» и рискнуть вложиться.

Александр Филиппович писал, что «в России магнезит для основного процесса стали сравнительно поздно применять, в виду того, что своего магнезита у нас не разрабатывали, а иностранные новинки у нас вообще довольно трудно прививаются...» Тем не менее, он принял для себя революционное решение – не отказываться от новинки, а попытаться ее освоить...

Завод «Магнезит». Шахтная печь.

Магнезит будоражил и воображение Маркусона. В итоге они решили действовать вместе. В октябре 1898 года Маркусон подал заявку на отвод земельного участка вблизи Саткинского завода и через полтора года получил разрешение на разработку и строительство. Шуппе со своей стороны в 1900 году специально отправился в Австрию на заводы Карла Шпетера – «изучать передовой западный опыт и технологию получения кирпичей для мартеновских печей».

Третьим человеком, кого они посвятили в свои планы, как раз и стал саратовский городской голова Александр Осипович Немировский. Как писал в мемуарах главный бухгалтер «Магнезита» А.С.Аистов, Немировский не без страха вложил в дело 10 тысяч рублей, и лишь когда товар показал свою прибыльность, вложился еще вместе с родственниками. К слову, к 1903 году капитал товарищества «Магнезит» составит 400 тысяч рублей – более чем весомая сумма по тем временам...

Официальное открытие завода товарищества «Магнезит» в Сатке состоялось 8 сентября 1901 года. А уже к началу Первой мировой войны он обеспечивал десять процентов мировой добычи магнезита...

Насчет «плохой приживаемости инноваций на русской почве» Шуппе не преувеличивал: примеров тому была масса. Достаточно вспомнить иронию Н.С.Лескова насчет того, как «дремучий крестьянский люд» воспротивился легким английским плужкам Смайля, предпочтя не расставаться со своими деревянными сохами, «гостомысловскимиковырялками». Тот же самый «бой» придется выдержать и Александру Филипповичу, объясняя металлургам, чем магнезит лучше привычного доломита и глины.

Ему предстояла дорога к потенциальным потребителям. На новом заводе он оставил все того же революционного В.Г.Рогожникова, назначив его управляющим. Шуппе не ошибся, как в воду глядел –

Владимир Георгиевич будет управляющим завода «Магнезит» до 1924 года, затем еще четыре года – его техническим руководителем. Он, собственно, и «вытащит» завод в смутную эпоху переворотов и, уже при большевиках, основательно подготовит его к грандиозному индустриальному прорыву.

А пока Александр Филиппович методично объезжает будущих заказчиков, объясняя «выгодность применения на заправку подов в мартеновских печах порошка обожженного магнезита». Это не его «рекламное изобретение» – на австрийских заводах Шпетера Шуппе «подсмотрел» не только технологию производства огнеупоров, но и систему маркетинга в продвижении готовой инновационной продукции.

Как вспоминает его главный бухгалтер А.И.Аистов, Шуппе сначала посетил близлежащие металлургические заводы: Златоустовский, Симский, Лысьвенский, Богословский, Нижнетагильский и другие. Причем, разговаривал не только с управителями заводов, но и непосредственно с цеховыми и печными мастерами, рабочими. Не просто разговаривал – поощрял мастеров-мартеновцев денежным гонораром.

Дальше – больше. Товарищество «Магнезит» предпринимает энергичные попытки добиться льготных тарифов на перевозку нового материала по железной дороге. «Последней каплей» в продвижении отечественных огнеупоров стали Юзовские заводы на Украине – долгосрочный контракт «забирал» почти треть всей продукции нового саткинского завода.

Успех превзошел все ожидания. К тому же первые русские огнеупоры оказались намного качественней, чем ввозимые из-за рубежа. Почти сразу же пришло и признание – в 1905 году на Международной выставке в бельгийском Льеже саткинские огнеупоры получили Золотую медаль качества! Стоит ли удивляться, что товарищество «Магнезит» пошло в гору – например, в 1909 году чистая прибыль товарищества составила 90 тысяч рублей, через год – 120 тысяч.

Река Большая Сатка.

Шуппе мог бы просто остаться сидеть на «магнезитовом деле» и «стричь прибыль», которая шла ему в руки. Но успокоиться, остановиться, почивать на лаврах, есть ананасы и жевать рябчиков он не захотел...

ЧЕРТОВЫ ПОРОГИ

«Без ферросплавов качественную сталь не сваришь. Это фундамент качественной металлургии», – говорил не раз молодым работникам легендарный нарком черной металлургии И.В.Тевосян. Правда, говорил это треть века спустя после того, как А.Ф.Шуппе всерьез озадачился и осмыслил перспективы ферросплавного производства, вложив в это дело и силы, и средства.

Ферросплавы часто называют «витаминами для стали». Их добавляют непосредственно при выплавке с целью получить новые качественные свойства стали – например, ее износостойкость, устойчивость к нагрузкам, гибкость или прочность. Ферросплавы открывали путь к специальным легированным и нержавеющим сталям, а по сути знаменовали собой новую технологическую эпоху: от машиностроения до космоса.

Истоки интереса Шуппе к ферросплавам, скорее всего, следует искать в «английской страничке» его путешествия по Европе. Именно в Англии во второй половине XIX века появились первые практические наработки по этой теме. Александру Филипповичу наверняка рассказывали о чудо-рельсах, уложенных на станции Дерби и отлитых с применением ферросплавов, – они прослужили без замены 16 лет, хотя в то время рельсы по износу чугуна меняли чуть ли не раз в полгода.

Перспективы открывались не просто заманчивые. Да и психологически Шуппе, скорее всего, воспринял ферросплавы как «новый булат», не хуже аносовского, но с возможностью варьировать свойства стали. Но загореться идеей – это одно, реализовать ее – совершенно другое. К тому же для производства ферросплавов требовалась все же диковинная вещь по тем временам: электричество. Это не сальная свечка, не древесный уголь...

Для ферросплавного завода нужна была электростанция, которая вместе с ним образовывала бы единый производственный комплекс. Но это «комплексное место» еще нужно было найти.

Свои изыскания Шуппе начал проводить с 1904 года. Интуиция словно вела его по берегам Большой Сатки – вниз по течению, к реке Ай. Потребовался год поисков, прежде чем, как пишут исследователи, «в сентябре 1905 года Шуппе

подал прошение об аренде участка казенной земли на берегу реки Большая Сатка, прозванного «Чертовой ямой». Столь пугающим названием эти места обязаны порогам на реке, которые достигали четырех метров в высоту. Грозный шум водопадов и водоворотов породил поверья, что под камнями, в бурлящей воде, затаились черти...»

Именно в этом «дьявольском месте» самой природой были созданы идеальные условия для производства. «В узкий скальный створ реки Большая Сатка, зажатой хребтами Уары и Чулковский, так и напрашивалась плотина гидроэлектростанции. К тому же на склонах Чулковского хребта были найдены залежи кварцита, практически чистой окиси кремния, основного сырья для производства ферросилиция. Нашлись и залежи железняка с высоким содержанием хрома. А кругом стоял вековой лес, из которого можно было в избытке получить древесный уголь, используемый в те времена при выплавке ферросплавов».

Здесь уже организаторский талант и коммерческая хватка Шуппе сказались в полную силу. Построить гидроэлектростанцию и ферросплавный завод – не шутка. Если учитывать, что аналогов в России практически не было и сравнить возможный экономический эффект было не с чем, то можно понять степень риска, на которую пошел «саткинский граф». Своих капиталов для реализации подобной инновационной затеи не хватало, а потому пришлось включить не только воображение, но и дар убеждать собеседника «расстаться с деньгами» ради «большой хорошей глупости».

На поиск инвесторов у Шуппе ушло более двух лет. Какие средства убеждения он использовал – не известно. Тем не менее, в мае 1908 года было образовано «Уральское электрометаллургическое товарищество». Его состав весьма показателен: граф Александр Мордвинов, родоначальник российского автоспорта, известная петербургская меценатка графиня Екатерина Мордвинова и будущий совладелец и член правления Кыштымских заводов барон фон дер Ропп. Как следует из документов, основной капитал товарищества составил 300 тысяч рублей и впоследствии вырос до 450 тысяч рублей.

Реализацию удивительного инвестпроекта не стали откладывать в долгий ящик и приступили к строительству станции уже летом 1908 года.

В столичных архивах сохранились автобиографические фрагменты, в которых Шуппе рассказывал об этом времени: «В начале девятисотых годов у меня явилась мысль основать на Урале электрометаллургический завод для выплавки специальных сплавов феррохрома и высокопроцентного ферросилиция – прежде в России на производимых и имеющих огромное значение при изготовлении специальных сортов стали, необходимых, в особенности, для выделки предметов обороны, а так же при изготовлении автомобилей, аэропланов и т. п.

С этой целью я выхлопотал у Министерства Торговли и Промышленности право на постройку каменной плотины на реке Сатке в Златоустовском округе и на постройку металлургического завода. Необходимые денежные средства дал граф А.А.Мордвинов, и мы приступили к постройке самой высокой в Европейской России каменной плотине и к постройке и оборудованию завода.

Постройкой плотины, цеха и всех других частей завода и оборудованием руководил я. В течение всего времени я состоял одним из директоров в Правлении предприятия, а последние полтора года частью из-за отрезанности завода от Правления, находившегося в Петрограде, единолично руководил делом...»

ПО ПРОЕКТУ БАХМЕТЬЕВА

Но, как говорится, один в поле – не воин. Осуществляя общее руководство, Александр Филиппович, естественно, доверился специ-

ГИДРОЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА

на рѣкѣ „Саткѣ“.

алистам. И каким специалистам! Проект плотины – знаменитых «Порогов» – разработал известный ученый в области гидродинамики Борис Александрович Бахметьев, позднее эмигрировавший из революционной России в США и уже там получивший звание профессора Колумбийского университета...

Вот только в 1908 году, на начало проекта в Порогах, Бахметьеву не было и тридцати лет. Довериться «бледному юноше со взором горящим» мог только человек такого «авантюрного склада», как А.Ф.Шуппе. Правда, в активе Бахметьева к тому времени была золотая медаль Тифлисской гимназии, диплом Института инженеров путей сообщения императора Александра I, год обучения гидравлике в знаменитой Высшей Политехнической школе Цюриха, из которой незадолго до него вышел Альберт Эйнштейн, «производственная практика» в Соединенных Штатах...

В поколенческом плане инновации требуют, как минимум, двух вещей: азарта и нестандартности мышления людей молодых и производственного чутья людей опытных. Только в этом случае идея оживает и принимает реальные формы: в чертежах, размерах и материалах. А попробовать себя можно везде – в том числе и в затерянной Богом Сатке.

Для молодого Бахметьева плотина и электростанция в Порогах стала блестящим успехом, самой что ни на есть песней, а с учетом более вековой ее работы по настоящие дни – сказкой...

По тем временам молодой инженер действовал с размахом, оценив интуицию А.Ф.Шуппе по выбору места для станции и завода. В музее Санкт-Петербургского государственного технического университета сохранился доклад Б.А.Бахметьева с описанием этого проекта: «Осмотр местности показал, что наиболее рациональной и удобной схемой использования энергии является сосредоточение напора путем сооружения высокой каменной водосливной плотины, подпирающей реку в пределах всего арендованного участка, и устройство электрической станции непосредственно у плотины».

«В пределах участка» – это 125 метров длины гребня плотины и 21 метр высоты. К этому добавлялась ширина подошвы в 12,5 метров, и 4-метровая ширина по гребню. Таковы заданные параметры...

Как пишут исследователи, Бахметьев сначала хотел построить глухую плотину с водосливом, но затем решил добавить сверху еще и разборчатую часть – «ноу-хау» по тем временам. При обсуждении проекта Александр Филиппович наверняка резонно спросил насчет суровых условий уральского климата. Ему не раз приходилось видеть ледоставы на уральских горных реках – небольшие и даже нежные жарким летом или морозной зимой, они буквально вздыбливались по весне.

Кстати, старые рабочие Саткинского чугуноплавильного завода рассказывали леденящую историю и о том, как летом 1862 года из-за проливных дождей произошло одно из самых разрушительных наводнений. Ранним утром вода, прорвав плотину и оторвав огромную часть плотинной насыпи, снесла токарную и передельную фабрики. А затем, в метр-два высотой, обрушилась на улицы города, снося дома. Тогда утонуло 17 человек, из них 6 детей.

Разборчатая часть плотины вполне устроила А.Ф.Шуппе. Она представляла собой шесть разделенных каменными быками отверстий, закрываемых щитами. Через эти отверстия сходили и высокая вода, и глыбы весеннего льда.

Как пишет Б.А.Бахметьев, «строительство плотины началось летом 1908 года и осуществлялось в два этапа. Летом 1908 года была забрана в перемычку левая половина реки и построена собственная часть плотины, а также водонапорный бассейн. Перемычка состояла из ряда козел, связанных продольными лежнями, на которые наколачивался шпунтовый дощатый настил, возможно плотно пригоняемый ко дну. На некотором расстоянии от основания настила устраивалась каменная «банка». Между ней и настилом плотно утрамбовывалась глина, чем и обеспечивалась непроницаемость основания».

Порожскую плотину строили из дикого камня, песчаника, который также был под рукой, вблизи. Кладка представляла собой крупные обработанные прямоугольные камни и плиты. «Сшивали» их цементом и глиной. Причем, в наиболее сложных по нагрузке местах, прежде всего, непосредственно примыкающих к воде, цемента клали в два раза больше, чем в срединной части плотины. Кроме того, обращенная к пруду поверхность плотины была покрыта особым составом из асфальта и гудрона – материалы, достаточно редкие и необычные для начала XX века.

На строительстве станции работали мастеровые с ближайших заводов: Саткинского, Юрюзанского, Катав-Ивановского, Аша-Балашовского, Миасского и других. Также участвовали крестьяне и башкиры из окрестных деревень. Вот только не каждому доверишь ответственную кладку. Александру Филипповичу пришлось убедить того же графа Мордвинова пойти на дополнительные расходы – нужно было нанять опытных квалифицированных каменщиков. Выбор пал на Псков, где было завербовано порядка 40 специалистов, которые и отправились «вахтовым методом» на Южный Урал.

К слову, в материалах по истории «Порогов» встречается упоминание, что на строительстве работали сектанты различного толка – например, поморцы и австрийцы. К национальной географии это не имеет никакого отношения: и те, и другие – старообрядцы. В австрийском следе нет ничего удивительного. В годы раскола и старообрядческих гарей староверы уходили не только в леса за Камень, но и на юг – в Турцию, на запад – в Австрию. Там их никто не преследовал, поэтому была возможность сохранить преемственность священнослужителей, которые затем и проводили обряды крещения.

Принимая на работу старообрядцев, «кадровая служба» электрометаллургического товарищества не совершала ошибки и вряд ли желала своему «патрону» Шуппе прослыть «сочувствующим расколу». Старообрядцы – народ трудолюбивый, непьющий, в развратах не замеченный, профессиональный и при том с деньгами. Александр Филиппович знал это и

Порожская плотина.

не видел смысла отказываться от помощи людей хозяйственных, грамотных и надежных.

ЗАВОД С ИГОЛОЧКИ

Не стал Шуппе экономить и на оборудовании для электростанции, которая тогда называлась «гидротехнической установкой» – просто и без особой помпы. Вот только доставить электрическую турбину, которую тогда называли «тюребиной», ставя яти после согласных, оказалось делом не из легких.

Один из известных саткинских краеведов Виктор Немчинов, проводя экскурсии по «промышленным раритетам», искренне говорит:

– Трудно даже представить, как сто лет назад в это глухое таежное место доставили на подводах многотонные турбины и генераторы. Через вскрытую крышу их опустили в здание, находящееся ниже плотины, на склоне крутого берега. Предполагаю, что при монтаже помогли смекалка и профессиональные приемы строителей завода. Использованные ими хитрости до сих пор остаются загадкой. Когда в Москве и Петербурге дома знати и сам Зимний дворец освещались свечами и керосиновыми лампами, в домах рабочих Порожского завода уже горел электрический свет...

Как следует из технического доклада Бахметьева, на станции были установлены две главные генераторные турбины и одна возбудительная. Разработка турбин велась по индивидуальному заказу немецкой компанией «Бригель-Хансен»; оборудование датируется 1909 годом. Также был установлен мостовой кран грузоподъемностью 5 тонн производства фирмы «Альфред Гутман».

Рассказывают, что нынешние немецкие туристы, посетившие Пороги, не просто восхищались долговечностью механизмов немецкого производства, но даже предлагали выкупить старые, но еще работающие турбины для своих музеев. Пришлось отказать...

Вспоминая о своем первом впечатлении от «Порогов», В.Н.Гусаров писал: «Нужно отдать должное французским инженерам: завод они построили с умом. Он располагался возле отвесной горы, состоящей из отменного по качеству кварцита для выплавки ферросилиция. Под одной крышей разместились три пролета. В одном пролете, возле плотины, смонтировали две гидравлических турбины для получения электрического тока. Во втором – четыре электропечи, из которых две работали, а другие находились в резерве. В третьем пролете размещалась дробилка для измельчения кварцита, поступавшего с горы по наклонному желобу в металлический бункер. В этом же пролете готовилась шихта и упаковывали ферросилиций в деревянные бочки. Высоченная плотина подпирала впечатляющей своей красотой и размерами водоем. Все было организовано очень целесообразно».

Завод «Пороги».

О «французских корнях» Порожского завода Гусаров пишет верно, хотя у некоторых исследователей было искушение считать, что завод был построен на французские деньги. Французы и вправду вложились – но не деньгами, а поставкой своего оборудования и инженерным обслуживанием.

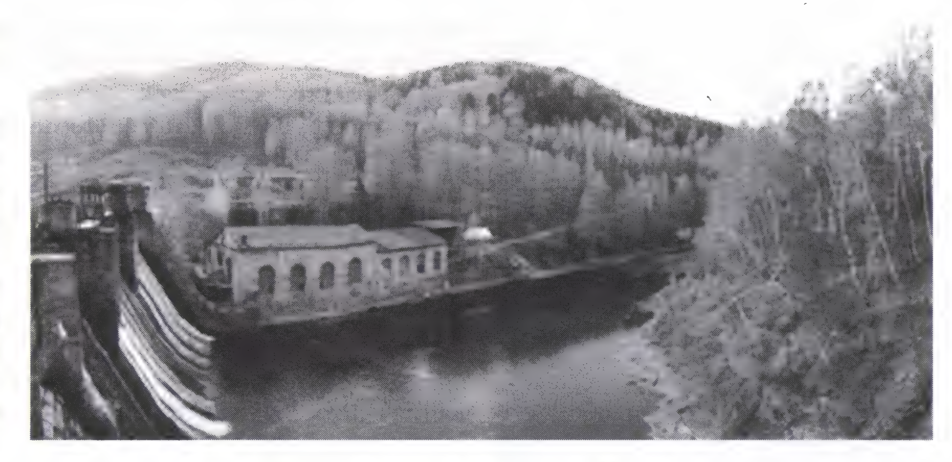
У самого Шуппе в автобиографических заметках есть на этот счет очень ясное объяснение: «Так как в России в то время не было специалистов этой отрасли – электрометаллургии, то мы пригласили из одного завода Южной Франции инженера Рошанд, который сконструировал электрометаллургическую часть завода и пустил завод в ход, оставшись на нем до последнего времени служить».

Суть в том, что на Порожском заводе под ферросплавное производство были использованы промышленные электродуговые печи, разработанные французским инженером Полем Эру. Свою дуговую печь прямого действия с двумя вертикальными электродами, подведенными к металлической ванне, он изобрел совсем недавно – в 1899 году, – и спустя год испытал на заводе в Савойе. Шуппе, принимая решение о покупке этой печи, прекрасно понимал, что перед ним – пусть и перспективный, но еще не «обкатанный» образец. И все же решился...

Памятуя его слова о том, что новое в России приживается крайне плохо и с большими сложностями, можно понять и пробуксовку нынешних инновационных идей. Кстати, по скорости внедрения инноваций – десять лет с момента изобретения до практического использования – с Порожским заводом мог соперничать разве что Катав-Ивановский. Здесь спустя всего несколько лет, как американец шотландского происхождения Александр Белл изобрел телефон, появилась первая в России теле-

фонная линия, связавшая между собой рудники завода, а позже и сам завод с домом управляющего...

К лету 1910 года все пусковые работы на Саткинских Порогах были завершены. Остается лишь констатировать хронологические факты: 1 июля 1910 года электростанция дала первый ток, 12 июля получена первая опытная партия ферросилиция, а 24 августа того же года была выпущена первая опытная плавка феррохрома весом 954 килограмма...

Промышленный комплекс «Пороги».

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Работа и время шли своим чередом. Крупных начинаний больше не будет – Шуппе доводил до ума уже начатое. В музее «Магнезита» сохранились копии документов, которые свидетельствуют о том, что А.Ф.Шуппе трудился и в Советской России. После революции он поступил консультантом в «Райруду» в Златоусте. Судьба Александра Филипповича потеряется после его отъезда в 1921 году.

А вот Александр Иванович Шуппе, которого В.Н.Гусаров называл «сыном графа», останется, переплетаясь, мерцая, с нашим героем.

В хронологическом плане первый раз это имя встречается в воспоминаниях Тимофея и Ольги Щепкиных, записанных корреспондентом газеты «Магнезитовец» Еленой Никитиной. Доверяясь рассказчикам, скажем, что Тимофей Щепкин был знатным рыболовом и охотником, знавшим почти каждую ель в Саткинской даче.

«Поэтому приезжие богатые господа пригласили его на роль проводника. Они искали место, удобное для постройки маленькой электростанции и завода, где планировалось плавить ферросилиций. Объяснили Щепкину, что и как должно быть в такой местности. Тот, подумав, указал им на место, где река Сатка впадает в Ай. На следующий день Тимофей повел поисковиков туда. Одним из тех людей был Александр Иванович Шуппе, племянник основателя одного из крупнейших в России огнеупорных предприятий – завода «Магнезит».

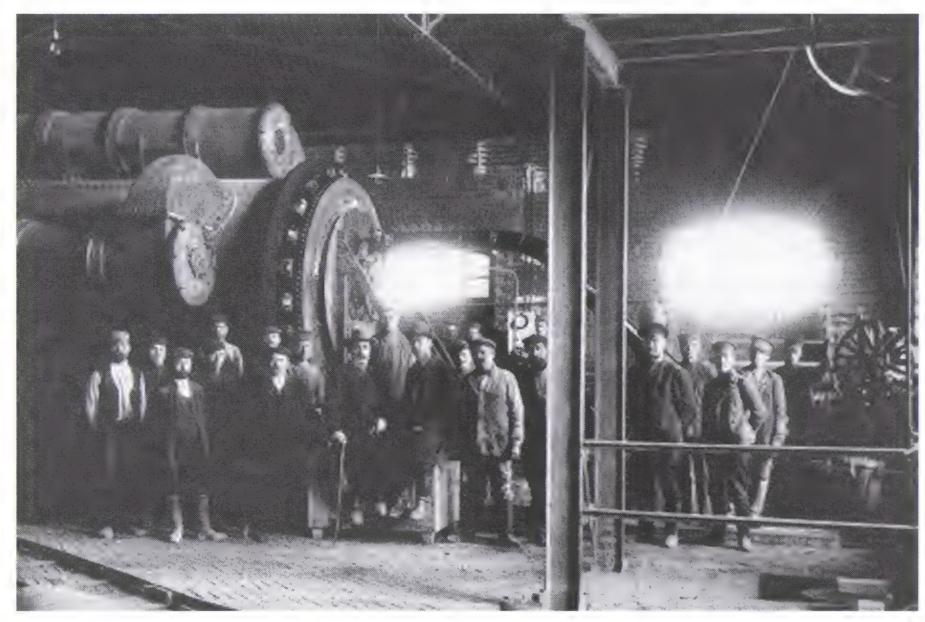
Затем, когда отстроился заводской поселок, Щепкин с семьей перебрался туда. По-прежнему промышлял охотой и рыбалкой, столярничал. Его жена прислуживала в доме *управляющего заводом*, которым был тогда Александр Иванович Шуппе – стирала, пекла хлеб, топила баню.

Со Щепкиным вполне мог быть дружен и сам Александр Филиппович. На это указывает В.Н.Гусаров: «Как рассказывал Александр Иванович, *граф* слыл заядлым охотником и сам облюбовал место для постройки завода, в живописных окрестностях которого можно было хорошо поохотиться и половить рыбу».

В воспоминаниях Щепкиных есть и легенда о названии завода: «Когда плотину вводили в эксплуатацию, и вода стала закрывать камни, местные ребятишки кидали в них ягоды брусники, растущей неподалеку на скалах, и приговаривали: «Прощайте, пороги!» Шуппе, стоящий на плотине, спросил, что они имеют в виду. Ему объяснили, что камни, пересекающие реку, называют на Урале «порогами». На что он ответил: «Значит, завод будет называться также!»

Какой из двух Шуппе стоял на гребне? – Александр Филиппович...

Не скроем, у нас было желание свести всё к одному персонажу, объявить, что в первоначальных источниках закралась банальная ошибка в написании отчества. Как бы тогда все гладко выстроилось, и

В.Г.Рогожников (в центре) с рабочими завода «Магнезит».

В.Н.Гусаров.

не пришлось бы разбираться в родственных связях! Но есть один документ, который подтверждает, что Шуппе было двое.

В начале 1930-х годов по нелепым обвинениям был арестован Владимир Георгиевич Рогожников. Среди прочих «промпартийных» упреков значилось, что он был «бывшим совладельцем завода Магнезит и бывшим его акционером». В своем объяснении управляющий указывает: «Никакой переписки, никаких разговоров с бывшими владельцами «Магнезита» Шуппе и Роппсо времени отъезда Шуппе из Златоуста в 1921 году я не вел и лично не встречал».

Рогожников так мог говорить только об Александре Филипповиче, том самом, с кем он вместе рука об руку работал в Саратове и Сатке. Причем, устанавливая точную дату его отъезда – 1921 год.

Возможно, Шуппе пытался еще хоть как-то наладить отношения с Советской властью. Поначалу он заявил, что «никому завод не отдаст, если ему лично не придет документ, подписанный Лениным». Как пишет В.Тихомиров, такой документ ему показали: декрет о национализации. Но это была бумага, касаемая всех и вся. Основатель «Магнезита» и «Порогов» еще мялся с окончательным решением, пытался как-то участвовать в жизни завода, даже был консультантом у красного директора – «бывшего красноармейца, которого по каким-то неведомым причинам назначили командовать заводом, назначения которого он даже не понимал».

Терпение не бывает вечным. Да и вряд ли этому деятельному и азартному до инноваций человеку было по душе смиренное существование в виде штатной единицы.

Александр Филиппович исчез – его дальнейшая судьба не оставила по себе следов; когда он умер и где похоронен – неизвестно...

В Златоусте остался Александр Иванович Шуппе, с которым и встречался В.Н.Гусаров, будучи на практике в 1929 году.

По воспоминаниям современников, Владимир Николаевич никого бы не стал хвалить за красивые глаза, просто так или по случаю. Здесь мерилом служили знания и высочайший профессионализм. Над книгой «Судьбы моей маршрут» В.Н.Гусаров работал уже в том возрасте, когда каждое слово выверяется, а люди «просматриваются насквозь».

Об А.И.Шуппе он писал почти с любовью, не обращая внимания на исторические и биографические неточности. Это можно привести почти полностью, завершая наш очерк:

«...Мы все уважали Александра Ивановича Шуппе, бывшего до революции одним из хозяев ферросплавного завода в «Порогах». Низкорослый, всегда шустрый, он каждый день до позднего часа находился в цехе, весь отдавался делу. Может, и был он в обиде на Советскую власть, но на деле это никак не отражалось.

Вспоминал все, о чем мне рассказывал бывший хозяин, с которым я познакомился в доменном цехе Златоустовского металлургического завода. Хотя он был внебрачным сыном графа Шуппе, отец, по его рассказам, заботился о нем. Благодаря ему Александр Иванович приобрел высшее техническое образование. Чтобы был при деле, отец передал ему построенный им в «Порогах» завод.

В те годы в России не было специалистов по производству ферросплавов, но смекалка уральских умельцев решала проблему. Малограмотные мужики научились на глазок определять в ферросицилии содержание кремния до десятых долей процента. В их обучении была большая заслуга Александра Ивановича. Именно он научил уральских мужиков управлению электропечами при выплавке ферросплавов. Других технически грамотных специалистов в «Порогах» не было.

Когда к власти пришли большевики, Шуппе обратился к новой власти с предложением принять у него завод. Его просьбу удовлетворили, и он поступил на работу в доменный цех Златоустовского метзавода, где я его и застал.

К сожалению, мне ничего не известно о судьбе опытного металлурга. Вспоминая об этом мудром и добром человеке, который был моим наставником при вхождении в металлургию, думал – не стал ли он в 1937 году «врагом народа»? Многие старые специалисты тогда погибли, а он ведь был хотя внебрачным, но сыном графа...»

P.S.

Зато судьба его инновационных предприятий стала национальным достоянием России. Небольшой магнезитовый завод вырос в крупнейшую группу компаний «Магнезит», лидера на международном рынке огнеупоров. Саткинский чугуноплавильный завод и теперь производит высококлассный чугун и плавит ферромарганец. Ферросплавный завод в Порогах до 1931 года был единственным в стране по выпуску такой продукции и плавил феррохром вплоть до 1960-х годов. Гидроэлектростанция, построенная Шуппе и Бахметьевым, действует до сих пор и собирает многочисленных туристов. Вот только документы, подготовленные для придания ей статуса памятника всемирного наследия ЮНЕСКО, куда-то затеряли уже наши современники...

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА ДЭВИДА САРНОВА*

Степан НЕДВИГА,

член Союза кинематографистов и Союза журналистов России. г. Екатеринбург

Все, окружающие нашу жизнь предметы, когда-то и кем-то были созданы. Королем среди изобретателей справедливо считается Томас Эдисон. Немало изобретений на счету Николы Теслы, Ли де Фореста, Александра Шорина и др. В то же время, истории известны люди, ничего не изобретавшие, но благодаря невероятной прозорливости и энергии которых были созданы предметы и технологии, без которых человечество уже не мыслит своего существования. И первым среди таковых можно смело назвать Дэвида Сарнова.

Родился Давид Сарнов в 1891 г. в бедной еврейской семье в небольшом местечке Узляны близ Минска. В селе с населением менее тысячи человек была лишь православная церковь, синагога, и, естественно, базар. И это всё. Отец Давида, Абрам Сарнов, работал маляром и с трудом содержал семью. Другим источником беспокойств семьи являлись еврейские погромы, в то время происходившие в различных местностях Российской Империи. Опасаясь за свои жизни, и стремясь вырваться из нужды, семья Сарновых решилась искать лучшей доли за океаном, в Америке, откуда от знакомых приходили обнадеживающие письма.

В 1896 г. Абрам Сарнов уехал в Америку, чтобы заработать денег для переезда семьи. Пятилетнего Давида его бабка Ривка отправила на учебу к знакомому рабби под Борисов, где Давид в течение 4-х лет зазубривал Талмуд. Наконец, в 1900 году, когда Маркони обдумывал способы передачи радиосигнала через Атлантический океан, этот океан пересек девятилетний Давид, с семьей, направлявшийся к новому месту жительства.

На новом месте жилось так же трудно, как и в Узлянах, поэтому, чтобы помочь семье, Дэвид Сарнофф (так его стали называть в Америке), взялся за разноску газет. И достаточно успешно, потому что к 1906 г. он уже владел собственным киоском. Параллельно в вечерней школе Дэвид активно осваивал английский язык, прочитывая при этом немало книг.

В том же 1906 г. умер отец. Продажа газет не давала большого дохода, поэтому Дэвид вынужден был оставить школу и искать работу, чтобы содержать семью. Он решил стать репортером, но вместо редакции газеты случайно оказался в офисе фирмы *«Commercial Cable Company»*, которая занималась передачей телеграфных сообщений по кабелю между Нью-Йорком, Лондоном, Парижем и Римом. Там нужен был посыльный, и Дэвид согласился на эту работу. На велосипеде он развозил бумаги по городу, а в свободное от работы время наблюдал за работой телеграфистов. Дэвида так увлекло это занятие, что на первые заработанные деньги он купил себе учебник по электротехнике, справочник по азбуке Морзе и телеграфный ключ, который стал его талисманом на всю жизнь. Вскоре Дэвид изучил азбуку Морзе и освоил работу на телеграфном ключе...

В это время подошли еврейские праздники, и чтобы не подводить товарищей по хору в синагоге, в котором он тоже принимал участие, Дэвид попросил у руководства фирмы три дня отпуска, но ему

* *Журнальный вариант главы «Дэвид Сарнов» из книги «Так кто же изобрел радио?» Банк культурной информации, 2014 г.*

было отказано. Не желая пропускать праздники, Дэвид вынужден был уволиться. Праздники закончились, и ему снова надо было искать работу. На его счастье, в американском отделении фирмы *«Marconi Wireless Telegraph»* потребовался оператор-телеграфист. Дэвид показал хорошее владение телеграфным ключом, и его приняли на эту работу.

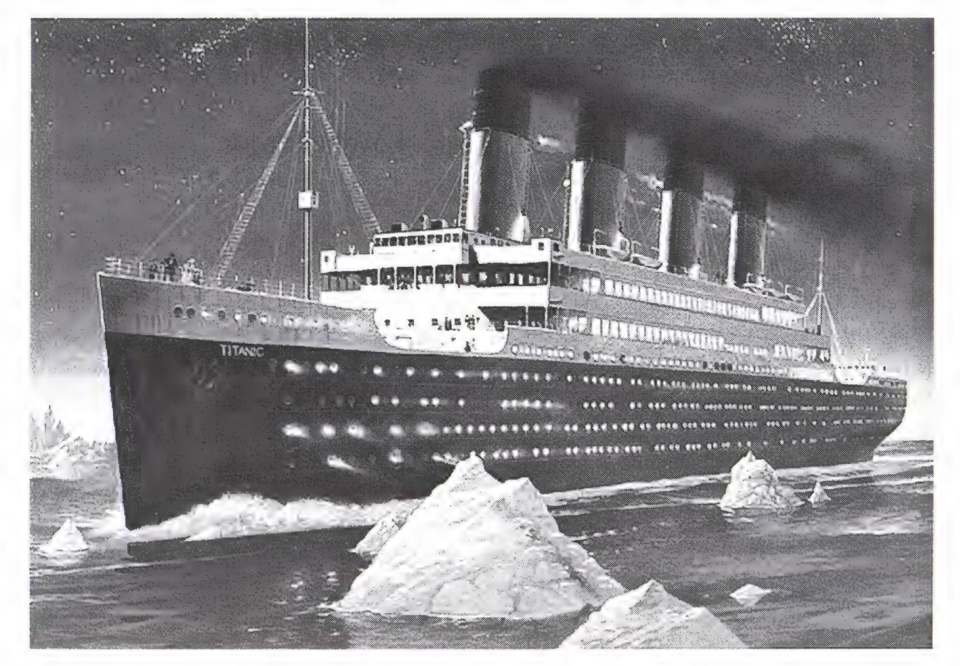
На новом месте Дэвид вначале занимался подсобными работами: развозкой почты, чисткой пишущих машинок, убиранием мусора в кабинетах... На то время радиостанциями фирмы Маркони были оборудованы лишь четыре корабля, и столько же станций находилось на материке, поэтому оборот денег был небольшой, их едва хватало на зарплату персоналу. Радиотелеграфистом Дэвид стал в конце 1906 года. Станция, которую ему доверили, находилась на корабле. Дэвиду выдали униформу офицера торгового флота, предоставили отдельную каюту и бесплатно кормили. Дэвид был счастлив. Наконец он мог заняться любимым делом.

С увлечением осваивая премудрости новой профессии, Дэвид мечтал о встрече с владельцем фирмы – Гульельмо Маркони. И она действительно состоялась. Маркони обратил внимание на пытливого юношу, он объяснил ему и работу оборудования, и суть электромагнитного поля. В частности, рассказывая об электромагнитных волнах, Маркони сказал: «Дэвид, мы знаем, как они работают, но не знаем, почему они работают»[1]. Эта фраза запала в душу Дэвида, она звала к познанию и Дэвид еще активнее изучает радиотелеграфию.

В 1908 году семнадцатилетнего Сарнова послали главным радистом на отдаленный радиомаяк на острове Нантакет, штат Массачусетс, где он провел несколько месяцев. Выполняя повседневную работу, наслаждаясь природой и одиночеством, Дэвид занимался и самообразованием – для этого на маяке было предостаточно книг.

Возвратившись в 1909 году в Нью-Йорк, Сарнов принимал участие в обустройстве и настройке новых радиостанций, которые создавала фирма Маркони. Он в курсе всего происходящего, вникает во все мелочи, вездесущ и незаменим...

В 1911 году Дэвид устроился радиооператором в североатлантическую экспедицию по ловле тюленей. Здесь он сумел организовать двустороннюю связь между кораблями, на одном из которых был больной матрос, а на другом – врач. По радио врач давал указания по лечению матроса, благодаря чему больной вскоре выздоровел. Из экспедиции Дэвид возвратился опытным оператором-телеграфистом.

«Титаник»

Не забывал Сарнов и об учебе, устроившись на вечерний курс электротехнического факультета института Пратта в Бруклине *(Pratt Institute of Brooklyn)*, где надо было за один год пройти трехлетний курс высшего технического образования. Из 50 человек, принятых на курс, окончили его только 12, и среди них был Сарнов.

Такая тяга к знаниям объясняется не просто природной любознательностью Сарнова. Еще в начале работы в фирме Маркони Дэвид заметил, что технические работники его компании ничего не смыслят в бизнесе, а менеджеры не разбираются в технике, поэтому понял – чтобы ему добиться успеха, надо знать и то и другое. И все силы прилагал для этого. Девизом Дэвида стало изречение: «Если мир, в котором ты живешь, тебя не устраивает, если он жесток к тебе – не старайся его усовершенствовать. Усовершенствуй себя так, чтобы тебе стало удобно в этом мире»[2].

Ночью 14 апреля 1912 года Дэвид дежурил в радиостудии, устроенной на крыше универмага Уонамейкер. Он исправно прослушивал эфир, как вдруг с мыса Рейс, юго-восточной оконечности острова Ньюфаунленд, где находилась мощная радиостанция, предназначенная для связи с судами, поймал сообщение о том, что «Титаник» столкнулся с айсбергом. Эту трагическую весть принял и оператор редакции газеты «Нью-Йорк таймс». Утренний выпуск «Нью-Йорк таймс» от 15 апреля вышел с сообщением об этой катастрофе.

Ближе всех к «Титанику» оказался корабль «Карпатия». Приняв на борт 705 пассажиров с «Титаника» и передав на «Олимпик», корабль-близнец «Титаника», часть списка спасенных, «Карпатия» отправилась в Нью-Йорк.

Наступившим днем 15 апреля Дэвид не снимал наушников, чтобы узнать подробности, и в 16 час 35 мин он «поймал» сообщение с «Олимпика» с подтверждением катастрофы. Эту весть Сарнов передал в газеты и телеграфные агентства. Он продолжал следить за эфиром, но безрезультатно. «Кар-

патия» была снабжена маломощной радиостанцией с дальностью действия не более 200 миль, поэтому поймать ее сигнал Сарнов никак не мог. Для обеспечения связи с «Карпатией» президент США Уильям Тафт выслал навстречу несколько крейсеров, и один из них – «Сейлем» – 17 апреля установил с ней радиосвязь. С «Карпатии» стали передавать на «Сейлем» «...фамилии спасенных пассажиров III класса, а также тех, кто, несомненно, погиб». «Сейлем», в

Эдвин Армстронг

свою очередь, передавал эти фамилии на материк. Принимал их в Нью-Йорке и Сарнов. Известно об этом по свидетельству самого Сарнова[3].

В результате, фамилия Сарнова прозвучала в общем хоре публикаций о «Титанике», и он получил некоторую известность. «Гибель «Титаника» продвинула вперед радио – и меня тоже», – отзывался об этом впоследствии Сарнов[4].

Он сразу же получил повышение – его перевели в головной офис компании и назначили инспектором радиооборудования судов и береговых построек, сначала находящихся в гавани Нью-Йорка, а затем и по всей стране. Одновременно Сарнов начал преподавать в «Институте Маркони».

В 1914 году Сарнов познакомился с Эдвином Говардом Армстронгом *(Edwin Howard Armstrong)*, одним из самых выдающихся изобретателей в радиотехнике. Именно ему принадлежит идея и разработка регенеративного и супергетеродинного радиоприема, а также использование частотной модуляции (ЧМ) вместо применявшейся вначале амплитудной модуляции (АМ). На момент знакомства с Сарновым Армстронг был молод, ему исполнилось 24 года, он только что окончил Колумбийский университет, где и начал преподавать и работать ассистентом у своего учителя – известного инженера и математика Майкла Пьюпина (Пупина).

В своей лаборатории Армстронг продемонстрировал Сарнову работу регенеративного приемника, обладавшего повышенной чувствительностью, и принимавшего сигналы с расстояния в тысячи километров. Сарнов был очарован и приемником и самим изобретателем. Они подружились и много времени проводили в беседах о радио. Приемник Армстронга руководству своей компании Сарнов представил как самую замечательную приемную систему из всех существующих.

Видимо, под впечатлением бесед с Армстронгом, в 1915 году Сарнов подал руководству компании служебную записку с предложением создать музыкальное радиовещание, для чего, по его мнению, надо было наладить выпуск радиоприемников для населения. В записке, в частности, говорилось: «У меня в голове план развития, который приведет радио в каждый дом, как пианино или фонограф. Музыку следует принести в дом без проводов. Приемник, радио-музыкальный ящик *(radio music box)* с несколькими длинами волн, которые могут переключаться простым нажатием одной кнопки».

Намного ранее других Сарнов понял, что радио может быть аналогом газеты, фонографа или грампластинки, что оно может служить целям образования и развлечения.

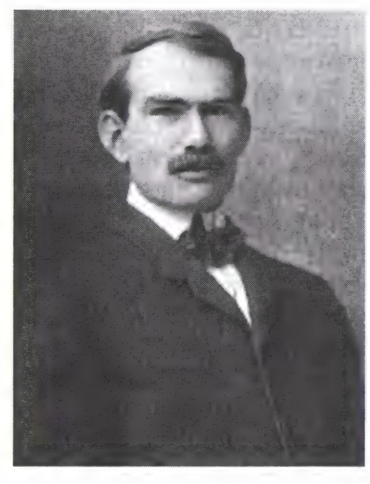
Вообще же идея радиовещания была не нова. В 1909 году преподаватель из Калифорнии Чарльз Геррольд построил вещавшую для населения радиостанцию *«San Jose Calling»*. Он же ввел термин *«broadcast»*, означающий «трансляция» и на его радио уже существовала реклама.

Много сделал для пропаганды радиовещания американский изобретатель Ли де Форест *(Lee De Forest)*. 12 января 1910 года он провел первую в истории музыкальную радиопередачу из театра «Метрополитен-опера», где давали оперу «Тоска», а на следующий день транслировал спектакль с участием знаменитого тенора Энрико Карузо.

В 1915 году Форесту удалось провести сеанс радиосвязи между Арлингтоном (США) и Парижем, причем принимающее устройство было помещено на вершине Эйфелевой башни. В следующем, 1916 году, Ли де Форест организовал первую передачу новостей по радио, сделав репортаж с президентских выборов Вудро Вильсона, а также регулярно размещал рекламу на радио, предлагая в ней свои радиоприемники.

Однако, радио в то время не могло получить широкого распространения. Трансляции спектаклей были единичны, так как были сложны в техническом исполнении. Радиопередачи не пользовались популярностью у населения и не собирали большой аудитории. Из-за малого количества приемников предприниматели не были заинтересованы в радиорекламе. Производство радиостанций было затратным, на окупаемость можно было надеяться лишь заинтересовав радиоаппаратурой массового потребителя.

Видимо, учитывая все это, руководство компании отнеслось к предложению Сарнова скептически. К тому же многие начинания в области радио «притормозила» Первая мировая война...

Ли де Форест

Дэвид Сарнов. *1922 г.*

После окончания войны в целях ограничения влияния на США других стран возникла идея создания американской радиовещательной компании. Ее организацией занимались представители фирм «Дженерел электрик», «Америкен Маркони», «AT&T» и корпорации Вестингауза. В 1919 г. была образована новая компания под названием *«Radio Corporation of America» (RCA)*. Между указанными выше фирмами было достигнуто соглашение на совместное владение компанией и перекрестное пользование патентами. Был образован совет директоров, председателем правления стал известный американский финансист и дипломат Оуэн Д. Янг *(Owen D. Young)*. Главным инженером новой корпорации был назначен талантливый выходец из Швеции Эрнст Александерсон *(Ernst Alexanderson)*.

Сарнов вошел в состав RCA сначала в должности коммерческого управляющего, затем через год он стал генеральным управляющим, а еще через год – вице-президентом. В новой компании Сарнов сразу же возвратился к идее создания радиовещательной сети. Но вначале надо было наладить выпуск радиоприемников. По предложению Сарнова у Армстронга были куплены права на суперрегеративную приемную схему, позволявшую строить очень чувствительные радиоприемники. Заводы стали их производить, но продажи оставались незначительными...

И тогда Сарнов делает сильный ход – он придумывает как изменить ситуацию. Через Франклина Рузвельта он договаривается с военными об аренде мощной передающей станции, и 2 июля 1921 г. из города Джерси-Сити (США) транслирует в прямом эфире репортаж с матча на первенство мира среди боксеров-тяжеловесов между американцем Джеком Демпси и французом Джорджем Карпентером. Мощности радиостанции хватило, чтобы репортаж могли прослушивать в радиусе 500 миль на радиоприемниках, предварительно установленных сотрудниками RCA в людных местах (кинотеатрах, клубах и др.).

В поединке боксеров победил Демпси, а с ним и Сарнов. Дело в том, что спорт в Америке весьма популярен, поэтому сразу же стремительно возросли продажи радиоприемников – в следующие три года RCA продала их более миллиона, а к 1927 году – уже более 10 миллионов. Успех продаж был связан еще и с тем, что кроме спортивных передач из радиоприемников уже можно было услышать джазовую музыку, голоса лучших певцов, различные новостные передачи.

В начале 20-х годов произошло еще одно важное событие в жизни Сарнова. Как видный специалист в области радиокоммуникаций, бурно развивающихся в то время, он был приглашен занять пост советника президента США Вудро Вильсона и оставался таковым еще у девяти последующих президентов до 1969 года. Последним в этом списке был Ричард Никсон.

Наладив продажи радиоприемников, Сарнов взялся за расширение количества радиостанций. Он активно пропагандирует производство радиорекламы. Сначала поступления от нее были незначительными, но при большом парке радиоприемников реклама становилась все более эффективной, поэтому предприниматели стали охотнее размещать ее на радио – в результате возникла потребность в большем количестве радиостанций и их число заметно выросло. Если в 1921 г. в США было всего 30 радиостанций, то через три года их насчитывалось уже около 500.

Успех предпринимательской деятельности Сарнова был настолько впечатляющим, что в 1926 г. его назначили главным управляющим, а с 1930 г. – генеральным директором RCA. Став во главе компании, Сарнов принялся скупать радиостанции, а затем для управления ими создал одну из самых известных ныне компаний – *NBC («National Broadcasting Company»* – «Национальная радиовещательная компания»).

Откликается Сарнов и на другую насущную потребность того времени – создание звукового кино. К 1928 году такая система в рамках его фирмы была создана, и получила наименование RCA-фотофон *(RCA-Photophone)*. Это была система оптической записи звука переменной ширины. Сразу же Сарнов инициирует создание киностудии *RKO (Radio-Keith-Orpheum)*, в которой начались съемки звуковых фильмов. Первыми фильмами были полуцветной мюзикл «Рио-Рита» (1929) и приключенческий «Кинг-Конг» (1933). Новая киностудия получилась путем слияния студии *FBO (Film Booking Offices of America)* и сети кинотеатров *Keith-Albee-Orpheum*. FBO до слияния принадлежала известному бизнесмену и политическому деятелю Джозефу Кеннеди. Как партнеры по бизнесу, Сарнов и Кеннеди под-

Дэвид Сарнов и Гульельмо Маркони. *1933 г.*

ружились. Сарнов бывал в их доме, где помимо прочего игрался с детьми Джозефа – Джозефом-мл., Джоном, Робертом и Эдвардом. Впоследствии Джон Кеннеди стал 35-м президентом США, а Сарнов, как уже указывалось, – был его советником.

Следующим значительным шагом Сарнова стало соединение радио с изображением. В то время уже были робкие попытки передачи статических картинок, но они никого не впечатляли, и никто не желал вкладывать в это начинание деньги. И лишь Сарнов разглядел в этих попытках великое будущее. Он принял в RCA русского белоэмигранта Владимира Зворыкина, каким-то сверхчутьем определив в нем талантливого изобретателя. Вложив в разработки немалую сумму денег RCA (до 1 миллиона долларов), Сарнов получил результат – телевизионную трубку, на основе которой был создан телевизор.

Еще большая сумма – 100 млн долларов – была потрачена на развитие телевещания, которое в США началось в 1939 г. под эгидой RCA. И вновь Сарнов и его компания оказались в выигрыше. Несмотря на относительную дороговизну телевизоров, они охотно раскупались, и к концу 40-х гг. RCA насытила ими всю страну.

Обеспечив население черно-белыми телевизорами, Сарнов занялся новым и проблематичным на то время проектом – передачей цветного изображения. Такие попытки уже существовали, но их результаты никак не подходили на роль промышленного стандарта. Сарнов вложил в разработку немалую сумму денег RCA и вновь добился успеха – первая в мире практическая цветовая системы телевидения NTSC была создана в 1953 г. Сразу же начался выпуск цветных телевизоров. Первое время они покупались плохо, RCA начала терпеть убытки. Но Сарнов был уверен в успехе, и он пришел после показа по NBC программы Уолта Диснея «Чудесный мир Диснея». Цветное изображение сменило черно-белое и основная доля проданных телевизоров вновь пришлась на долю RCA.

Политические взгляды Сарнова начали формироваться еще в детстве. Однажды, перед отъездом за океан, девятилетний Давид стал свидетелем жестокой расправы конных казаков над толпой евреев, собравшихся на привокзальной площади с целью привлечения внимания властей к своему бедственному положению. Давид всем своим существом почувствовал ужас разгоняемых, их животный страх перед нагайками всадников и крупами лошадей. На всю жизнь Сарнов стал противником любого насилия, противником любых тоталитарных систем. Видимо, поэтому когда США вступила во 2-ю мировую войну, Сарнов попросился в армию, хотя ему уже было за пятьдесят. На фронте он руководил организацией радиосвязи при высадке союзных войск в Нормандии, после освобождения Франции наладил работу французского радио, а также составил план организации радиовещания Германии после падения нацистов. За это Сарнов получил звание бригадного генерала, чем очень гордился.

Еще ранее, в 1942 году, чтобы противостоять радиопропаганде Геббельса, Сарнов предложил начать вещание на Германию и другие европейские страны. Так появилась радиостанция «Голос Америки». С 1948 года она заговорила на русском языке. В Советском Союзе ее передачи стали глушить генераторами радиопомех. В 1959 году, во время визита Н.С.Хрущева в США Сарнов повстречался с ним во время одного из официальных обедов, и прямо попросил Никиту Сергеевича убрать глушилки, мотивируя свою просьбу тем, что в США ведь не глушат радиопередачи Советского Союза. Хрущев не нашелся, что ответить и был очень зол на неожиданного оппонента.

Когда началась эра космических полетов, Сарнов предложил использовать искусственные спутники Земли для телевещания. Так что, многочисленные ныне спутниковые «тарелки» на балконах и стенах домов также восходят к Сарнову. И уже тогда он предугадывал возможность проведения телеконференций между главами государств.

Женился Сарнов в 1917 году на Лизетте Герман *(Lizette Hermant)*, только что приехавшей с семьей из Франции. Этот брак был заключен на небесах. Дэвид и Лизетта жили душа в душу. О многих задумках Сарнова первой узнавала его жена. У четы Сарновых было три сына – Роберт, Эдвард и Томас. С 1971 года Роберт занял пост председателя правления RCA, Томас был президентом NBC на Западном побережье США.

Умер Дэвид Сарнов в 1971 году. Губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер на его похоронах сказал: «Его гений заключался в его способности смотреть на те же вещи, на которые смотрят другие, но видеть больше. <...> Сарнов обладал способностью видеть будущее и претворять его в жизнь»[5].

Примечания

1. Травин Д., Докторов Б. Дэвид Сарнов. Покорение Голиафа. http://www.idelo.ru/234/26.html
2. Зальцберг М. Две жизни генерала Давида Сарнова, родившегося в еврейском местечке. http://www.ourtx.com/issue-213/2568
3. Милош Губачек. Титаник. Минск, 2000.
4. Нехамкин Э. История ТВ: Творцы и жертвы. http://www.vestnik.com/issues/1999/0928/koi/nekham.htm
5. Там же.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» МУХИНОЙ

Художник не имеет права сейчас мирно и тускло жить, это его гибель.
В.И.Мухина

Сергей ПОГОДИН,

член Союза журналистов России. Директор негосударственного научно-исследовательского учреждения «Уральский институт истории России Советского периода». г. Екатеринбург.

В эти дни Россия отмечает 125-летие со дня рождения скульптора Веры Игнатьевны Мухиной, автора знаменитого монумента «Рабочий и колхозница» и «матери» советского граненого стакана. В Третьяковской галерее открылась выставка, посвященная ее творчеству. Нам, живущим на Урале, тоже не лишним будет вспомнить этого замечательного человека, творца и художника, ведь с конца осени 1941 года она находилась в эвакуации в Свердловской области.

...1941 год. Осень. Враг стремительно подходит к Москве. Комитет по делам искусств эвакуирует крупных мастеров на Кавказ, в Сибирь, в Среднюю Азию, в города и поселки Поволжья и Урала.

Мухиной предложили поехать в Нальчик. Она отказалась, так как не хотела покидать прифронтовую Москву ради собственной безопасности. Ее упрекали в нарушении дисциплины, настойчиво уговаривали, но она не менее настойчиво возражала.

В октябре 1941 года в Свердловск были эвакуированы мастерские «Дворца Советов», где работала и Вера Игнатьевна. Скрепя сердце, подавляя в себе какое-то тупое и упорное чувство протеста, Мухина вместе с мужем и сыном быстро собрались в дальнюю дорогу на Урал. Состав с теплушками подали в Лужники; погрузились в вагоны. Скульптора не оставляли тревога, сомнения, нужно ли уезжать, так ли это необходимо. Однако поехали...

Ехали чуть меньше месяца. Было всякое: и страшное и смешное. В пути на поезд нападали вражеские самолеты, и во время бомбежек все прыгали из вагонов, в поисках укрытия. Муж Веры Игнатьевны – врач Замков взял с собой в дорогу четыре бидона с домашним вареньем. Он положил их на нары, покрыл сеном и спал на таком ложе. При торможении и поворотах бидоны начинали раскатываться и вместе с ними «катался» Алексей Андреевич. Мухина говорила мужу: «Да выброси ты их к черту», а он упорно утверждал: «Довезу»[1]. И довез!

В своем письме к друзьям, эвакуированным в Самарканд, Вера Игнатьевна писала: «Восемнадцать дней езды в теплушке среди двадцати одного человека, плюс вещи, плюс дрова, плюс ведра с горячей и холодной водой, плюс печурка, плюс постоянное беганье под и за вагоны во время бомбежек... Поезд был в сто десять вагонов, и мы в самом хвосте. Один раз я полетела со второй полки через печку... а второй раз угодила ладонями на горячую печку. Алеша (супруг Мухиной – *С.П.*) был эти дни бешеный, я его никогда таким не видела, он так переживал, что совсем развинтился...»[2]

В.И.Мухина. *1942 год.*

В ноябре доехали, наконец, до места – в благоустроенный рабочий поселок в километрах ста за Свердловском, под городом Каменском-Уральским, основанном еще при Петре I вместе с одним из первых на Урале чугунолитейным заводом, изготовлявшим пушки и ядра. Семью Мухиной поселили в одном из двухэтажных коттеджей, стоявших на высоком обрыве над рекой Исетью.

«До Свердловска, где разместились мастерские Дворца Советов, мы не доехали. Осели за сто километров от него в Каменске-Уральском... Дом, где нас разместили – красивый, надежный, теплый, кругом прекрасная природа. Здесь березы очень низкорослые и корявые, во все стороны скрученные стволы, верно, от ветров. Пейзаж здесь в зависимости от погоды бывает удивительный: иногда все серебрится: снег, березы, покрытые инеем... день и ночь поднимающиеся к небу дымы из домовых труб. Одна стена на первом этаже – сплошь стеклянная с видом на реку. Говорят, что летом Исеть потрясающе красивая река, широкая и красивая, так как ниже нас плотина, но сейчас зима, и все покрыто снегом. Дуют страшные ветры, на дворе дикий холод, колючие снежные вьюги. Все ходят укутавшись платками, в ватниках и валенках – если они есть, у всех взрослых на лицах озабоченность, только дети и подростки еще остались довоенными»[3], – записала по прибытии Вера Игнатьевна в своем дневнике.

Муж и сын скульптора поступили работать на Уральский алюминиевый завод. Мухиной отвели помещение в каком-то деревянном бараке под мастерскую, где, по воспоминаниям самой Веры Игнатьевны, по углам лежал снег. Поставили печку, и из всех щелей барака повалил дым. Вскоре эту «мастерскую» заменили другой, потеплее, но площадью всего десять квадратных метров; что можно сделать в такой мастерской?

В своем дневнике она записала «...Вылепила портрет бойца, а гипса для отливок нет. Форматор отлил из алебастра и испортил портрет. Алебастр, как творог. Чувствую себя отрезанной от всего

Кукрыниксы. Вера Мухина и Борис Иофан. *1938 год.*

Коттедж на берегу р. Исети. *Каменск-Уральский. Фото из музея УАЗ-СУАЛ.*

«...В голове «Узбека» я впервые почувствовала суровую напряженность человека, печать войны на его душе»[6], – записала Вера Игнатьевна в своем дневнике.

Враг разбит под Москвой и катится назад. Мухина пишет письма, звонит в Куйбышев и просит разрешить ей вернуться в столицу. Здесь, в эвакуации, она не может больше жить, а работать скульптору совсем невозможно. Да и муж ее – Алексей Андреевич используется не полностью, ведь у него большой опыт военного врача. В феврале 1942 года она пишет своему московскому товарищу скульптору и просит «неоднократно напоминать в Комитете» о скорейшем ее вызове в Москву. В этом письме вылилось главное из пережитого и передуманного за прошедшие три

мира. Каждый день, стоя перед стеклянной стеной коттеджа, я ощущаю себя беспомощной пчелой, залетевшей в дом, тщетно бьющейся об оконное стекло, чтобы вырваться в большой мир, светлеющий впереди, туда – за белую реку и замерзший лес»[4].

Находясь на Урале, она пыталась передать в гипсе и пластилине несколько неотступно преследующих ее пластических видений: молодую женщину с мертвым ребенком на руках и двухфигурную композицию «Возвращение» – драму встречи жены и искалеченного войной мужа. «...Здесь, в эвакуации, мой душевный опыт еще недостаточен, для решения задуманных образов, ведь о войне я знаю пока только из газет, радио и репортерских фотографий»[5], – запишет она в своем дневнике.

В Каменске-Уральском Мухина видела много узбеков-бойцов, строивших Уральский алюминиевый завод. Среди них она нашла себе модели и вылепила небольшой эскиз сидящего узбека в национальном халате и тюбетейке, портрет молодого бойца из стройбата, которого назвала просто «Узбек». Портрет этот ей тогда не удалось отформовать на месте из-за отсутствия гипса, и она привезла его в Москву, где он и получил свое завершение.

Сидящий узбек. *1942 год. Бронза.*

месяца эвакуации, нетерпеливое желание возвращения и злость на всякие оттяжки и добрые советы. «С одной вашей фразой, – пишет она, – я в корне не согласна: «Живите тихо и спокойно и укрепляйте нервы для дальнейшей работы». Вот это-то и неверно: не могу я сейчас сидеть мирно и наслаждаться спокойствием. Художник не имеет права сейчас мирно и тускло жить, это его гибель. И от этого я сейчас страшно страдаю. То, чего я так боялась, когда уезжала, то и случилось: я сыта, тепло, но жизни со всей страной нет, это страшно мучительно»[7]. Несколько ниже в письме такие строки: «Как только получу вызов от Комитета, сейчас же приеду, Иофан не сможет меня задержать, хотя я и числюсь по его группе... А не упустить сейчас рабочий момент страшно важно и для искусства. Сколько правды увидят писатели на фронте, а мы все будем только выдумывать и делать мертвые скульптуры. Работать могу и на даче... Никогда не делайте того, к чему сердце не лежит, ошибетесь, как я. Черт меня дернул уехать из Москвы, когда я чуть из Лужников не вернулась тогда домой, и надо было»[8].

Уже вернувшись в Москву, Вера Мухина запишет в своем дневнике: «Всего полгода я провела на Урале, а кажется, что прошли годы...»[9]

В Москве Мухина сразу берется за работу, работает много, с воодушевлением. Но ее возвращение в столицу еще не решало проблемы. Уехали на Урал вчетвером: она, Алексей Андреевич, Всеволод и Анастасия Степановна Соболев-

В.И.Мухина с мужем – А.А.Замковым. *1941 год.*

Портрет (голова) узбека. *1942 год. Бронза, гранит.*

ская. Вернулась Мухина одна. Семья была разобщена.

Хлопоты, заявления, телефонные звонки – сколько их было!

«Не говоря уже о создавшихся личных неудобствах, считаю, что с моим стажем и знаниями военного хирурга я могу принести больше пользы в московских госпиталях. Прошу вас использовать меня как врача-хирурга в Москве, по месту моего постоянного жительства»[10], – настойчиво, многократно писал Замков, и ему так же многократно и упорно отвечали: «В ближайшее время нет возможности помочь вам в разрешении въезда»[11].

«Состояние папы отвратительное, и моральное и физическое, хуже, чем было в 1938 году после закрытия института», – писал матери Всеволод. – Полное неверие в собственные силы, и никого нет, кто их мог бы в него вдохнуть. Не спит по ночам, страшно слаб и бледен... слаб так, что я за него боюсь»[12].

Сам Алексей Андреевич пишет жене сдержанно, ни на что не жалуется, напротив, старается успокоить: «Чувствую себя удовлетворительно, даже хорошо». И только однажды в приписке мелькает полупризнание: «Думы заедают!»[13].

Наконец он получает разрешение вернуться в Москву. За ним – Соболевская. Дольше всех остается в Каменске-Уральском Всеволод; ему приходится заботиться о багаже –огромных ящиках с архивом Института урогравиданотерапии, которые Алексей Андреевич увез с собой в эвакуацию на Урал.

Бумаги оформлены, а он пропускает состав за составом: с большим грузом не берут. Вернуться же в Москву без архива отца он и думать не смеет. Сам же Алексей Андреевич, тяжело болея, отсчитывая в дневнике дни, которые ему остается прожить, зная, что ему уже не увидеть сына, непреклонен: ящики нужно вернуть с Урала в Москву. Позже, Вера Игнатьевна сожжет эти трагические, чудовищные по своей прямоте и обнаженности записи мужа.

Архив был спасен. Алексея Андреевича Всеволод в живых не застал.

За несколько месяцев, писала Мухина своим подругам Ивановой и Зеленской, Замков «превратился в старика, худой, слабый, впору палку брать. С Урала приехал он в страшном виде – приехал умирать в родную Москву, как он мне сказал. Но в последнее время поправился, посвежел и повеселел... Встретили в Москве его довольно хорошо, это его ободрило, но сил уже не было»[14].

Друг дома Николай Цыганов, директор Русского музея, рассказывал впоследствии Всеволоду Алексеевичу, что за день до смерти Алексея Андреевича встретил его, бледного до зелени, неуверенно идущего тяжелыми, медленными шагами. «На вас лица нет». – «У меня предынфарктное состояние». – «Так куда же вы идете?» – «В поликлинику. Меня ждут. Я еще успею помочь двум больным, спасти их»[15].

На следующее утро, проснувшись, Вера Игнатьевна испугалась его хриплого дыхания. «Что с тобой?» – «У меня инфаркт». – «Почему же ты меня не разбудил?» – «Тебе придется еще много возиться со мной. Я хотел, чтобы ты выспалась»[16].

«Все время был в сознании, – рассказывала она потом. – Волновался: как мы будем без него жить, и с тоской говорил: «Я Волика больше не увижу»[17].

Вызвали врача. Приехала молодая женщина, послушала, велела лежать и предостерегла... против препарата Замкова. Это оказалось последней каплей. Алексей Андреевич побагровел, вскочил с постели, крикнул: «Вон!» – и упал мертвый.

А телефон звонил не переставая, и стоило Мухиной снять трубку, как слышались поздравления: в этот день ей присвоили звание заслуженного деятеля искусств.

«Как тяжело мне!» – писала она друзьям. – Не могу представить, что никогда уже его не увижу. Страшное слово «никогда»[18].

И на кладбище потребовала место для двойной могилы: «Я тоже буду лежать здесь!»

...К страшному 1942 году относится «самая безрадостная, пессимистическая и безнадежная моя работа, – писала она подругам, – работа, начатая и задуманная мной на Урале, – «Возвращение»[19].

Остановившимся от горя взглядом смотрит в пространство женщина: к ее ногам прижался вернувшийся с фронта калека, обе ноги которого ампутированы. Этой вещью она была очень увлечена, работала над ней запоем. Делала варианты. Мужской образ почти не варьировала, разве только меняла движение рук, наклон головы. Его трагедийность, тоска, обреченность не вызывали сомнения, и поза здесь ничего не решала.

Могила А.А.Замкова и В.И.Мухиной. *Новодевичье кладбище, Москва.*

Убеждала сама глубина и необратимость человеческого несчастья. А вот женскую фигуру Мухина «нашла» не сразу. Сперва женщина склонялась к мужчине, одной рукой закрывая лицо, другой прижимала его к себе. В этом эскизе было много нежности, любви, сострадания, но мало ощущения пришедшей не к нему одному – к ним обоим – беды. Потом женщина распрямилась, откинула голову, застыла. Трагедия вытеснила жалость.

Мухина увеличила эскиз, довела его до натуральной величины. Трое суток почти не выходила из мастерской, работала ночами, хотя обычно, если сроки не подгоняли, избегала ночной работы. Никого не пускала к себе, словно хотела быть только наедине с композицией. Закончила работу в глине, еще раз пристально и придирчиво осмотрела ее со всех сторон и – разбила. Колотила молотком до тех пор, пока скульптура не превратилась в бесформенные куски. «Слишком страшно это было!»[20] – сказала через несколько дней сыну.

Почему она разбила «Возвращение»?

Потому что оно было тесно связано с ее личными переживаниями, как считают некоторые? Вряд ли. Правда, она работала над композицией в тяжелое время. Но трагедия тех двоих, ее персонажей, не была ее непосредственным страданием. Ее горе было иным, и если бы она захотела еще раз рассказать об Алексее Андреевиче, нашла бы, наверное, другую форму.

Потому что оно было «слишком страшно»? Но сама она в письме к американским художникам, написанном примерно в это же время, заявит: «Не надо бояться изображения страшного; пусть помнят долго обитатели нашей планеты о жестоких годах, помнят ярко, чтобы никогда больше не забывать страшных картин войны, злобы человеческого бесправия и страдания»[21].

Разбив большую скульптуру, Вера Игнатьевна до конца своих дней хранила маленький восковой ее эскиз. Ей, художнице, достаточно было взгляда, чтобы представить ее в натуральную величину. Хранила и другой эскиз – не менее страшный: мать с убитым ребенком на руках. Он также был начат в эвакуации на Урале...

...Нет, дело было не в трагедийности «Возвращения», а в том, видимо, что оно было недостаточно действенно. Оно звало к плачу, покорности перед всесокрушающим горем, а надо было звать к борьбе и победе. «То, что из нас, русских, под которыми я подразумеваю всех граждан страны не зависимо от их национальности, никто не был равнодушен в эту великую войну, помогло нам одержать победу»[22], – итогом прозвучат слова, сказанные Мухиной на митинге женщин в Париже в год Победы.

Возвращение. *1942 год. Воск.*

Примечания:

[1] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[2] Письмо В.И.Мухиной. 1941 г. Архив Н.Г.Зеленской и З.Г.Ивановой.

[3] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[4] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[5] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[6] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[7] Письмо В.И.Мухиной А.А.Экстер. 1942 г. Архив А.А.Экстер.

[8] Письмо В.И.Мухиной А.А.Экстер. 1942 г. Архив А.А.Экстер.

[9] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[10] Письма А.А.Замкова. Архив А.А.Замкова. Рукописи. РГАЭ.

[11] Письма А.А.Замкова. Архив А.А.Замкова. Рукописи. РГАЭ.

[12] Заметки В.А.Замкова. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[13] Письма А.А.Замкова. Архив А.А.Замкова. Рукописи. РГАЭ.

[14] Письмо В.И.Мухиной. 1942 г. Архив Н.Г.Зеленской и З.Г.Ивановой.

[15] Воспоминания Н.А.Цыганова. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[16] Стенографические записи воспоминаний В.И.Мухиной, сделанные А.Беком и Л.Тоом. Архив В.А.Замкова.

[17] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[18] Заметки В.И.Мухиной. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[19] Письмо В.И.Мухиной. 1943 г. Архив Н.Г.Зеленской и З.Г.Ивановой.

[20] Заметки В.А.Замкова. Рукопись. Архив В.А.Замкова.

[21] Рукопись В.И.Мухиной. РГАЛИ. ф. 2326, ед. хр. 79.

[22] Рукопись В.И.Мухиной. РГАЛИ. ф. 2326, ед. хр. 79.

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ МОГИЛЫ ОЛЬШАНСКОГО КЛАДБИЩА В ПРАГЕ

Владимир БОЙКО,

военный историк, краевед. г. Екатеринбург.

Во время Гражданской войны и после ее окончания миллионы русских покинули свою Родину и расселились по всему миру. Жизнь человеческая коротка, и вот с некоторых пор четко обозначились несколько точек русского притяжения в Европе – это кладбища русской эмиграции. Самое известное расположено в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, кладбище Кокад в Ницце на юге Франции, русское кладбище под Реймсом, в местечке Мурмелон, где похоронены солдаты и офицеры Русского Экспедиционного корпуса, отдавшие свою жизнь за свободу Франции и России в годы Великой войны и умершие позднее. Нельзя не упомянуть русское кладбище в Белграде, где покоятся русские солдаты и офицеры, а также генерал-лейтенант П.Н.Врангель, последний Главнокомандующий Русской армии в 1920 году, и конечно русский участок старинного Ольшанского кладбища в Праге.

Вот о нем, точнее о нескольких могилах, хотелось бы рассказать подробнее.

В молодой Чехословацкой республике после войны нашли свой приют не только многочисленная научная и творческая интеллигенция, студенты, но и военные. Сравнительно недавно воздвигнут памятник на братской могиле неизвестных воинов Белой армии, покинувших Россию в 20-х годах прошлого века и скончавшихся в Чехословакии от болезней и ранений, полученных в Гражданской войне. Этот памятник воздвигнут на деньги благодарных потомков русских эмигрантов той, уже далекой, первой волны покинувших Россию.

В центре кладбища расположена церковь Успения Пресвятой Богородицы. Этот храм был открыт и освящен митрополитом Евлогием (Георгиевским) в сослужении епископов Михаила Шабацкого из Сербии и Сергия Пражского (Королёва), а также многочисленного русского духовенства 22 ноября 1925 г. Он воздвигнут в Псковско-Новгородском стиле XVI века на средства русской эмиграции. Большую помощь строительству оказали первый премьер-министр Чехословакии Карел Крамарж и его русская супруга Надежда Николаевна. Из Чехословацких официальных органов весомую помощь оказало Пражское городское самоуправление.

Под звонницей храма, в крипте, на почетном месте, находятся захоронения наиболее известных людей. Тут похоронен и инженер Николай Николаевич Ипатьев, чей дом в Екатеринбурге стал местом Русской Голгофы и известен всему миру, в подвале которого в ночь с 16 на 17 июля 1918 года была расстреляна царская семья и ее верные слуги. Уже больше десяти лет в Храме на Крови, воздвигнутом в этом месте в Екатеринбурге, в июле проходят Царские дни. В ночь с 16 на 17 июля каждый год идет Божественная литургия, а после нее десятки тысяч паломников идут 23 км до урочища Ганина Яма, где сейчас находится одноименный мужской монастырь.

Связана с Екатеринбургом и судьба полковника Николая Ильича Никольского, также жившего в эмиграции в Чехословакии с супругой Анной Ивановной. Они поженились в 1919 году, когда отважный полковник сражался с большевиками. Н.И.Никольский родился 16 декабря 1873 года, воспитывался во 2-м кадетском корпусе, который

окончил в 1892 году, потом учился в Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище (Владимирское военное училище с 1911 г.) и закончил его в 1895 г. Участник Великой и Гражданской войны, полковник, неоднократно был награжден, имел ранения. В эмиграции был членом общества СРВИ (Союз русских военных инвалидов) и умер в Праге 7 мая 1957 года. В 1919 году, будучи вдовцом, имея сына Михаила от первого брака 1913 года рождения, он женился на фронтовой сестре милосердия Анне Сергиенко.

Анна Ивановна Никольская (Сергиенко),1894 года рождения, в 1916 году окончила курсы сестер милосердия и попала на фронт, потом была Гражданская война, она вновь оказывала помощь раненым уже в Белой армии, и здесь она встретила полковника Никольского. После переезда в Чехословакию Анна Ивановна поступила на медицинский факультет Карлова университета в Праге и успешно окончила его с дипломом врача-стоматолога. Так она стала «пани докторка Никольская», открыла частную практику в Праге и много лет при всех властях и режимах успешно лечила зубы всем, кто в этом нуждался. У нее была младшая сестра Екатерина Ивановна (1911 г.р.) и брат Иван Иванович (1896 г.р). Брат в 1916 году окончил школу прапорщиков и воевал на фронтах Великой войны, а после Октябрьского переворота перешел на сторону красных. Вскоре после Гражданской войны был на дипломатической работе в Литве, потому что по матери он был наполовину литовцем и свободно владел литовским языком, но в 1922 году заболел туберкулезом, был отправлен на лечение в санаторий в чешских Татрах, где и скончался в 1922 году. Младшая сестра Екатерина Ивановна всю жизнь прожила в Екатеринбурге, где и поныне живет ее дочь – племянница «пани докторки Никольской» Тамара Степановна, тоже врач в прошлом, которая ныне является активным членом Общества Уральских краеведов. Сестры несколько раз встречались в 60-х годах, в том числе и в Свердловске, а ныне полковник Никольский с супругой покоятся вместе на Ольшанском кладбище.

Весьма интересна судьба двух других людей, мужа и жены, также покоящихся на Ольшанском кладбище. Это могила генерала Антонина Микулаша Чилы (6.1.1883–31.5.1983), на которой кроме дат жизни написано STARODRUZINIK и его жены екатеринбурженки Нины Ивановны Чиловой (в девичестве Круковской, 31.12.1894–17.1.1961). Антонин Чила приехал в Россию преподавать Сокольскую гимнастику за несколько лет до начала Великой войны. В сентябре 1914 года он был в числе самых первых, кто откликнулся на призыв создавать чешскую дружину и приехал в Киев, где она начала формироваться. В ходе войны получил офицерский чин и был в числе тех, кто 25 июля 1918 года первым вошел в Екатеринбург, оставленный красными. В Екатеринбурге он познакомился с дочерью известного предпринимателя И.Ф.Круковского – Ниной и зачастил в их дом на Вознесенском проспекте, 45, это совсем рядом с домом инженера Н.Н.Ипатьева. Летом 1919 года А.Чила вместе с Ниной и ее родителями выехал во Владивосток, там официально женился на ней, при этом свидетелем у него был другой широко известный стародружинник генерал Чечек, и все вместе уехали в Чехословакию. Генерал Чила пережил очень и очень многих, справил столетие и упокоился рядом с женой, умершей ранее. И вот спустя 95 лет, после его знакомства с молодой девушкой Ниной Круковской в Екатеринбурге, сюда на Урал приехала его внучка – Ивана Чилова. Она посетила свое родовое гнездо, где висит памятная табличка «Особняк фабриканта И.Ф.Круковского» и где никто из ее семьи не был за все эти почти 100 лет. Какие чувства ее переполняли, она частично рассказала на III Международной конференции «Урал в годы Гражданской войны», прошедшей 28–29 сентября 2013 года в Перми. Показала она и копию документа передачи золота Советскому правительству от Чехословацкого корпуса в феврале 1920 года, подписанного в том числе начальником караула подполковником А.Чилой.

О судьбе генерала Радолы Гайды, командующего Сибирской армией, много сказано и написано. На русском и чешском языках изданы протоколы о бракосочетании генерал-лейтенанта Гайды и Екатерины Николаевны Пермяковой. 25 июня 1919 года генерал Гайда в Екатеринбурге вступил в брак с юной гимназисткой Катей Пермяковой. Незадолго до того, как Белая армия оставила Екатеринбург, молодая семья выехала на Восток и несколько позднее переехала в Чехословакию, где генерал продолжил службу уже в Чехословацкой армии. Р.Гайда умер в 1948 году, а его супруга в 1974 г., похоронены они вместе недалеко от Успенского храма на Ольшанском кладбище.

В скромной могиле на том же Ольшанском кладбище похоронена монахиня, долгие годы жившая на Урале, в Екатеринбурге, и волею судеб упокоившаяся в Праге. Ее звали сестра Августина (Гребнева), и она была насельницей Ново-Тихвинского женского монастыря. Согласно данным ГАСО[1], монахиня Августина, в девичестве Вера Гребнева, родилась в 1859 году в крестьянской семье в Сысертской волости Пермской губернии. В 1874 году в возрасте 15-ти лет поступила в монастырь, где обучалась чтению, письму и иконописанию. Одним из послушаний сестры Августины до революции было заведование иконописной, а позднее фотографической и чеканной мастерскими. Так сложилось, что в период Гражданской войны, настоятельница монастыря игуменья Магдалина (Досманова) отошла от дел управления монастырем, а реально этим занималась сестра Августина, в тот момент несшая послушание казначея монастыря, конечно, с благословения матушки Магдалины. Именно она вышла с прошением к большевистским властям о возможности снабжать продуктами находящихся в заключении в

[1] Государственный архив Свердловской области. Ф. 603, оп. 1, д. 719, б. л.

Ипатьевском доме членов царской семьи и их приближенных. По ее поручению монахини регулярно приносили свежие продукты узникам Ипатьевского дома. Она сыграла большую роль в судьбе монастыря и в период ухода Белой армии из Екатеринбурга. Ее тщанием монастырь еще определенное время продолжал действовать и при новой власти, хотя на его территории был организован военный госпиталь. Сейчас монастырь восстанавливается, вновь действует на старой исторической территории и вновь соседствует с Окружным военным госпиталем.

Судьбе было угодно, что упомянутая ранее Екатерина Пермякова, вышедшая замуж за генерала Р.Гайду в Екатеринбурге, приходилась ей племянницей. Через некоторое время после возвращения в Чехословакию, теперь уже видный генерал Чехословацких вооруженных сил помог монахине Августине перебраться в Чехословакию, в Прагу. В Чешских землях было всего несколько православных храмов, но не было ни одного православного монастыря, и сестра Августина (Августа) до самой смерти в 1936 году, подвизалась при храме Св. Николая (Св. Микулаша), настоятелем которого был епископ Сергий Пражский (в миру Аркадий Дмитриевич Королёв), он провожал ее и в последний путь.

В Соборе Св. Николая Чудотворца до мая 1945 года проводились православные службы, последний раз служба была на Пасху 6 мая 1945 года. Храм Святого Микулаша по сей день находится в самом центре Праги, на Староместской площади.

В восстановленном Ново-Тихвинском монастыре, недавно отметившем торжественно 200-летие со дня основания, очень трепетно относятся к своей истории. Известно, что учреждению монастыря поспособствовал в 1809 году известный русский флотоводец, ныне причисленный к лику святых, Федор Ушаков. Нынешняя настоятельница игуменья Домника и монахини делают все возможное не только для восстановления храмов и монастыря, но и для познания его истории, особенно в тяжелую годину Гражданской войны.

До недавнего времени в крипте храма Успения Пресвятой Богородицы рядом с Н.Н.Ипатьевым был похоронен известный историк Кубанского Казачьего войска Федор Андреевич Щербина.

15 сентября 2008 года его прах перевезли из Чехии на Родину, в Россию, и 16 сентября 2008 года в столице Кубани он был похоронен со всеми почестями. В 2011 году в одном из скверов, в самом центре Краснодара, ему был открыт памятник.

В Екатеринбурге несколько лет назад группа активистов Общества Уральских краеведов вышла с инициативой о создании мемориальной доски адмиралу А.В.Колчаку, много раз бывавшему здесь в годы Гражданской войны. Был разработан эскизный проект, составлен текст памятной надписи, даже был найден у одного из краеведов старинный якорь с цепями, который он согласен был передать для установки у подножия памятной доски. Был найден специалист, который брался из своего материала – итальянского мрамора – безвозмездно выполнить эту почетную и благородную работу по изготовлению памятной доски, но эта идея пока не реализована. Не нашли достойного отклика и предложения краеведов об установке памятной доски о пребывании Академии Генерального штаба в 1918 году в Екатеринбурге в здании, где ныне находится Горный университет. Хочется надеяться, что к 100-летию начала Великой войны в 2014 году и к 100-летию со дня образования Горного университета все эти предложения уральских краеведов будут претворены в жизнь.

На Ольшанском кладбище в 1996 году на стене Успенского храма по инициативе общества «Они были первыми» была установлена мемориальная доска жертвам тоталитарного режима. Ее текст гласит: «Вечная память русским, украинцам и представителям других народов Российской Империи, в 1917 году отвергнувшим коммунистическую утопию и в рядах Добровольческой армии отстаивавшим мир от большевистского террора, и которые в 1920-х годах нашли дом в демократической Чехословацкой республике, а спустя четверть века стали первыми жертвами послевоенного коммунистического оппортунизма, который допустил похищение их в 1945 году в советские тюрьмы и концентрационные лагеря, где погибли или без вести исчезли. И лишь после долгих лет горсточке дозволено было вернуться к своим семьям домой в Чехословакию и умереть».

Совсем недавно в Чехии отмечалось 90-летие начала «RUSKA POMOCNA AKCE» – акция помощи России. Прошли научно-исторические конференции в Праге и Москве, была открыта выставка. Благодаря этой акции, начатой по инициативе эмигрантских обществ в 1921 году, тысячи русских в Чехословакии не только выжили, но нашли свой дом и получили образование.

Большую роль в этом сыграли первый Президент Томаш Масарик, премьер-министр Карел Крамарж, министр иностранных дел Эдвард Бенеш, все население молодой Чехословацкой республики, протянувшее руку помощи русским.

Каждый год, 11 мая, потомки русских эмигрантов собираются вместе на Ольшанском кладбище посетить могилы родных и почтить память ушедших, ведь пока мы помним наших предков – они живы в наших сердцах!

Автор выражает искреннюю признательность известному краеведу и знатоку истории русской эмиграции в Чехословакии, дочери последнего атамана объединенного Донского, Кубанского и Терского казачьих войск в Чешских землях Василия Вуколова – Анастасии Васильевне Копршивовой за чуткость и бескорыстную помощь в подготовке материала для этой статьи.

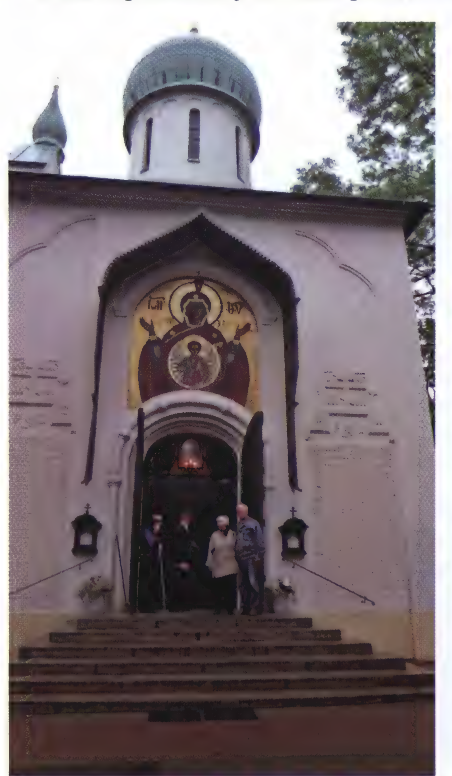
Дети русских эмигрантов на Ольшанском кладбище.

А.В.Копршивова у могилы родителей.

Мемориал чехословацким легионерам в Кунгуре.

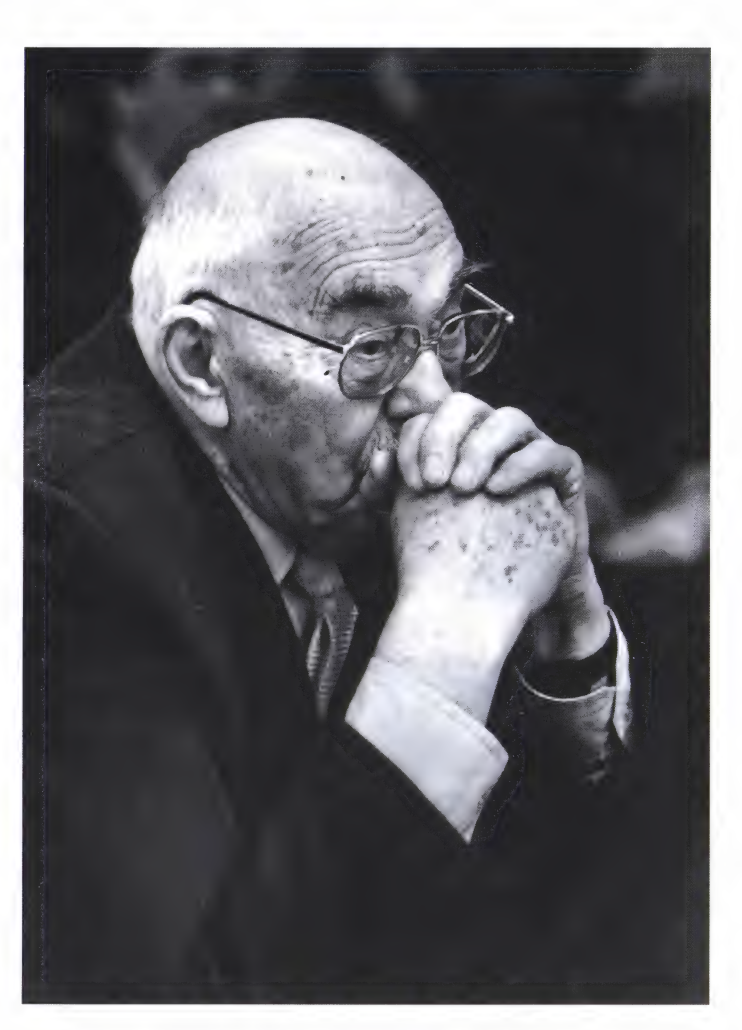
Храм Успения Пресвятой Богородицы в Ольшанах.

Могила Р.Гайды и его жены.

В.Бойко у могилы полковника Никольского и его жены Анны.

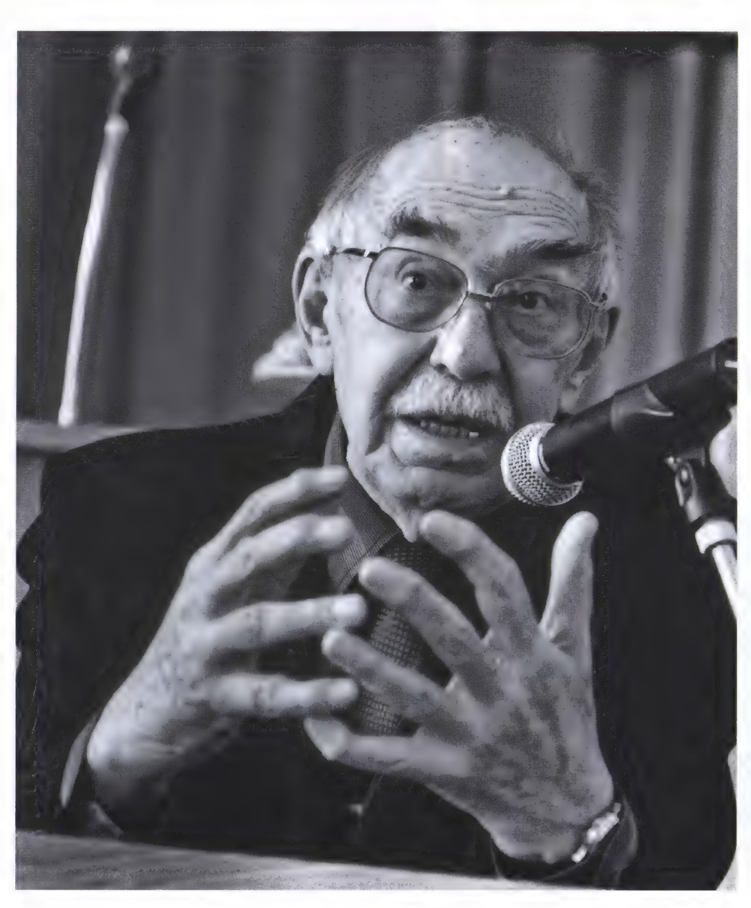

Портрет интеллекта

Лауреаты Демидовской премии (2003 г.)

Литвинов Борис Васильевич (1929–2010)

Академик. Специалист в области атомной науки и техники, исследований физики взрыва и высоких плотностей энергии, один из создателей ядерных зарядов и ядерных взрывных устройств. С 1997 – зам. научного руководителя РФЯЦВНИИТФ им. академика Е.И.Забабахина. Преподавал на физическом факультете УрГУ. Почетный доктор УГТУ-УПИ. Лауреат Ленинской премии, премии им. В.П.Макеева. Герой Социалистического Труда. Почетный гражданин г. Снежинска. Демидовская премия присуждена за выдающийся вклад в развитие физики ударных волн, детонации, разработку ядерных устройств, составляющих основу ядерного арсенала России.

Белецкая Ирина Петровна (род. 1933)

Академик. Специалист в области теоретической органической химии. Профессор, заведующая кафедрой органической химии химического факультета МГУ. Была президентом Органического отделения в ИЮПАК (Международном союзе по чистой и прикладной химии). Главный редактор «Журнала органической химии». Лауреат Государственной премии РФ (2004), премий им. М.В.Ломоносова, Д.И.Менделеева, А.Н.Несмеянова, П.Л.Капицы, Королевского научного общества Великобритании, премии «Женщины в науке» (Швеция). Демидовская премия присуждена за выдающийся вклад в развитие химии металлоорганических соединений и металло-комплексного катализа в органическом синтезе.

Богатиков Олег Алексеевич (род 1934)

Академик. Крупный специалист в области петрографии, магматической геологии и геодинамики. Научный руководитель лаборатории петрографии им. А.Н.Заварицкого в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ) РАН, возглавляет секцию геологии, геофизики, геохимии и горных наук Отделения наук о Земле и Межведомственный петрографический комитет РАН. Лауреат Государственной премии РФ (1997) и премии Правительства РФ (1997). Демидовская премия присуждена за выдающийся вклад в исследование глобального магнетизма, геодинамики и магматизма и работы по уменьшению негативных последствий вулканических извержений.

Ведущий рубрики: член Союза журналистов России, фотохудожник Сергей Новиков

А.Елецкий. Регата.

Андрей Елецкий: Противоречивый, неуловимый...

Вечер в Санторини

Романовы.

Идущие.

Летающий жираф.

Невеста и козочка.

Летящий пианист.

Дождь на Монмартре.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ, НЕУЛОВИМЫЙ...

Евгений АЛЕКСЕЕВ,

г. Екатеринбург.

В издательстве «Банк культурной информации» в серии «Национальное достояние России» готовится к печати альбом-исследование творчества нашего земляка и друга – художника, члена Творческого союза художников и графиков ЮНЕСКО, музыканта, джазмена Андрея Елецкого. Фрагмент из этого альбома мы предлагаем сегодня вашему вниманию.

(Окончание. Начало на стр. 1)

КАРНАВАЛ НЕЛЕПОЙ ЖИЗНИ

Как ни удивительно это прозвучит, но надо признать, что Елецкий – реалист. Не по художественной системе, не по набору традиционных приемов, не по нравоучительной нотке, идущей от ворчливых передвижников, а по внутреннему складу, по ощущению жизни. Это человек, живущий реальными событиями, настоящим днем, конкретным часом, злободневными идеями и проблемами. То, что волнует его в данный момент, личная ли драма, государственный ли конфликт или увиденная случайно уличная сцена, может обернуться оригинальным жанровым полотном. Причем, Елецкий способен без эпических планов и выверенных построений повествовать о наболевшем и актуальном. Как режиссер, уверенный в своих звездных актерах и безграничных финансовых возможностях, он тасует сюжет, сталкивает мизансцены, переворачивает смыслы и отменяет финал.

У Елецкого-художника есть свои излюбленные типажи, свои опробованные штампы. Он пишет то, к чему зритель уже привык, в чем он не сомневается, что уже не раз встречал в живописи мастеров: война или пьянство, возлюбленные, танцующие или музицирующие... – но привычные темы, образы, сюжеты у Елецкого вдруг переворачиваются, путаются, ужимаются фигуры, меняются композиционные ритмы. И вот уже на лицах военных проступает нежная стыдливость, а пьяницы обретают красочность свежей розы.

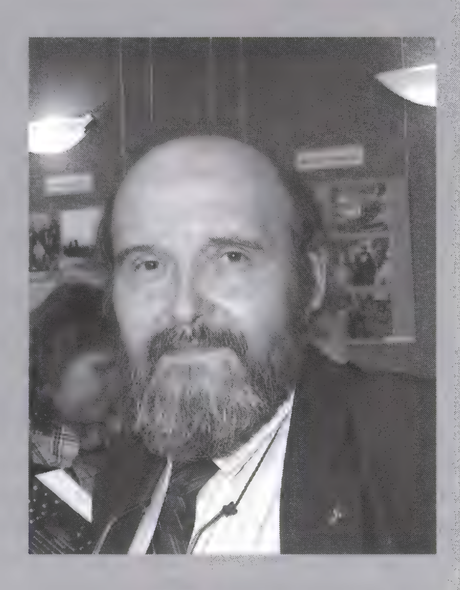
В его картинах немало обездоленных и бесприютных, сирых и убогих, униженных и заброшенных. Бомжи, нищие и старухи любимы художником за неприкаянность и безобидность. Все они истинные юродивые, знающие о нашей жизни слишком много. Им под стать неуклюжие моряки с раскачивающейся походкой, ошеломленные женщины, вальяжные спортсмены, милые военные и домашние животные всех размеров. Они равноправные герои нашей жизни, странного карнавала, иногда печального, порой кровавого. Но зритель понимает, что это карнавал всеобщего единения и слияния, карнавал великой дружбы и неразрывных родственных уз.

Герои нашего дня легко перемещаются во времени и пространстве, они сопоставляются с историческими персонами, Юрий Гагарин и Николай II, Владимир Ленин и Иосиф Сталин, и даже Христос и Богородица – все они становятся нашими современниками и собеседниками. Грань между бытовой и исторической картиной для Елецкого не важна. История для него отражается в лицах прохожих и в собственных – только ему доступных – откровениях. Всё неразрывно и всё запутано: революционный террор и полеты в космос, дружба народов и тюремные нравы, публичный дом и вдохновение музыканта... При этом сам создатель не стремится ни к социальному обличению, ни к философским размышлениям по поводу привычек своих современников. Сам он плоть от плоти этой противоречивой и разномастной эпохи, в которой, кажется, навсегда перемешались наивное неведенье счастливых и брюзжание обманутых, бандитская ухмылка и деловой расчет. В этом контексте нарушение пропорций и цветовая дисгармония становятся адекватным художественным приемом. Ведь если вдуматься, наша история и повседневность далеко не гармоничны и не привлекательны. И картины Елецкого словно призваны взбудоражить, а значит, дать здравомыслящему человеку силы что-то изменить в себе и в мире, задуматься и попробовать...

НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД*

Лудовико АРИОСТО
(1474–1533)

Перевод с итальянского
академика поэзии
Юрия КОНЕЦКОГО
(25.05.1947 – 04.03.2014)

Гравюры Г.Доре.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Порой того, кто был в далеких странах,
И видел чудеса под небесами,
За новизну его рассказов странных,
Зовут лжецом с пустыми чудесами.
Народ, погрязший в глупостях обманных, —
Пока, мол, не пощупаем мы сами,
Не станем верить сказочкам, хоть тресни, —
Едва ль моей поверит новой песне.

Я не для дураков и маловеров, —
Что мне они, невежды и кретины! —
Для умных дам и мудрых кавалеров
Рисую достоверные картины,
Прибавив ярких красок для примера,
Чтоб встали, как цветочные корзины.
Но я к мосту вернусь, где Эрифила,
Ни одного живым не отпустила.

На ней был панцирь лучшего металла,
И, как глаза, сверкали самоцветы,
Зеленым — изумруды, красным — лалы,
И хризолиты, в золото одеты.
Верхом не на коне она скакала,
А серый волк носил ее по свету,
И ехала пред самой переправой
В большом седле с богатою оправой.

Таких волков у нас и не бывало,
Толст и высок он был, быку подобен,
И как она им только управляла,
Не знаю сам, — он был зубаст и злобен.
Поверх доспеха было покрывало,
Чей крой навряд ли рыцарю удобен,
В таких плащах в дворцовые палаты
Епископы вступают и прелаты.

И грозный меч, подъятый грузной бабой,
Сверкал среди одежд неразберихи,
Где ядовитой осенялись жабой
Шишак и щит проклятой сторожихи,
А волк, сгребая пыль огромной лапой,
Был чертом, верно, послан сей волчихе,
Что «Прочь отсюда!» — гаркала Руджьеру,
Тем самым только зля его не в меру.

Он взял копье в свои стальные пальцы,
На перехват летя, чтоб враз умолкла, —
Пусть будут им отомщены страдальцы,
Чьи души отняла хозяйка волка, —
Не меч сподручней женщине, но пяльцы!
И это ей он объяснял недолго,
Когда под шлем со всей ударил силы,
Воткнув копье, как в стог втыкают вилы.

На шесть локтей от волка отлетела
В траву с размаху брошенная туша.
Руджьер с мечом бежит отнять от тела
Ей голову, — безмолвную баклушу.
Но спутницы кричат ему: «Не дело,
Мрачить победу местью, теша душу.
Забудем, добрый рыцарь, все тревоги, —
Вперед! за мост и дальше по дороге».

И вот они уже дремучим лесом
Идут путем запутанным, неторным,
И неприветно каменным навесом
Встречает их проход по тропам горным.
На перевале с гордым интересом
Любуется Руджьер ковром просторным —
Широкою равниной, где узоры
Дворца к себе притягивают взоры.

Окончен спуск и началась долина.
Тут я бы песню заказал труверу:
«*Как из ворот распахнутых Альцина
Во всей красе приблизилась к Руджьеру*».
И свита фрейлин, как цветов лавина,
Пред ним склонилась по ее примеру.
И нет поклонов более глубоких,
Сойди хоть сам Господь с небес высоких.

Хотя дворец известен в мире целом
Великолепьем башенок и фресок,
Он жителями славился, что телом
Всегда прекрасны, голос их не резок,
И прелесть их — в изяществе умелом,
Волной струятся кудри из-под фесок,
Чужда им шарлатанов медицина,
И всех прекрасней нежная Альцина.

Она была сложеньем безупречна, —
Светилась кожа белизною чистой,
И кудри золотые ей на плечи
Волною ниспадали золотистой.
И нежно на ее ланитах млечных
Цвет лилий слился с розою огнистой,
Лоб ясный кость напоминал слоновью,
Венчав ее природною любовью.

Под выгибом ресниц, что словно шторы, —
Два черных глаза, два искристых солнца, —
Так бережны и милостивы взоры!
Вокруг Эрот летает и смеется.
Он собирает их, на стрелы скорый,
И мечет наугад, в кого придется,
Пусть свой колчан подальше он уносит!
Притом, какой у феи чудный носик!

Ее уста свежи и ярко алы,
Целуют нежно и сладчайше шепчут,
А между ними в блеске небывалом
То явится в две нити скатный жемчуг,
То скроется за легким покрывалом,
Когда отсюда излетают речи,
Что тихим словом умягчают души,
И только радость смеха ловят уши.

Белее снега кожа круглой шеи,
И грудь ее просторно беломлечна,
Где два плода точеных, хорошея,
Колышутся, как волны вод беспечных.
Готов продолжить перечень в душе я
Всех прелестей бездонно-безупречных,
Но для себя уже решил спокойно,
Что скрытое и явного достойно.

Великолепно рук ее сложенье
И удлиненно-узкие ладони,
В них даже незаметно напряженье
От скачек и охотничьей погони.
Стопа узка и царственны движенья,
Что для прогулок, что для церемоний.
Молчу про беломраморную ножку —
Ведь даже скульптор точит понемножку.

* Продолжение. Начало в № 1–2, 10 (2012), 8, 10 (2013), 1, 3 (2014).

Знать, ангел залетел в земную сферу,
И всех своим сразил очарованьем,
И устоять ли было тут Руджьеру
Перед таким почтеньем и вниманьем?
Про все, что мирт поведал кавалеру,
Забыл, наполнив сердце ликованьем,
Коварство и предательство Альцины
Отверг, как все влюбленные мужчины.

И проявляя рыцарское рвенье,
Волшебнице поверил он настолько,
Что клеветою счел предупрежденье
«Неблагодарно-злобного» Астольфа:
«И поделом ему за непочтенье,
Он опорочил деву недостойно
Из-за отказа, от обиды, мести...
Пусть деревом стоит на смирном месте!»

И та забыта, чья любовь на свете
Ему была надеждой и опорой,
Как будто сдул ее из сердца ветер
И занавесил душу душной шторой.
Одна Альцина только на примете —
Девица, краше в мире нет которой.
Околдовала бедный мозг Руджьерин,
Что ж осуждать, что он в любви неверен?!

Давно дворец не знал такого пира, —
Лишь подали изысканные сласти,
Запели арфы, зазвучали лиры,
И их мотивом было сладострастье.
Глаза у дам сияли, как сапфиры,
И безобманно обещали счастье,
И вдохновенно рыцари Альцины
Им сочиняли звучные терцины.

И ни роскошный пир Сарданапала,
Что был устроен на коврах победы,
Ни тот, где Клеопатра пировала
С Антонием, его ввергая в беды,
Не мог сравниться с этим, что давала
Волшебница, и пели кифареды
Любовной страсти сладкие напевы,
И томно их выслушивали девы.

И вот настал конец тому застолью,
И все в кружок уселись, чтоб на ушко
Шепнуть в игре соседу, слившись с ролью,
Кого какая нынче ждет подушка.
Что за простор любовному приволью! —
Там тихо шепчет рыцарю подружка,
Чтоб только он расслышал еле-еле:
«Ночь проведем с тобой в одной постели».

Затихли игры в тайном полумраке
Гораздо раньше, чем велел обычай,
Лишь отрок в залу внес зажженный факел,
И тени заметались стаей птичьей.
Руджьер, увидев суть в любовном знаке,
И соблюдя достоинство приличий,
Сопровождаем свитой идеальной,
Поторопился в путь до двери спальной.

Ему здесь пожелали доброй ночи.
И прежде, чем откланяться учтиво,
Оставили вино из лучших бочек,
И фрукты, в блюдо уложив красиво.
Прилег, надев одну из тех сорочек,
Что выткала Арахна всем на диво,
И стал к шагам прислушиваться чутко:
Красавица придет, иль это шутка?

На каждый шорох замедлял дыханье, —
Уж не она ли открывает двери?
И вновь лишь занавески колыханье
Он видел, не отчаиваясь в вере.
Не раз он с ложа вскакивал, свиданье
Обещанное ждал, часы отмерив
Проклятьями, что медленна телега
В бездействии ползущего ночлега.

Себя он тешил предсказаньем слабым,
Воображая путь идущей девы:
Вот-вот из спальни вышла, и могла бы
Она сейчас уже свернуть налево...
Там лесенка в коврах ее ждала бы...

И вот — к двери подходит королева...
Его знобило, словно шторм на море,
Но, — никого в молчащем коридоре...

Он так боялся, не взошла ль помеха
Между рукой берущей и плодами,
Тогда — прощай, любовная утеха...
И начал строить оправданья даме.
Альцина же, спокойно и без спеха,
Как это дамы делают веками,
Вся умащалась после теплой ванны,
И пахла, как цветок благоуханный.

И вот к тому, кого приворожила,
Она вошла, звезду напоминая,
И у Руджьера сразу кровь по жилам,
Как сера полыхнула огневая!
Она приход нарочно отложила,
Чтоб витязь, истомясь и изнывая,
Мужским объятьем даме стиснув тело,
Не ждал, чтобы сама себя раздела...

Но не нашел ни платья, ни подплатья,
А шелковый платок поверх сорочки
Не помешал схватить ее в объятья,
Вбок соскользнув с прозрачной оболочки.
И восхищаясь от невероятья,
Как сквозь стекло, узрел любви цветочки,
Что явлены и спереди и сзади,
Как розы и лилеи в жарком взгляде.

Не так, как оплетает плющ растенья,
Цепляясь за ольху или осину —
Куда тесней любовное сплетенье
Вело в Эдем Руджьера и Альцину.
Друг друга пили губы в нетерпенье,
И отдавалась фея сарацину...
Служить безумной страсти оба рады,
Чтоб целый день качало от услады!

Об этой связи не трубили трубы,
Молчали слуги, зная дамский норов, —
Чем чаще на замке мы держим губы,
Тем меньше нам вреда от разговоров.
Но двор догадлив, — лесть теплее шубы
Надел он на Руджьера с лаской взоров,
И не жалели поясных поклонов
Ревнители Альцининых законов.

Закон любви один — любить друг друга,
Сойдясь в чертогах, потерять рассудок.
Любовь одни считают: род недуга,
Другие отвергают: предрассудок.
На развлеченья страстная подруга
Была щедра в любое время суток:
То пир у них, то праздники без скуки,
Турниры, скачки иль охоты звуки...

Порою возле трепетных фонтанов,
Устав от танцев, зрелищ и постели,
Читают вслух из рыцарских романов
Страницы про любовь и про дуэли.
То мнут поля в охоте на фазанов
Или стреляют в зайца из-под ели,
То на форель, что водится на дне вод,
Вдруг в лоно волн забрасывают невод.

Дни проводя и в праздности и неге,
Руджьер совсем забыл про Брадаманту,
Не знал и то на сем счастливом бреге,

Как старый Карл отнесся к Аграманту.
Она же, плача о его побеге
На гиппогрифе, что служил Атланту,
(Пусть это и произошло невольно),
Рыдала, — до того ей было больно!

Я расскажу о той, что безуспешно
Вела свой поиск ежедневный всюду:
В густых лесах, где волчий вой кромешный,
И в городах, где жить не сладко люду,
И по горам, в сугробах белоснежных,
(В ней мысли нет, что он предался блуду),
Не раз была и в сарацинском стане,
И верила, что встреча их настанет.

Вопросов сотни задала несладких
Руджьера неуемная подруга,
Заглядывая в чуждые палатки,
В шатры, что встали посредине луга.
Сквозь пешие и конные порядки
Прошла она в надежде встретить друга, —
Чудесный перстень, взятый в рот девицей,
Ей помогал незримой сохраниться.

«Он жив» — твердила вслух, упорно веря,
Что он храним и дальней стороною, —
Случись беда, то слухи о потере
По всей земле бы разнеслись волною.
В какие ж ей теперь стучаться двери,
Коль ход судьбы завешен пеленою?
Попутчики ее лишь вздохи, слезы:
Кому — одни шипы, кому-то — розы.

Храня печаль по милому Руджьеру,
Устав от неизвестности томиться,
Она решила посетить пещеру,
Где Мерлина волшебная гробница.
Пусть вещий мрамор ей откроет в меру
Судьбу того, по ком грустит девица.
И если жив, то почему нет вести?
И где его искать, чтоб быть им вместе?

Пустилась в путь через глухие пади,
В Понтьерский лес идя за перевалы
В урочище, где при святой лампаде
Спит мудрый Мерлин, выбрав эти скалы
Величья места и покоя ради,
Куда вовек не забредут вандалы.
Мелисса, охраняя сон провидца,
Уж знала, с чем сюда идет девица.

О Брадаманте думала в пещере
Кудесница с минуты их разлуки,
Гордясь, что показала в полной мере
Какими будут правнуки и внуки.
Она, всю правду зная о Руджьере,
Чтоб не добавить Брадаманте муки,
Открыть решила то, что жив, здоров он,
И жребий с нею быть ему дарован...

Ведунья проследила зорким оком
Полет коня дорогой роковою,
Что мчался в небе с вихревым потоком,
Схож чем-то с богатырской булавою.
И как пришло забвение тревогам,
Где праздностью зарос он, как травою,
Герой, в объятьях ненасытной феи,
Что обожала собирать трофеи.

Сполна вкусив любовную отраву,
Предпочитая негу и пирушки,
Свою былую рыцарскую славу
Он променял на томные подушки.
Теперь ему доспехи не по нраву,
И ножны заскорузли без просушки,
Заброшен меч в накрапах ржавых пятен —
Металлу климат неблагоприятен.

Но крепко волховательницы слово,
Что так пеклась о счастье их и чести:
Она решила добродетель снова
Вернуть ему, чтоб верен стал невесте,
Желает он того иль нет... Основа
Решимости ее — благие вести

О тех врачах, что действуют умело,
И через боль ножом врачуют тело.

В своей любви была не близорука,
И так не попустительствовала годы,
Как сам Атлант, чья злостная порука
Бойца решила истинной свободы.
Маг верил, что волшебная наука
Отменит в час житейской непогоды
Пророчество: «Хоть рыцарь он по чину,
Да с христианством примет и кончину».

Затем он и влюбил его в Альцину,
Чтоб тот забыл в изысканных забавах
О мире, где пришлось бы сарацину
Сражаться в битвах правых и не правых.
Руджьеру потакая, словно сыну,
Он, чернокнижник, в приворотных травах
Запутал так волшебницу любовью,
Что если рвать силки, то вместе с кровью.

Спешит к своей заступнице девица,
Не проронив за долгий путь ни стона,
И Мерлина выходит ученица
Навстречу бедной дочери Амона.
Вещунья ободрить ее стремится,
Мол, «скоро время кончится полона»,
Лаская деву сестринским участьем:
«Твоя надежда обернется счастьем!»

Красавица едва жива от горя,
Что далека к любимому дорога,
И если что случится, то не вскоре
К нему приспеет нужная подмога.
Волшебница же в ласковом напоре,
Чтоб навсегда рассеялась тревога,
Печальным мыслям девушки переча,
Ей обещает: «Скоро будет встреча!»

«Дай, — говорит она, — твое колечко,
Что посильней любой волшебной чары,
Я с ним взойду к Альцине на крылечко,
Все спальни обойду и кулуары,
Найду кумира твоего сердечка,
Разрушу козни, отведу удары,
Я в путь пущусь в часы ночные эти,
А во дворце том буду на рассвете!»

За словом слово потянулось в беге...
И обещает сделать так девице,
Что он из царства роскоши и неги
Во Францию решит поторопиться, —
Что делать там ему на дальнем бреге,
И пленником безропотным томиться?!
И Брадаманта, сдернув перстень с пальца,
Заплакала над участью скитальца.

Отдать готова сердце, жизнь за встречи
С Руджьером, и вручив колечко это,
Обняв Мелиссе на дорогу плечи,
Она передает ему приветы —
Едва ли тут нужны другие речи.
Волшебницею, щедрой на заветы,
Под вечер вызван конь, что вскормлен чертом,
Одна нога — красна, а сам-то — черный.

То Косокрылом звался, то Кривлякой
Конь из Геенны, вызванный колдуньей,
И на него запрыгнув раскорякой,
Летит неподпоясанной резвуньей,
Лишь кудри развеваются под яркой
Луною, схожей с круглою глазуньей.
И только перстень с пальца снят недаром,
Чтобы своим же не перечил чарам.

И скоростным конем таким владея,
Домчав к утру до острова на юге,
Вдруг облик стала свой менять, радея
О счастье опекаемой подруги.
И принимая образ чародея,
Что, воспитав Руджьера, жил в испуге
За жизнь его, перед конем стояла
В морщинах, с бородою аксакала.

Лицо и голос, вся ее повадка
Атланта повторяли образцово,

Деянье это только нам загадка, —
Любой колдун меж тем перелицован,
Как вывернутая с руки перчатка.
Укрывшись возле площади дворцовой,
Руджьера хочет встретить без Альцины, —
Те ж в неразлучной паре — двуедины.

И на заре она следящим взором
Вдруг увидала, как встречая утро,
Руджьер один отправился к озерам,
Сверкающим туманом перламутра.
Ленивым шагом по цветным узорам
Лугов он шел, и осыпалась пудра
С халата, где Альцина, взяв иголку,
Искусно пальмы вышила по шелку.

Из блещущих каменьев ожерелье
На грудь ложилось — не доспехи брани,
А на руках, изнеженных постелью,
Запястья изгибались... В Индостане
Таких не встретишь: радужной капелью
В ушах сверкали кольца с блеском грани,
Горели изумруды над плечами,
Как звезды Аравийскими ночами.

И аромат бесценных благовоний
Шел от него, счастливого сугубо.
Так томно меж азалий и бегоний
В Валенсии гуляют женолюбы.
Был на коне, а стал слабее пони,
Изнежен так, что впору красить губы, —
Затейных чар любовная химера
Преобразила рыцаря Руджьера.

Встав поперек тропы такого франта,
В глаза его, решительная дева,
Мелисса в строгом облике Атланта
Взглянула грозным взором, полным гнева:
«Руджьер, ты стал смешней комедианта,
Страшнее смерти та, чье тешишь чрево,
Вот и тебя уже берет одышка...» —
И тот смутился, словно он мальчишка.

И речь свою продолжил маг старинный,
Воспоминанья вызывая роем:
«Медвежьею и львиной мозговиной
Тебя питал я, чтоб ты рос героем,
Душил драконов, силою единой
Мог вырвать когти барсу, тигру, воем
Их не смущаясь, кабанам клыки же
Мог вывернуть, как столб любой в Париже.

А ты — Альцины Аттис и Адонис?!
О, это ли предсказывали звезды,
Когда героем мощным стать готовясь,
С младых ногтей бесстрашным чадом рос ты?
И на твоей записана ладони
Судьба, которой должен ты не просто,
Как именем своим распорядиться, —
Тобою будет целый мир гордиться!

Коль путь начать с изнеженной постели,
Достичь ли сможешь славы Сципиона,
Иль Александра с Цезарем; ужели
Приятней быть холопом Альционы?
Вот как захомутать тебя сумели
Заманчивые чары сей персоны, —
Скажи мне, будешь ты носить доколе
На шее цепь, чужой покорен воле?

Пускай своим не дорожишь ты блеском
И подвигами, как велело небо
Зло сокрушать в предназначенье дерзком, —
У внуков благо не кради ты слепо.
Не замыкай своим отказом резким
То чрево, что как рот голодный хлеба,
Ждет твоего могучего посева, —
Стать матерью потомства жаждет дева.

Так не препятствуй доблестнейшим душам,
Что выкованы вечностью в потемках,
Обременяться плотью, и в грядущем
Ты станешь светом солнечным в потомках.
Ни в чем не уступая предыдущим,
Прославятся в своих триумфах громких,
И после всех ущербов будут вправе
Италию вести к верховной славе.

Но пусть твой дух является примером
И благородства, и ума трикраты,
Ветвям могучим от ствола Руджьера,
Чьи подвиги в блистанье правды святы.
Пусть с именем твоим растет карьера
И Ипполита, и родного брата —
Четы мужей, которых, — я свидетель, —
Ничья не превышает добродетель.

Не зря о них напоминаю строго
Затем, что из твоих прямых потомков
Они достигнут высшего порога
Земных достоинств, честь свою не скомкав;
Для Родины свершат поступков много, —
Так сможет возродиться из обломков
Италия, в живой любви и свете,
И прадеда достойны внуки эти!

Теперь скажи мне, что твоя царица
Свершила, на великое похоже? —
Пожалуй только то, что как блудница
Со столькими свое делила ложе.
А чтоб и впрямь сумел ты убедиться,
Что вся она скелет, а сверху кожа,
Надень на палец перстень сей старинный,
И ты без чар узришь черты Альцины».

Не ждал он столь горячего гостинца
От своего наставника седого,
И от стыда молчал, пестрее принца
В каком-нибудь Пенджабе, где корова
Святее папы римского, с мизинца
Не стал снимать колечко он, — обнова!
И, онемело благодарен перстню,
Готов был тут же стать земною перстью!

Сказав слова насмешки и печали,
Надев кольцо на палец пилигрима,
Мелисса стала, кем была вначале,
Черты Атланта сняв с лица без грима.
Исполнив честно то, что поручали,
Что было рассказать необходимо,
Открыв герою суть командировки
На остров с целью рекогносцировки.

Она — от той, что любит свыше меры,
Той, что сама достойна высшей страсти, —
Томится в девстве, преданна Руджьеру,
Лишь в нем одном земное видит счастье.
Быть может, помогая ей не в меру,
И Каренским Атлантом став отчасти,
Мелисса, пожелав выздоровленья,
Непросто это приняла решенье.

«Так благородно любит эта дама,
Так велики любви ее обеты,
Что должен вспомнить ты, о, внук Адама,
Ее черты, объятья и приветы.
Она послала перстень, чтоб от срама
Тебя избавить, все тоскуя: «Где ты?»
Живое сердце бы свое прислала,
Когда бы силы перстню не хватало!»

И повела рассказ о Брадаманте,
И о ее неслыханной любови, —
Мелиссу слушал, помня об Атланте,
А вот про Брадаманту — словно вновь.
Но, прозревая, как о бриллианте
О ней он вспомнил, сжав суровей брови,
И в тот же час, не стоик и не циник,
Обрел навеки ненависть к Альцине.

Его любовь она взяла обманом,
Ее краса цвела заемной краской,
Укрыла сердце рыцаря туманом
И заманила чародейной лаской,
И косами до пят, и гибким станом,
Ленивой негой и нескромной пляской —
Всем, что мужчине сладостно в подруге,
В любовнице скорее, чем в супруге.

Бывает, грушу, спелую на диво,
Малыш припрячет, взяв из вазы тайно,
Потом забудет, заигравшись живо,
И через много дней найдет случайно, —
Вонючим гноем исходя тоскливо,

Она мерзка для глаза чрезвычайно,
Гнушается он лакомства в итоге,
И брезгуя, швыряет прочь с дороги.

Так и Руджьер, едва Мелиссы речи
Дошли до сердца пленника былого,
Презрев заклятья, вмиг расправил плечи,
И зрячим стал, услышав правды слово.
От перстня той обороняться нечем —
На пассию Руджьер глядит сурово,
И не красотку видит — потаскуху,
Уродку и мерзейшую старуху.

Бледна, как смерть, лицо — одни морщины,
И череп желт, а волос сед и редок,
И росту — пядей шесть, и зуб единый
Торчит во рту, пугая напоследок.
Гекубы старше древняя Альцина,
Сивиллы Кумской, всех своих соседок, —
Хотя была морщинистой и сивой,
Имела средство выглядеть красивой.

И юною красавицей коварно
Она являлась многим кавалерам,
Чтоб их потом сковать неблагодарно,
И рассадить деревьями по скверам.
И вот Руджьеру, что любил угарно,
Открыта перстнем дверь к таким примерам,
Что пережил стыда он больше страха,
А от любви осталась горстка праха.

Но вняв Мелиссы умному совету,
Вслух говорить не стал про перемены,
Подняв доспехи, скинутые где-то,
В них облачился, как обыкновенно.
И у Альцины подозрений нету —
Мол, хочет вспомнить опыт свой военный,
Ему, живя в такой оранжерее,
Остаться трудно ловким, не жирея.

Вот при бедре стальная Белизарда —
Так меч зовется обоюдоострый,
И чудный щит, где, словно глаз гепарда,
Горит рубин, прикрытый шелком пестрым,
Слепят его лучи на сотни ярдов,
С волшебником он справится, и с монстром,
Испепелит, иль ослепит сквозь веки,
И будет враг любой побит навеки.

Идет в конюшню рыцарь и седлает
Себе коня смолисто вороного,
Который скачет, словно бы летает
Так, что обгонит сокола иного.
Конь Рабикан Руджьера поднимает,
Как некогда Астольфа молодого,
Что мчался взморьем, строя жизни планы,
И... миртом стал, вкусив любви обманы.

Он мог бы отвязать и гиппогрифа,
Что в стойле был бок обок с Рабиканом,
Но конь-летун, не видя в нем калифа,
Вел с ним себя волной под ураганом —
Был рад бы сбросить всадника на рифы...
...Сочувствуя его душевным ранам,
Мелисса говорит, что лучше скифа
Руджьеру воспитает гиппогрифа.

Ну а пока советует не трогать
Его, чтоб не заметили побега...
Руджьер, поводья нацепив на локоть,
Мчал прочь от сладострастного ночлега,
С души стряхнув Альцины ложь и копоть, —
Старушечья ему претила нега...
Но около ворот: «А ты куда же?» —
Стояли слуги, что всегда на страже.

Мечом взмахнул он, рыцарь — утром рано
Сквозь стражу пробивается к воротам,
Кому-то смерть неся, кому-то раны,
Дорога — вот она, за поворотом.
А дальше — мост, за ним — тот край желанный,
Укор живой Альцининым болотам.
Я в новой песне расскажу о вилле
И о пути Руджьера к Логистилле.

ЦАРСКИЙ КУРГАН

Наташа ФИЛИМОШКИНА,

г. Днепропетровск, Украина

Как порою загадочны и непредсказуемы линии судьбы. Иногда людей отделяют друг от друга тысячелетия, но это не мешает существованию между ними незримой крепкой связи. Что это? Перекличка характеров, судеб? Думал ли зодчий боспорского царя, создавая Царский курган, что прославляет не только повелителя, но и простого смертного, открывшего его спустя столетия?

Антон Ашик, серб по происхождению, совсем не собирался заниматься археологией. Карьеру он намеревался делать на дипломатическом поприще. Сын купца, в 1812 г. переехавшего в Одессу, он много лет состоял в ведомстве иностранных дел, где занимался дипломатическими и торговыми связями с племенами Кавказа. А в 1830 году по служебным делам в возрасте двадцати девяти лет Ашика переводят в город Керчь.

Морской воздух, красивые пейзажи, мягкие сказочные вечера – Ашик влюбился в Крым. Здесь и произошла судьбоносная встреча с известным археологом и градоначальником Иваном Алексеевичем Стемпковским. Последний «заражает» Ашика археологией и тот принимает решение кардинально изменить род деятельности. Вот жил себе человек, занимался дипломатией, думал, что это его, и вдруг – на тебе! Иногда вскользь оброненное слово способно перевернуть душу и даже изменить судьбу. И вот уже Ашик готов идти в подсобные рабочие, только бы воочию увидеть древности, прикоснуться к сокровищам, которыми владели цари.

Под руководством Ивана Алексеевича Стемпковского он приступил к раскопкам местных курганов. Керчь – город древний, две с половиной тысячи лет. Кого тут только не было помимо греков – скифы, киммерийцы, татары и прочая, прочая. Это сейчас, благодаря стараниям безответственных и глупых людей, почти все курганы уничтожены, а в XIX веке их насчитывалось более двух тысяч. Так что Ашику было и где развернуться, и с чего начать.

Талантливый и способный, он быстро всему учился. Ашик сделал блестящую научную карьеру. Совершил ряд выдающихся археологических открытий: Золотой курган (Алтин-Оба), керченская золотая маска, возможно, она принадлежала боспорскому царю Рескупориду и, конечно же, Царский курган. Обогатил коллекцию Императорского Эрмитажа, за что неоднократно награждался. Со временем в Эрмитаже выделили целый зал – керченский, в нем находилось более 2,5 тысяч золотых украшений, посуды и прочего. Тридцать лет Ашик занимал пост директора Керченского музея, был действительным членом Одесского общества истории и древностей. За научный труд «Боспорское царство» в 1848 году получил Малую Демидовскую премию. Кто из молодых ученых не мечтает о такой блистательной карьере? Но не спешите завидовать. У Антона Ашика было предостаточно врагов, которые плохо спали по ночам и скрежетали зубами при очередном известии об археологической удаче. Так что падение этого удивительного человека стало болезненным и дурно пахнущим. Он закончил свои дни обыкновенным библиотекарем в Одессе, завещав родным бедность и две папки пресс-папье – все, что осталось от многолетней

уникальной коллекции. Но его кровь не заглушили разношерстные брачные союзы родственников, а страсть к археологии, совершенно случайно пробужденная, прошла тонкой, но крепкой нитью через весь род Ашиков. Его потомки являются основателями династии известных коллекционеров.

Но вернемся в 1830 год. Итак, Ашику двадцать девять лет, он горит желанием археологических открытий, денег и славы. Императорский двор щедро вознаграждал за древние находки. И тут уж только дурак мог упустить возможность разбогатеть. А что вы хотите? У человека торговое образование. Когда исследовательская жилка превращается в золотую жилу, вряд ли она сослужит хорошую службу науке. На протяжении многих лет Ашик производил бессистемные раскопки, не вел журнала, не присматривал, как следует за находками, отчего многие уникальные вещи оказались за границей. Наверное, по сей день, археологи неоднократно вспоминают Ашика за безалаберное отношение к научным изысканиям.

...Ашик активно участвовал в исследовании гробницы Куль-Оба на окраине Керчи. Его определили помощником к чиновнику керченского градоначальства, специальному представителю императорского двора по раскопкам Демьяну Карейше, амбициозному и тщеславному человеку. И надо же такому случиться, тоже мечтавшему о богатстве и славе! Еще одна судьбоносная встреча. В один год завязалось два узелка, которые Ашик распутывал всю жизнь.

В ходе раскопок было обнаружено захоронение знатного скифа и его жены. Но самая ценная находка – круглый электровый (сплав золота и серебра) сосуд, украшенный сценами скифского военного быта. Благодаря ему ученые впервые получили представления о внешнем виде скифов. Золотой ручей потек в Эрмитаж. Именно с этого момента правительство регулярно финансировало археологические раскопки, а позиции Карейши, как специального представителя императорского двора укрепились. Понятно, что на освободившееся место директора музея – Карейша уверен – он единственный претендент. Каким же было его удивление, когда губернатор Новороссии, граф Воронцов продвигает на это пост Ашика. В тридцать один год серб становится директором Керченского музея и наживает злейшего врага – Карейшу. Теперь между ними – жестокая борьба. Кто первым найдет золото? Кто удачливее? Кому императорский двор окажет милости? Жаль, но в гонке тщеславия, научные интересы находились вне поля зрения. Хотя ученые и утверждают, что благодаря этому противостоянию наука получила двух замечательных археологов.

...Несмотря на неожиданное назначение Ашик не прекратил раскопки огромного кургана, расположенного на окраине села Гаджи-Мушкай (ныне Аджимушкай). Он уверен, чем выше курган, тем больше в нем золота. В маленький курган много не положишь. Раскопки странного кургана растянулись на семь лет. Несколько раз рабочие безуспешно пытались проникнуть внутрь. И вот в феврале 1837 года вход наконец-то открыт.

Предоставим слово Антону Ашику: *«Самая замечательная гробница есть бесспорно та, которая была названа мною Царскою. Мало есть памятников, которые могут соперничать в изяществе с этой гробницею. Огромные стены составляли вход в гробницу; этот вход почти в самом начале своем был заложен большими плитами, скрепленными по концам свинцом. Хотя расходы, употребленные на раскопку Царского кургана не покрылись открытием сокровищ; однако труды наши вознаградились находкою гробницы, которая по величине и устройству своему принадлежит к самым замечательным памятникам этого рода на Керченской земле»*.

Увы, курган был разграблен в древности, и все что досталось Ашику – остатки деревянного саркофага. Но он чувствует - это уникальная находка.

Уровень исполнения гробницы дал ученым возможность предположить, что курган принадлежал одному из боспорских царей, возможно Левкону I (389–348 гг. до н.э.). При нем Боспорское царство достигло могущества, в оборот была введена золотая монета и военная практика заградотрядов. Но это только версия.

Курган поразил всех размерами, сложностью конструкций и необычностью расположения.

...Очень хорошо помню свои ощущения, когда впервые увидела Царский курган.

Серое низкое небо. Весь день идет противный мелкий дождь. Поселок Аджимушкай – ровное место с маленькими домами. Но курган расположен дальше – за пустым одиноким полем возвышается огромный холм. Я иду по тропе, но неожиданно останавливаюсь и оглядываюсь – вокруг ни души: только я, дождь и серое небо. Отсюда видна гора Митридата, разрушенный Пантикапей. История как никогда близко. Кажется, еще немного и я встречу в белоснежной тунике грека или грозного скифского воина. Мне не по себе. Какое странное, непонятное место...

Я долго стучу в калитку – наконец появляется сторож-смотритель и объясняет, что пятница – выходной. Вот почему так безлюдно! Я настаиваю:

– Поймите, я ведь не знала про выходной, специально приехала. Да еще по такой погоде, – совершенно глупый аргумент, но вдруг подействует?

Сторож мгновение смотрит на меня, и я понимаю, что больше подобную наглость не смогу проявить. Затем открывает калитку. Еще не веря, что «крепость» так легко удалось взять, я тараторю заклинание:

– Я быстро, вот увидите, одним глазом посмотрю – и сразу назад.

– Иди прямо, – в уголках губ прячется улыбка, сторож закрывает калитку и уходит к себе.

Хорошо, что никого нет, что я попала на выходной, я все внимательно рассмотрю, а может, что и почувствую...

Я сделала несколько шагов (завеса мелкого надоедливого дождя расступилась) и оказалась в странном коридоре, выложенном из ступенчато сужающейся кладки известняковых блоков в огромном холме. ТАКОГО я нигде и никогда не видела. Наверное, я долго бы стояла в изумлении – но прямо над головой раздался гром – от неожиданности я вбежала в коридор. Точнее это наконец-то придало мне смелости в него войти. Ливень хлынул яростно и громко. Я сложила зонтик. В дромосе (так греки называли коридор) сухо и странно. Стены приглушали звук дождя. Ступенчатые блоки изящно и искусно подогнаны друг к другу, в их простоте таилась завораживающая красота – восхищение, удивление, изумление нарастало с каждым мгновением. Кто? Когда? Для чего все это придумал? И эта непонятная тревожная тишина, когда в метре от меня вовсю хлещет дождь... Я сделала шаг вперед – и тут же раскаты грома оглушили меня – еще шаг, еще... – небо сотрясалось. Я внезапно остановилась – мгновенно наступила тишина. Что за мистическое совпадение? В нескольких метрах пустой мертвой глазницей зиял вход в гробницу. Аналогии напрашивались сами собой – из света вступаешь во тьму, жизнь – движение к смерти, к главному значительному событию, от солнечного света и дыхания к вечной неподвижности. Для чего столько философии вложено сюда? И не просто вложено, она обрушивается с первых шагов, оглушает, подавляет, восхищает. То, что было задумано тысячу лет назад актуально и живо по сей день! Самая странная загадка кургана. А может, зодчий совершенно иные мысли и идеи вкладывал в камни?

Делаю неуверенный шаг вперед – опять гремит. Да что такое? Пробегаю несколько метров и все это время раскаты грома сопровождают меня. Я останавливаюсь у погребальной камеры – наступает тишина. От таких странных непонятных совпадений мне уж совсем не по себе. И в то же мгновение появляется ощущение, что я здесь не одна. Что за колдовское место... Я со страхом вглядываюсь во тьму. А там-то что может быть? Четыре голые каменные стены... В непонятной тревоге оглядываюсь назад – и принимаю решение – больше никогда не приходить в это гиблое дурное место. По какой-то причине дромос увеличился в размерах, стал длиннее и уже. И только потом доходит – обман зрения, иллюзия укороченной перспективы! Еще одна задумка древнего зодчего? Эффект достигается неодинаковой шириной и непараллельностью стен дромоса. Все выверили, рассчитали и воплотили. Дорога к свету длиннее пути во тьму? В неизведанное, мрачное, темное легко попасть да трудно выйти?

Из энциклопедии я знала, длина коридора-дромоса – тридцать семь метров, высота кургана – 18,5 метра, в окружности – 250 метров. Именно тридцать семь метров я преодолела, чтобы попасть в погребальную камеру. Ее цоколь высечен из монолитной скалы, высота которой 8,84 метра, пол вымощен плитами, сама она почти квадратная. Я долго не решаюсь сделать первый шаг. А если опять начнет греметь? Но дождь стал реже, а на душе спокойнее. Я вошла, оглянулась. Будто по невидимому сигналу дождь прекратился. Наступила тишина. Я подняла голову и замерла от изумления и неожиданности. Свод камеры изрезан окружностями, сужающимися по мере их восхождения. Тяжелые блоки устремлялись вверх, образуя идеально ровные круги. Я стояла под сводом каменного купола. Легким, воздушным, устрашающим. Это производило неизгладимое впечатление. *«Будто в космосе находишься»*, – первое, что пришло в голову. Что же это был за зодчий? Что за странные мысли, фантазии будоражили его? Идея дромоса проста – увлечь, а вот усыпальницы сложнее – поглотить, поразить необъятной мощной красотой космоса, его силой и первобытностью. Все живое из света попадает во тьму и возносится в космос. Для чего? Отдохновения? Перерождения? Архитектурно-философская концепция Царского кургана мало чем уступает пирамидам в Гизе.

Курган, не имеющий аналогов в мире и таящий в себе множество тайн, давно признан шедевром античного зодчества.

Уникальной является кладка свода – идеально ровные круги из каменных плит, переход квадратной камеры в круглое (в плане перекрытия) – такого больше нет в античной архитектуре. Почему вход в курган обращен точно на Пантикапей? По какой причине размер кургана и погребальной камеры во много раз больше по сравнению с другими? Что за пустоты в дромосе показывают приборы? Правда ли, что стены кургана были завешаны коврами? И, в конце концов, кому он принадлежал, кто его возводил?

Уже покинув курган, стало понятно беспокоившее меня чувство – будто я не одна в гробнице – я пыталась разгадать загадку боспорского зодчего, глубокого, талантливого, одаренного человека, воплотившего свой замысел в камне, до сих пор не понятого до конца. А еще возможно, что многие современные версии ошибочны, ведь мы меряем древних по себе, приписываем им ту мораль и нравственность, которой у них, возможно, и не было. И потом, мы их так плохо понимаем... наших предков.

...Спустя некоторое время после открытия кургана, в Керчь прибыл наследник престола Николай Александрович Романов (старший сын императора Александра II). Будущий русский царь хотел осмотреть усыпальницу царя боспорского. Его радостно принимали горожане. Николаю Александровичу понравилась здешняя природа и ее богатство древностями. Морской бриз, лето, чарующие закаты и молодой будущий царь Николай II. Кажется, вся жизнь впереди... Он умрет через два года во Франции от туберкулезного менингита. Ему было двадцать два года. В который раз русская история сделала неожиданный вираж.

Антон Ашик получит милости царского правительства и картбланш на дальнейшие археологические раскопки. Карейше только и останется кусать от досады губы и втихомолку негодовать. Ашик

напишет ряд выдающихся научных работ, не потерявших своей ценности по сей день, затем разразится жуткий скандал с двумя мраморными статуями, затем переезд в Одессу... Но в тот летний радостный день встречи наследника престола будущее растворялось в розовой дымке горизонта.

Прославил на весь мир Царский курган швейцарский художник Карло Боссоли, состоявший на службе у губернатора Новороссии графа Михаила Воронцова и проживший в России двадцать три года. Поразительно, но как всегда русскую славу преумножили иностранцы.

В 1856 г. он издал в Лондоне альбом цветных литографий «Пейзажи и достопримечательности Крыма», став известным и массово копируемым европейским художником. Этот альбом – настоящая машина времени. Благодаря ему, мы способны составить представление о Крыме позапрошлого века, сказочном крае, от которого мало что осталось сейчас. Судак, Севастополь, Феодосия, Коктебель, Ялта, древние крепости, курганы, горы, водопады и море: чарующее и завораживающее, древнее и загадочное. Рисунки Карло Боссоли запечатлели умиротворенный девятнадцатый век, вечернее затишье перед страшной бурей.

Автор Юрий Дмитриевич Охапкин, член Общества уральских краеведов, представил многогранную картину Крестовско-Ивановской ярмарки, в лучшие ее годы (1877–1887) входившей по обороту в пятерку ведущих ярмарок России.

«Май, июнь – подготовка к ярмарке. Большого тележного скрипа под Шадринском не слыхать, а среди жителей ближних селений – заметно оживление. Негласно объявлена боевая готовность. Знамо, сноровистые от торгов имели доходов с ярмарки равно как за год.

В кузницах веселее запели горны – в «железяках», наперво в осях, подковах, появилась повышенная потребность. Идет повсеместная ревизия дворового хозяйства: амбаров, хлевов, пригонов, колодцев, бань, швален, колесной техники, лошадей и прочего.

Хозяйки сушат перины, подушки, одеяла, скоблят полы, гоняют клопов, тараканов. Чистят образа. Запасаются керосином. Протирают стекла для ламп. Начищают самовары. Примеривают половики, скатерти. Проверяется тяга у тружениц-печей...

У Крестовлян заботы схожие, плюс – хлопоты по организации дополнительной выпечки хлебных изделий, питания на дому. Не забывали и о большой стирке белья для приезжих и борделей.

...Обновляется, поправляется изгородь вокруг села и ярмарочного пространства; деревянная избушка-сторожка с маленьким окошечком, она стояла слева от дороги, ведущей из Шадринска. Сторожа нанимали на лето и на время проведения ярмарки. Закрывал и открывал жердочные ворота, следил и за местным скотом, чтобы он не выходил на поля.

В таборах обновляются загоны для лошадей, баранов, быков и «кораблей пустыни» – верблюдов. Устанавливаются, укрепляются коновязи, обустраиваются качели, карусели, натягивается полог на деревянный каркас цирка.

Раздаются дружные удары молотков, слышен визг пил, стук топоров. Сбиваются лари, лавки, балаганы, вывески...»

ДОСТОЙНЫЕ УВАЖЕНИЯ И ДОБРОЙ ПАМЯТИ

Зера МЫШКИНА,

г. Екатеринбург.

Захваченные бурным течением повседневной жизни, мелочной мещанской бытовухой мы редко вспоминаем о глобальных исторических событиях, таких, например, как Первая мировая война. Тем интереснее и поучительнее, спустя сто лет со дня ее начала, обратиться к судьбам наших земляков-екатеринбуржцев, волею жизненных обстоятельств оказавшихся на фронтах этой мировой кровавой бойни, когда противоборство стран Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии, Турции) и Антанты (Англии, Франции, России) привело к жестокой схватке за передел территорий, сфер политических и экономических влияний. В войну было втянуто 38 государств, 10 миллионов убитых – таков итог этого человеческого безумия.

В семейном фотоархиве я обнаружила немало фотоснимков моих родственников, участников этой войны. Но сейчас решила познакомить читателей лишь с биографиями моих родителей-медиков, работавших во фронтовых госпиталях. Первая мировая была в их жизни тоже первой войной, но отнюдь не последней.

Начну с рассказа об отце – Германе Сократовиче Мышкине.

Начало XX века. Летом в селе ПарзЪ Вятской губернии (в 25 верстах от г. Глазов) в имении дедушки протоиерея Петра Евстигнеевича Мышкина на отдых собрались многочисленные родственники: дочери – Александра, Наталья, Капиталина, Лидия со своими чадами, ну и, конечно, внуки – дети единственного сына Сократа Петровича Мышкина, Герман, Федор, Юрий, Дмитрий. Веселой компанией выезжали на пикники в окрестные леса, на пасеку, на рыбалку. А по вечерам все собирались в гостиной. В распахнутые окна из сада неслись дивные ароматы сирени, черемухи или жасмина. Жена Сократа Петровича, Александра Михайловна, обычно читала что-либо вслух, рассказывала малышам сказки. А старший ее сын, четырнадцатилетний Герман, держался особняком. Несмотря на общительный нрав, он переживал пору юношеской мечтательности, озабоченности выбором будущей профессии. Подражая отцу, хотел стать врачом, и потому влекли его не детские забавы, а интересы естествоиспытателя. Прочитав тургеневский роман «Отцы и дети», он вообразил себя Базаровым. Удалившись в укромное местечко, папашиными скальпелями препарировал лягушек, летучих мышей, кротов, ящериц. Младшие братья и двоюродные сестры к сему «священнодействию» не допускались.

Ранняя целеустремленность привела Германа после окончания Пермской гимназии на медицинское отделение Казанского университета. Это Императорское высшее учебное заведение славилось своими традициями, серьезной постановкой учебного процесса. Ученье Герману давалось легко, быстро запоминались латинские термины фармакологии, и анатомия была в числе его любимых дисциплин. В семейном альбоме до сих пор хранится фотография тех далеких времен: Герман Мышкин с однокурсниками препарирует труп в анатомичке Казанского университета. Стремительно пронеслись годы учебы. И на другой фотографии – молодой медик Герман Сократович Мышкин делает свою первую самостоятельную операцию в боль-

нице Югокнауфского завода (40 верст на юго-запад от Кунгура), куда его направили на работу после окончания университета.

Неуемное стремление совершенствовать свои знания побудило Германа Сократовича в 1912 году поехать в Эстонию и поступить в ассистентуру терапевтической клиники Тартуского (Юрьевского, Дерптского – в разное время были различные названия) университета. Там, занимаясь в библиотеке, он всерьез заинтересовался трудами немецкого физика В.-К.Рентгена, открывшего в 1895 году рентгеновские лучи и возможность их применения в медицине.

На студенческой вечеринке русского землячества Герман Сократович встретил студентку-медичку Клавдию Андреевну Белобородову и влюбился, предложил красивой девушке «руку и сердце». Клавдия отвергала возможность замужества до окончания своего врачебного образования, а в летние и зимние каникулы, чтоб заработать деньги на учебу как фельдшерица-оспопрививательница разъезжала по отдаленным селениям Оханского и Соликамского уездов. Заразилась сыпным тифом, в тяжелом состоянии ее доставили в кудымкарскую больницу. Герман Сократович, узнав о беде, бросил все дела и примчался в Кудымкар. Здесь, у постели больной, он провел немало дней и ночей и спас любимую от смерти. После выздоровления Клавдия Андреевна согласилась на замужество.

Счастье молодых длилось недолго: 1 августа 1914 года Вильгельм II объявил войну России. Начались русско-германские баталии. Супругам пришлось переехать в Петроград. В конце 1915 года Г.С.Мышкина мобилизовали и отправили на фронт в составе Симбирского госпиталя Красного Креста. Трудно словами передать кошмар фронтового хирургического лазарета, кровавое месиво человеческих тел, костей, запах гноя, карболки, новокаина и постоянный страх за жену, которая, сдав экзамены и получив диплом в Петроградском женском медицинском институте, в 1916 году тоже была мобилизована и

Пароход «Петроград» – сыпнотифозный госпиталь. Главный врач госпиталя К.А.Белобородова.

В цетре – К.А.Белобородова.

Сибирский госпиталь в Киеве.

послана на юго-западный фронт. Нервное, психическое и физическое напряжение молодого врача достигло такого болезненного состояния, что командование вынуждено было перевести его из фронтового лазарета, назначить на должность заведующего рентгеновским кабинетом Симбирского госпиталя и дать ему несколько дней увольнительных, чтоб он мог повидаться с женой. К тому времени грудь Германа Сократовича уже украшали два ордена – Святого Станислава и Святой Анны.

После Октябрьской революции 1917 года Герман Сократович поспешил на Урал в деревню Беляево (близ села Орда, около Кунгура), где тогда находилась Клавдия Андреевна с младенцем сыном Геннадием. Время выдалось беспокойное, тревожное – вспыхнула Гражданская война. Пришлось выбирать, с кем по пути. В июне 1918 года, по совету отца и под влиянием брата – московского большевика Юрия Сократовича, Герман Сократович вступил добровольцем в Красную Армию в городе Перми. Его ожидали еще большие лишения и невзгоды фронтовой походной жизни: нехватка одежды, медикаментов, перевязочных материалов, в 1919 году лютые холода и отступление красных под Пермью от натиска полчищ А.В.Колчака. Два года прошли в боях и походах по городам Урала и Сибири: вначале в составе 111-й Красной Армии, затем служил начсандивом 30-й стрелковой дивизии Третьего Интернационала.

К.А.Белобородова и Г.С.Мышкин.

После расформирования дивизии Третьего Интернационала Г.С.Мышкина командировали в Екатеринбург, где он работал главврачом 36-го запасного полка, ординатором 252-го госпиталя, а затем Губздравотделом (доктором И.С.Белостоцким) был назначен хирургом в Екатеринбургскую больницу. В 1920 году под руководством Г.С.Мышкина при Визовской городской больнице установили первый в нашем городе рентгеновский аппарат, и до 1925 года Герман Сократович был единственным рентгенологом Свердловска. К нему на обследование приезжали больные со всего Уральского края. Он подготовил и обучил немало рентгенотехников и врачей-рентгенологов. Как первого в нашем городе врача-рентгенолога его имя упоминается в «Екатеринбургской энциклопедии».

Во время Великой Отечественной войны Герман Сократович заведовал рентгеновскими кабинетами Уральского института травматологии и ортопедии и госпиталя НКВД (на улице Репина).

Он умер на 58-м году своей жизни, вскоре после Победы – в октябре 1945 года. Его организм был ослаблен военным голоданием и повышенным вредным рентгеновским облучением. Похоронен на Ивановском кладбище, на мемориале имеется надпись: «Г.С.Мышкин – начсандив 30-й стрелковой дивизии Третьего Интернационала».

Моя мама, Клавдия Андреевна Белобородова, родилась в 1888 году в деревне Беляево Ординской волости Осинского уезда Пермской губернии в семье крестьянина Андрея Ефремовича Белобородова. Мой дед – потомок известного казацкого рода из села Медянка,

К.А.Белобородова и Г.С.Мышкин.

дальний родственник пугачевского военачальника Ивана Наумовича Белобородова, был умным и работящим мужиком: вся деревня ходила к нему за советом. Предводительствовал он и пожарной братией: около ворот в сарайчике всегда наготове имелись багор, ведра, высокие сапоги и асбестовые рукавицы. Чуть где услышит в соседних деревнях набатный колокол, ноги в стремена – и скачет тушить пожар. Награжден был медалью «За отвагу на пожаре».

И жену Ксенью Лаврентьевну высмотрел, когда горела соседняя деревня Курилово, засватал ее, бесприданницу, по любви за красоту и кроткий нрав. И народилось у них двенадцать детей. А в деревнях в ту пору была большая детская смертность: умирали от дизентерии или воспаления легких, а двое родились мертвенькими – один во время жатвы, другой – на покосе. Из живых осталась одна младшая дочь – Клавдия. «Живучесть» девочки объяснялась тем, что в 80-е годы позапрошлого столетия в ближнее село Орда приехал молодой демократичный врач Сократ Петрович Мышкин. Родители Клавдии попросили его жену Александру Михайловну быть крестной матерью новорожденной дочки. Постоянная медицинская опека и сохранила жизнь Клавдии. Александра Михайловна настояла и на том, чтобы смышленую крест-

ницу отдали учиться в Кунгурскую гимназию. А в деревнях учить девчонок в те времена считалось делом ненужным и даже вредным. Так оно и получилось: Клавдия, окончив гимназию, вместо того, чтобы выйти замуж за сватавшего ее сынка местного богатея, решила ехать в Петербург «учиться на докторшу». Отец такое вольнодумство не поддержал и в помощи отказал наотрез. А семейство Мышкиных в ту пору переехало в город Оса. И лишь с материнским благословением и небольшими денежными сбережениями Клавдия сбежала в столицу. Сурово встретил ее Петербург. Пробиться к учению ей не удалось: высшее медицинское образование в ту пору женщине получить было очень трудно. Приуныла девушка, но домой возвращаться боялась. И вот, в руках письмо, а в нем деньги и рекомендация Сократа Петровича ехать в Эстонию, в университетский городок Тарту, где стажировался его старший сын – врач Герман Сократович Мышкин.

Далее последовали годы упорной, напряженной учебы Клавдии на медицинском факультете Тартуского университета, ее опасное заболевание сыпным тифом, выход замуж за Германа Сократовича, начало Первой мировой войны, переезд с мужем в Петроград, сдача госэкзаменов и 26 июня 1915 года получение диплома об окончании Петроградского женского медицинского института. И вскоре молодого врача Клавдию Белобородову командировали на Юго-Западный фронт.

Сначала ее, переболевшую сыпным тифом, назначили главврачом плавучего сыпнотифозного госпиталя в Самаре. Дородный, статный столичный князь (таким он предстает на сохранившихся фотографиях, а имя его стерлось из моей памяти) на свои средства оборудовал пароход «Петроград», который перевозил больных с фронта в тыл. (Кто видел кинофильм, снятый по роману А.Толстого «Хождение по мукам», тот, наверное, запомнил кадры скорбных будней плавучего сыпнотифозного госпиталя).

Затем молодого врача откомандировали во фронтовой госпиталь. В походной хирургической палатке невозможно дышать. Вторые сутки Клавдия Андреевна не отходила от операционного стола, а раненые всё прибывают: везде темные пятна запекшейся крови, дурманящий запах хлороформа. «Хоть бы часок поспать в своей палатке», – она вышла на поляну, сделала несколько шагов. Вдруг – страшный взрыв: германский самолет сбросил бомбу. На упавшую Клавдию посыпались земля, камни, ветки деревьев. Вскочив на ноги, она увидела, что на месте ее палатки – глубокая воронка. Всего несколько метров не дошла она до своей смерти...

Однажды на глазах у всего госпиталя сбитый немцами русский самолет упал в ближнее болото. Через несколько минут санитары привезли летчика. Молодой, красивый, он словно спал на операционном столе. Потрогала Клавдия Андреевна комбинезон, и сердце похолодело от безысходности: перед ней лежал мешок с костями... Нарвала полевых цветов и положила вокруг погибшего, – вот все, что она могла сделать. Под вечер, устав от тягостных впечатлений, вернулась в отведенную ей комнату барского особняка, где дислоцировалась походная медчасть, зажгла свечку и сидя уснула, положив руки и голову на стол... Внезапно очнулась от шума чьих-то шагов. При слабом свете догорающей свечи из темноты к ней двигалась черная фигура в летном шлеме и комбинезоне, будто воскресший покойный... Онемев от страха, она испуганно смотрела на него... «Доктор, что с вами? – наконец, спросил пришедший. – Я приехал, чтобы забрать тело погибшего товарища и поблагодарить вас за хлопоты». Клавдия Андреевна ничего не сказала в ответ, только согласно закивала головой. После этого случая она долгое время не могла нормально говорить, заикалась...

А когда санитарная машина мчалась по передовой линии вблизи окопов и траншей, подбирая раненых, и пули чиркали по обшивке, медсестры и санитары утверждали: «С Клавдией Андреевной не страшно: она, наверное, «родилась в счастливой рубашке».

Фронтовые будни для нее окончились необычно: Клавдию Андреевну беременную «погрузили» через открытое окно в переполненный ранеными вагон. С трудом освободили для нее часть нижней полки. Поезд медленно шел в тыл. Восемь суток спала она сидя, на коленях с обеих сторон покоились забинтованные головы изувеченных солдат. Так добралась до Кунгура, а от него до родимой деревеньки рукой подать...

Сын Геннадий родился вскоре после Октябрьской революции. А когда наступил 1919 год, в Беляево оставаться было опасно: в деревне знали, что ее муж, Герман Сократович Мышкин, – начсандив 30-й стрелковой дивизии Красной Армии. А на Урале в ту пору свирепствовал Колчак. Клавдия Андреевна поняла, что в большом городе безопасней: она никому не известна. И в начале июня с сыном и старенькой нянькой приехала в Екатеринбург, когда Красная Армия, наступая со стороны Перми, теснила армию Колчака. Медиков было мало, и городские власти назначили Белобородову главврачом сыпнотифозного госпиталя (сейчас старое здание Горной академии) и городской больницы на улице Северной (сейчас – Челюскинцев). Штаб белой армии находился на Главном проспекте в бывшей мужской гимназии (ныне – гимназия

К.А.Белобородова и Г.С.Мышкин.

Каюта плавучего госпиталя «Петроград».

На добрую память о совместной работѣ въ дни великаго народнаго горя (войны), хорошей и дорогой Клавдіи Андреевнѣ отъ. Дудукина
19 20/VIII 15

№ 9). Около здания висела большая карта, указывающая движение войск обеих армий. Но мало кто верил этой карте: знали, что дни колчаковцев в Екатеринбурге сочтены. Верховный главнокомандующий Сибирской армией адмирал А.В.Колчак отдал приказ об эвакуации больниц, лазаретов, госпиталей.

Продовольствием больницы и раньше снабжались не регулярно, а тут и вовсе власти сняли всех с довольствия. Клавдия Андреевна с завхозом Роговым вынуждены были всячески изощряться, чтобы прокормить больных. В городе в то время начались разбои, мародерство. Грабили продуктовые склады, магазины на улице Уктусской (8-е Марта). Клавдия Андреевна с санитаром и завхозом на пролетке подъехали к бакалейному магазину братьев Дмитриевых на Успенской (Вайнера) № 16. Ворота во двор открыты, солдаты выкатывали бочки, бросали мешки на телегу, грабежом руководил молоденький лейтенант. Увидев красивую женщину, услужливо предложил: «Что, мадам, сладенького захотели? Шоколадку, коробочку конфет?»

«Нет, спасибо, мне бы мешок крупы для больных сыпнотифозного лазарета». – «Это еще какого такого лазарета? Ты что, приказ об эвакуации адмирала Колчака не слышала?!» И лейтенант, свирепо размахивая хлыстом, стал наступать на перепугавшуюся Клавдию Андреевну. Пришлось ретироваться ни с чем. Такой же неудачной оказалась попытка выпросить мешок муки у начальника Макаровской мельницы, что стояла у моста на левом берегу по улице Северной (Челюскинцев), а ныне подлежит сносу. Там разговор окончился еще более устрашающе: Клавдия Андреевна под револьверным прицелом выскочила из генеральского кабинета... Решили действовать «снизу»: к ночи подъехали к мучным складам и у часового солдатика купили на свои деньги четыре мешка муки.

Колчаковцы стремились всё забрать с собой: медикаменты, белье, хирургические инструменты, лекарства, перевязочный материал. Груженые повозки стояли во дворе больницы. А главврач Белобородова не собиралась выполнять приказ главнокомандующего. Ночью, вместе с заведующей аптекой Т.М.Бабиной, спрятала в больничных дровяниках содержимое нескольких возов.

Весть о том, что главврач городской больницы своевольничает, нарушает приказ об эвакуации, дошла до колчаковской ставки. Послали для расправы двух офицеров-анненковцев (генерал Анненков отличался особой жестокостью). Офицеры подъехали к сыпнотифозному госпиталю и у швейцара потребовали позвать главврача. Швейцар послал за Клавдией Андреевной дежурного санитара и невольно стал прислушиваться к их разговору: «Где прикончим ее, здесь? – Нет, лучше уведем за монастырскую стену...» Заподозрив недоброе, швейцар поднялся по лестнице на второй этаж и, встретив в коридоре Белобородову, предупредил ее об опасности. А вернувшись в вестибюль, сказал офицерам, что главврача нет, видимо, ушла в другую больницу. Ругаясь, они уехали. А ночью город уже был занят Красной Армией. Но

Клавдия Андреевна об этом не знала. Прячась у кастелянши в кладовой, она ужасалась мысли: «А что, если каратели поехали к ней на квартиру и расправились с беззащитными нянькой и сыном?» Несмотря на темноту и перестрелку, прячась за заборами, выступами зданий, она добралась до дома (ул. Ломаевская 6, позднее – ул. Февральской революции). Генечка спал, и она, измученная, повалилась рядом на кровать.

Утром в приемной больницы были заняты все скамейки, прижимаясь к стенам, стояли, сидели на полу раненые люди, давая дорогу санитарным носилкам. Струйки крови текли из-под самодельных повязок и открытых ран – это молодчики генерала Анненкова успели натешиться на прощанье, учинив резню и еврейский погром. У Клавдии Андреевны от постоянной стерилизации, дезинфекции кожа на руках шелушилась, глаза краснели и воспалялись от бессонных операционных ночей.

В начале 20-х годов постепенно Советская республика входила в мирную колею. К.А.Белобородова работала в детской инфекционной больнице на улице Декабристов, главврачом Шарташского санатория и 1-й городской больницы, старшим эпидемиологом Горздрава. А в суровом военном 1944 году была назначена начальником городской дезинфекционной станции (улица Розы Люксембург № 54). Эта хлопотная должность в условиях военного времени не всякому мужчине была под силу. Дезинфекция одежды, белья всех госпиталей, больниц, военных частей, гражданского населения, организация транспорта, ремонт дезокамер, паровых котлов, – все сложное хозяйство и руководство многочисленным коллективом легло на плечи пожилой женщины. В ночь-полночь бежала Белобородова на дезостанцию. Спать не давали тревожные заботы: «Вдруг не подвезли дров и заморозили котлы, не выдержит постоянного напряжения электроаппаратура!» Дома бывала считанные часы. А в 1945-м победном году получила телеграмму: «Клавдии Андреевне Белобородовой. Исполком Свердловского городского Совета депутатов трудящихся приветствует и поздравляет Вас с высокой правительственной наградой – орденом «Знак почета». В условиях военного времени Вы самоотверженно выполняли свой патриотический долг перед Родиной, отдавая все свои силы медицинскому обслуживанию населения, охраняя его здоровье и жизнь. Ваш труд, как и труд всех передовых людей советского здравоохранения, войдет в историю нашей великой Родины яркой страницей безграничной преданности и любви советского народа к своей социалистической Отчизне».

Три смертоносных войны, три разрухи, три голода – не многовато ли для одного поколения наших соотечественников? Но все достойно перенесли они, отстояли и возродили свою Родину, заслужили уважение, благодарное слово и добрую память.

СПАСТИ ПАРИЖ*

Олег МЕДВЕДЕВ

ГРОЗНЫЙ БЕРЛИН

Поздней весной 1914 года военный агент России во Франции Алексей Алексеевич Игнатьев проездом из Петербурга в Париж по своему обыкновению остановился на пару дней в Берлине, в первоклассной гостинице «Бристоль», рядом с русским посольством.

...По берлинской мостовой шел высокий элегантный тридцатисемилетний мужчина в черном сюртуке и цилиндре. Несмотря на гражданский костюм, его отличная военная выправка выдавала офицера. Красивые и строгие черты лица свидетельствовали о благородстве происхождения. Граф Игнатьев происходил из древнего боярского рода. Его дед и отец занимали в Российской Империи высокие государственные посты. Сам он блестяще окончил Академию Генерального штаба, честно прошел через тяжелейшие испытания русско-японской войны и, по праву, занимал важный пост, пожалуй, даже ключевой среди военных агентов России.

Игнатьев прогуливался своим привычным маршрутом по проспекту Unterdenlinden, застроенному серыми массивными зданиями, олицетворяющими саму Германию, ее военную мощь и силу. Именно эта сила и дух войны, который витал в берлинском воздухе, тревожили Алексея, и занимали все его мысли. Неожиданно, как бы вторя этим думам, оглушающе заиграл военный марш. Впереди показалась темная колонна прусских гвардейцев в касках с железными шишаками. Это был помпезно красивый гвардейский вахт-парад, ежедневно проводившийся в немецкой столице. Мимо Игнатьева и оробевших прохожих рьяно вышагивали высокие вооруженные воины с каменными лицами.

Алексей Алексеевич, снедаемый дурными предчувствиями, быстро вошел в русское посольство. Первым делом заглянул в кабинет своего коллеги – военного агента Павла Алексеевича Базарова. Тот сидел за рабочим столом и что-то быстро записывал длинным карандашом. Этот, внешне флегматичный полноватый мужчина, в коротком сюртуке, увидев гостя, вдруг преобразился: по-юношески вскочил и энергично пожал руку вошедшего.

– Прошу, прошу, мой милый граф! Я велю сейчас же подать чаю...

Алексей Алексеевич сказав привычное «благодарю», расположился в кресле. Он рассеянно наблюдал за суетой хозяина, который организовывал чайный стол. Базаров справившись с приятными хлопотами, присел и пытливо спросил гостя:

– Дурные вести? Что-то вы сегодня не веселы, Алексей Алексеевич.

Граф, деланно улыбнувшись, развел руками:

– Да, вроде, нет, но в Европе сейчас все как-то тихо, даже не по себе... Как перед грозой...

– Вот-вот! – живо подхватил собеседник, доставая какие-то записи, – представляете, до чего стало тихо! На Балканах – пороховом погребе Европы – и то не воюют, так, где-то в горах постреливают...

Базаров, полистав свой дневник, ткнул пальцем,

– Но вот, цифры! Они говорят совсем о другом! Проверенные цифры мобилизационных планов

---

* Главы из новой повести дипломанта Всеройсийской литературной премии им. Н.И.Кузнецова, екатеринбургского автора Олега Васильевича Медведева. Книга готовится к печати в издательстве «Банк культурной информации».

Германии и Австро-Венгрии на случай войны поражают меня!

Хмурый Игнатьев охотно кивнул:

– Я тоже знаком со многими приготовлениями центральных держав. Сейчас, в мирное время, семьсотпятидесятитысячная германская армия меня не смущает. Франция с Россией дадут ей достойный отпор, но при мобилизации картина резко меняется, причем не в нашу пользу. Правда, лишь в первый месяц возможной войны.

– Именно! – возбужденно прервал графа коллега, – верные источники информации говорят о немыслимых цифрах! Первый коварный удар немцев будет по силе вдвое сильней, чем предполагают наши горе-стратеги.

Обычно спокойный Базаров, вскочил, заламывая руки. Игнатьев, даже и не думал его сдерживать:

– Мало того, Германия – единственная из европейских держав по-настоящему готова к большой войне. С 1908 года она бешеными темпами вооружается. Франция спохватилась лишь в прошлом году. Ну, а наша матушка-Россия очнулась только сейчас.

– Ну-у-у... нас-то от внезапной войны как всегда спасут наши необъятные просторы, – твердо сказал Игнатьев. – А вот невеликая Франция, похоже, станет первой жертвой назревающего конфликта. Эта мысль давно сидит в головах германских генштабистов.

– Беда, если война случится этим летом. У Германии, Австро-Венгрии, да и Турции есть много преимуществ перед Россией, Францией и Англией. Это понимаем не только мы и французы, но и германцы...

На следующий день Алексей Игнатьев, после плотного обеда в одном берлинском ресторане, решил немного развеяться. До отхода вечернего экспресса на Париж было еще далеко. Погода стояла чудесная: теплый майский день, дул прохладный легких ветерок, он гнал по голубому небу мелкие стаи белесых облаков. В начале, Алексей прошелся вдоль гранитной набережной, где плескались серые воды реки Шпрее. Но, услышав приближающийся шум военного оркестра, неприятно поморщившись, свернул на первую попавшуюся улицу и вскоре вышел к большой людной площади. Здесь тоже играла музыка, но, к радости русского военного агента, это были не военные марши. Публика – судя по всему, местные жители, пришедшие на представление целыми семьями. В одном углу площади возвышались, построенные в ряд, деревянные макеты Кремлевской Спасской башни, Собора Василия Блаженного, Эйфелевой башни и Парижского Нотр-Дам.

Алексей Алексеевич решил остановиться: послушать легкую музыку и выпить кружку хорошего пива. Этот пенный напиток уже вовсю употребляли дюжие бюргеры, весело хохоча со своими дородными фрау. Вокруг резвились дети, так и норовя раскачать и порушить легкие деревянные конструкции. Несколько седоусых жандармов, время от времени, отгоняли расшалившуюся детвору. Вскоре к ним на поддержку подошла рота немецких солдат под командованием высокого офицера, грозно поблескивающего моноклем на красном лице. Игнатьеву давно уже надо было возвращаться в свою гостиницу, но что-то его сдерживало. Несоответствие картины немецкого благополучия, соседствующего с изображениями мировых архитектурных шедевров, сковало его нехорошим предчувствием. Интуиция не подвела. Не зря он остался среди возбужденной музыкой и пивом немецкой толпы. Военный агент России воочию увидел, как воинствующая клика германского императора Вильгельма II, готовит свой народ к кровавой бойне. Неожиданно оркестр сменил свой мирный репертуар на величественный военный марш. Разгоряченная публика с радостью подхватила этот музыкальный почин, и в толпе послышались грозные крики:

–Deutschland! Deutschland![1]

– Deutschland uber alles! [2]

Тут же, бряцая оружием, лихо замаршировала стоявшая в отдалении немецкая рота. Народ всё больше и больше возбуждался от происходившего, и помутневшие взоры бюргеров обратились на враждебные здания Москвы и Парижа. Откуда-то появились факелы, ломы и топоры. Со злобными лицами и исступленными криками толпа принялась яростно поджигать и крушить русские и французские святыни... Так центр цивилизованной Европы накрывала чума мракобесия и бесчеловечности...

Игнатьев ушел прочь от этой безумной вакханалии, начинавшейся как банальное воскресное гулянье. Он ускорил шаг, будто пытаясь быстрее донести до своей Родины сигнал-предупреждение о готовящейся европейской катастрофе. Его губы беззвучно шептали: «Господи! Только бы не начали в этом году! Россия только-только отошла от японской войны. У нас сейчас на пушку в три раза меньше снарядов, чем у немцев. Россия не готова...»

БЛЕСТЯЩИЙ ПАРИЖ

Алексей Игнатьев, выехав из гнетущего Берлина, быстро добрался до веселого Парижа и невольно сравнил свою короткую поездку с переходом с военного корабля на светский бал. Огромный жизнерадостный город бурлил на роскошных бульварах: впервые грохочущие автомобили заполонили проезжую часть, по тротуарам беспечно прогуливалась пестрая публика. Знаменитый Парижский сезон расцветал, как неподражаемые каштаны на Елисейских полях. В роскошных магазинах взлетали заоблачные цены, которые впрочем не останавливали многочисленных покупателей. В публичных местах соблазнительные дамы блистали в невиданных нарядах, усыпанных рубинами и изумрудами, сапфирами и бриллиантами. Богатая часть человечества кутила от души, закатывая умопомрачительные по расходам балы. Разумным людям невольно закрадывались мысли, навевая неприятные сравнения. Прожигающий

1. Германия! Германия!
2. Германия превыше всего!

жизнь Париж сравнивали с последними днями Древнего Рима – перед нападением вандалов – или средневековым Константинополем – перед разграблением крестоносцами.

Парижская показная гульба не мешала ежедневной титанической работе французского генерального штаба на Сен-Жерменском бульваре. Игнатьев докладывал: «Генштаб союзников успешно проводит в жизнь большую программу вооружения армии». Алексей Алексеевич даже дополнил этот рапорт на Родину интересным фактом: «Окна на Сен-Жерменском бульваре светятся в необычные ночные часы...»

В тот день к нему обратились из кабинета президента Французской Республики и настоятельно попросили прибыть вечером на банкет в гостиницу «Лютеция», где президент Раймон Пуанкаре намерен выступить с речью перед прессой. Алексей Игнатьев прибыл в положенный час в банкетный зал отеля в военной форме со всеми наградами. Он был удивлен, что среди собравшихся не увидел ни русского посла Извольского, ни военных от французского командования. Алексей Алексеевич сел на отведенное ему место за столом и непринужденно заговорил со знакомым французским журналистом.

– Ваш сверкающий богатством Париж не перестает меня удивлять. На улицах полно автомашин, которые еще только-только начали выпускать!

Высокий господин с аккуратными усиками на это горестно ответил:

– Да... Автомобильные фабрики не справляются с заказами на роскошные авто. Сейчас от этого страдает наша армия, так как задерживается выпуск военных грузовиков...

Раздраженного журналиста прервали громкие аплодисменты, явно предназначавшиеся президенту Пуанкаре. В зал вошел невысокий лысый человек с самой заурядной внешностью. Его маленькие бесцветные глаза соседствовали с приплюснутым носом и обычной бородкой клинышком. Но как только Пуанкаре заговорил – сразу преобразился. Он был прекрасным оратором. В его эмоциональной речи чувствовалась воля, упрямство, доходящее до полной самоуверенности. Речь чем дальше, тем больше становилась воинственной. Президент сыпал цифрами и фактами, говорящими о том, как много делается Францией в военной области. При этом Пуанкаре стал пристально смотреть в сторону русского офицера. Окружающие тоже обратили свои взоры на военного агента России.

– Я знаю, – говорил президент, – какие большие усилия делает и наша союзница Россия. Присутствующий здесь ее военный представитель сможет это подтвердить. Франция исполнила свою великую задачу по усилению военной мощи, что дает ей право на уважение со стороны врагов и дружбу и доверие со стороны ее друзей.

Игнатьеву волей-неволей пришлось взять слово. Он ответил кратко:

– Благодарю вас, месье Президент, за искренние дружеские чувства к русской армии. Россия высоко ценит те жертвы, которые приносит Франция для усиления своего военного потенциала...

Последние слова Игнатьева утонули в громе аплодисментов и приветственных криков.

– Vive la Russie![1]

– Vive les Russes![2]

На следующее утро графа Игнатьева пригласили посетить французский генеральный штаб. Алексей Алексеевич пришел, как и просили, к десяти часам к кабинету начальника генштаба генерала Жоффра. Хорошо зная военного агента России, адъютант любезно пропустил желанного гостя в просторную комнату с темной массивной мебелью, которая была оклеена географическими картами, словно обоями. За большим письменным столом, заваленным бумагами, сидел тучный шестидесятилетний старик в синей генеральской форме. Его крупное лицо с мохнатыми усами и бровями излучало уверенность. Он, что-то бодро писал, но отвлекся на приветствие Алексея Алексеевича.

– Bonjor, mongeneral![3]

Игнатьев, будучи в гражданском платье, салютовал Жоффру поднятой рукой к штатскому котелку. Генерал укоризненно покачал головой, скупо улыбнулся и благосклонно ответил:

– Bonjor, Ignatieff![4]

Алексей Алексеевич испытывал к Жозефу Жаку Жоффру огромное уважение и симпатию, потому что тот не был похож на обычных французских генералов – эксцентричных, самовлюбленных, окружающих себя шиком и блеском. Жоффр отличался молчаливостью и даже замкнутостью, мало кому удавалось завоевать его доверие, но к Игнатьеву он благоволил. Да и конфликтная ситуация между двумя военными блоками Европы подталкивала высокопоставленного француза на деловую откровенность при встрече с союзником:

– Месье Игнатьев, вы меня хорошо знаете. Я люблю факты и цифры, а также глубоко продуманные планы, которые уже проще привести в исполнение. Российская Империя часто вызывает мое удивление своими масштабами и своими непонятными привычками.

Игнатьев, заранее извиняясь, за необязательность русских, призвал на помощь слова известного поэта:

– «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить».

– Вот-вот! Только верить! – не без сожаления воскликнул Жоффр, пеняя на русских. – Я никак не могу примириться с вашей беспечностью на переговорах. Как мне понимать ваши слова? «Сейчас», «наверное» или «ничего»?

Алексей Алексеевич, краснея за военное руководство России, попытался отшутиться:

– Вы просто не представляете, как богат русский язык. Это язык Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого...

– Давайте ценить наше время! – перебил Жоффр, вытянув руку

---

[1] Да здравствует Россия!
[2] Да здравствуют русские!
[3] Привет, мой генерал!
[4] Привет, Игнатьев!

с растопыренными пальцами, как бы отстраняясь от философских умозаключений собеседника. – Давайте обратимся к цифрам. В мирное время во французской армии – 560 тысяч человек, в германской – 750 тысяч, а в царской – 1 миллион 200 тысяч штыков. Но ваши войска размазаны по необъятной территории России, которая связана между собой незначительной сетью железных дорог.

– При возможной войне – это ахиллесова пята России, – согласился Игнатьев. – Переброска войск будет долгой.

– В связи с этим у меня возникает деликатный вопрос, – вздохнул Жоффр, взяв в руки какой-то документ. – Я не могу добиться от русского командования ясного ответа по срокам мобилизации. Понятно, что они более длинные у России, чем у Франции и, к несчастью, у Германии. Мне необходимо знать число дней, когда русские смогут выставить на фронт все свои войска, чтобы нам знать, к чему готовиться в будущей войне с германцами. Ваш начальник Генштаба Жилинский меня путал: с обозами русская армия будет готова к такому-то дню, а без обозов к другому. Он все время называл разные цифры!

Игнатьев, морща лоб начал вспоминать:

– Я понимаю ваше беспокойство. Но могу утверждать только следующее: на пятнадцатый день мобилизации Россия выставит на Западе одну треть армии, с тридцатого по шестидесятый день к линии фронта прибудут второочередные части кавалерии и войска из многих военных округов, после шестидесятого дня подъедут войска из Сибири.

– Иисус Мария! Долго, очень долго! – расстроено поднялся с места Жоффр. – Немцы полностью сосредоточатся в считанные дни! По сведениям разведки и даже просто по здравому смыслу они сначала навалятся всей мощью на Францию! Германские генералы не авантюристы! Они всё просчитали, и пока Российская Империя соберет свои громадные силы... Я, конечно, сделаю все, чтобы французы выдержали первый страшный удар. Нам, возможно, придется очень туго...

САМОДОВОЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

В каждой из европейских держав, волей или неволей готовящихся к решающей схватке, существовала своя «партия войны». Если в Германии и в Австро-Венгрии – это было агрессивное большинство правящей элиты, то во Франции, Англии и России воинственно настроенных людей у власти было не так много. Российскую «партию войны» возглавляли военный министр Владимир Александрович Сухомлинов и начальник Генерального штаба Николай Николаевич Янушкевич. Сухомлинов не только самонадеянно говорил, что Россия готова к большой войне, но и писал провокационные статьи. В газете «Разведчик» он утверждал: «Мы все знаем, что готовимся к войне на западной границе, преимущественно против Германии... не только армия, но и весь русский народ должен быть готов к мысли, что мы должны вооружаться для истребительной войны против немцев и что германские империи должны быть разрушены, хотя бы пришлось пожертвовать сотнями тысяч человеческих жизней...»

В 1912 году Сухомлинов чуть было до крайности не обострил отношения России с германскими государствами, воспользовавшись правом военного министра самостоятельно объявлять мобилизацию (по сути, мобилизация предваряла объявление войны). Это судьбоносное решение военный министр совершил из-за локального конфликта на Балканском полуострове. Хорошо хоть царь Николай II задался вопросом: «А стоит ли осуществлять такое ответственное мероприятие без одобрения правительства?» В совете министров в ужасе обнаружили, что по всей Российской Империи уже отданы мобилизационные распоряжения без всякого согласования с кем-либо. Мало того стало известно, что сам Сухомлинов, объявив мобилизацию страны, хотел отправиться в отпуск за границу...

Небезобидных чудачеств у министра было немало. Так Владимир Александрович хвастался, что за 35

лет после академической скамьи не прочел ни одной военной книги. Однажды он умудрился важные государственные заказы отдать заводам, расположенным в Австро-Венгрии. Эти рискованные сделки с возможным противником могли иметь непредсказуемый эффект для русской армии. Сухомлинову все эксцентричные выходки и воинствующие выпады сходили с рук, так как он чувствовал поддержку ряда министров и порой самого царя. Государь российский всегда пекся о быстром исполнении заказов для армии и флота, часто не обращая внимания на то, как достигается цель. Его можно было понять, ведь соперница Германия вооружалась в последние годы титаническими темпами – до половины немецкой промышленности работало на будущую войну! В Российской Империи и близко этого не было. Она лишь в 1914 году собиралась принять программу вооружения армии, глядя на стремительные темпы вооружений европейских стран.

31 декабря 1913 года в Петербурге состоялось секретное заседание российского правительства под председательством миролюбивого премьер-министра Владимира Николаевича Коковцева. На обсуждение была вынесена тема возможной большой войны на европейском континенте. Благообразный Коковцев, стоя перед министрами, волнуясь, говорил:

– Уважаемые господа. Вы все прекрасно знаете о вероятной близости вооруженного столкновения по какому угодно поводу со стороны Германии. Поэтому я ставлю на ваше голосование вопрос: «Желаем ли мы приблизить войну?»

Эта животрепещущая тема вызвала за длинным столом чиновников оживленную дискуссию. Особенно выделялся военный министр Сухомлинов. Он вел себя как всегда заносчиво и воинственно:

– Россия вполне готова к борьбе один на один с Германией, не говоря уже о столкновении с Австрией.

Ему с негодованием отвечало несогласное большинство:

– Зачем война России?! Вы хотите новой революции?

– У нас всё есть! Нам бы нашито богатства сохранить для потомков...

Конец прениям положил вновь выступивший Коковцев:

– Я считаю войну величайшим несчастьем для России!

Без исключения все проголосовали против войны. Никто не желал ее. Решили: никаких вопросов и переговоров с союзниками на упомянутую тему не поднимать и выжидать «общего хода событий в Европе...»

В начале 1914 года господин Сухомлинов прибыл в Париж с частным визитом с молодой супругой. По просьбе военного агента России Игнатьева, он все же посетил военного министра и начальника генерального штаба французской армии. К вечеру Алексей Игнатьев пригласил чету Сухомлиновых поужинать в ресторане «Сиро». Высокопоставленная супружеская пара, пришла туда, уже вдоволь налюбовавшись блестящей парижской жизнью. Они уютно устроились за столиком напротив одетого в черный фрак Игнатьева. Седовласый шестидесятилетний министр был невысок и сухощав, носил аккуратные белые усы и бороду. Его восторженный взгляд остановился на танцующих красавицах, и Владимир Александрович откровенно позавидовал своему военному агенту:

– Как вы счастливы, живя в таком городе. Ей-богу я рад был бы поменяться с вами должностями!

Игнатьев вежливо заулыбался, не зная, шутит Сухомлинов или нет, а тот томно разглядывая женщин, продолжал:

– Вот вы не верите. Если бы вы знали, как мне тяжело, до чего хочется свободно вздохнуть, пожить, наконец...

Алексея Алексеевича от этих слов передернуло: так легкомысленно говорил генерал русской армии, имевший большие полномочия и наделенный ответственностью за судьбу России! Как можно идти на поводу своих страстей?! О чем думает чиновник такого ранга в опасный политический момент, когда Российская Империя плохо подготовлена к вероятной европейской войне. Игнатьев для себя сделал вывод: Сухомлинов – будущий позор России...

ЛОНДОН ТУМАННЫЙ

В XVIII веке Великобритания, захватив множество колоний и сказочно разбогатев, стала великой державой. Господствуя на море, островная империя пыталась диктовать свои условия континентальной Европе и уж никак не хотела допустить доминирования какой-то другой страны. Кроме того Англия, обладая мощной экономикой, желала выгодно сбывать свои товары.

Лондон долгое время плел многочисленные интриги против наполеоновской Франции, потом против николаевской России. Англия создавала всевозможные коалиции, бросая деньги, оружие, устраивая заговоры. Кульминацией противодействия в отношении к Российской Империи стала совместная война Англии, Франции, Турции и

Сардинского королевства против России в 1854 году. Позже, в 1878 году Англия с Германией заглушили громкий триумф России в войне с Турцией и русские практически ничего не получили от плодов своей великой победы.

Шли годы. Росла как на дрожжах экономическая мощь Германской Империи, усиливались Россия, Франция, Италия и Австро-Венгрия, а имперский Лондон по-прежнему бдительно следил за европейскими делами из-за морского пролива. Англичане на всех континентах применяли свое железное правило: разделяй и властвуй. Лондон очень постарался, чтобы в 1891 году возобновился Тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией, направленный против России и Франции. Последние, почувствовав себя неуютно, в том же году ответили заключением пакта: «О консультациях и мерах в случае угрозы нападения». В 1893 году Германская Империя приняла грандиозный план по усилению немецкой армии. В пику этому плану тут же была заключена русско-французская военная конвенция. Так в Европе укрепился раскол, который когда-нибудь должен был взорвать мир и погрузить континент в пучину Великой войны. Главные кукловоды европейской сцены – англичане, держались в тени, хотя и благоволили блоку России и Франции.

В 1891 году Петербург принял решение строить железную дорогу от Урала до Тихого океана, чтобы, наконец, надежно соединить территории огромной Российской Империи и дать ей мощный импульс для дальнейшего экономического развития. Англия ответила на это беспрецедентной поддержкой Японии. В 1894 году эти государства, находящиеся на разных концах земного шара, заключили договор, который неожиданно быстро, буквально за день, подписала английская королева. Островная Япония вошла в узкий круг великих держав. Этот успех она бурно отметила, начав неделю спустя войну с Китаем...

Англия, как могла, втягивала Японию в войну с Россией на Дальнем Востоке и достигла своего в 1904 году. Лондон не только всемерно поддерживал Токио, но и сам готовился к войне с Петербургом. Английский генеральный штаб, разработал план военных действий против России сразу на трех фронтах: на Балтике, на Черном море и в Средней Азии. Кроме того военно-морской флот Великобритании готов был выступить на стороне Японии, в случае ее неудач на полях сражений.

Мировые события долгое время выгодно развивались по сценарию англичан, привыкших сталкивать лбами всех своих противников и наивных друзей. Но минуло несколько лет, после русско-японской войны, и вдруг Лондон стал заключать с Петербургом один договор за другим, а на Балтике встретились их императоры. Что же вынудило Великобританию пойти на уступки? Только гигантский рост военных сил Германии, ее флота, угрожающего морскому владычеству Англии. Правда в Лондоне никак не хотели дать Парижу и Петербургу письменных конкретных обязательств в случае возможной войны с Берлином. Англичане по-прежнему мечтали, чтобы только русские и французы сражались с немцами за их общие интересы. Вот такой «союзник» достался русскому царю Николаю в тревожную годину...

ВЕНСКИЙ ВАЛЬС У ПОРОХОВОГО ПОГРЕБА

Много десятилетий Австро-Венгерская Империя доминировала в центральной Европе, пока в шестидесятые годы XIX века она вынужденно не отдала пальму первенства молодой Германской Империи. Независимость Вены никуда не делась, но теперь австрийский монарх действовал с оглядкой на союзного германского кайзера. Действия любой империи, так или иначе, направлено на ее укрепление и укрупнение. Австро-Венгрия, как и Германия, могла пожаловаться на обделенность колониями. Но если немцы не успели к дележу «заморских пирогов» по молодости лет, то у австрийцев такая возможность и вовсе отсутствовала – они практически не имели доступа к большим морям. У имперской Вены была своя голубая мечта – напрямую выйти к Средиземному морю, к порту Салоники. Расширение империи на юг, к Салоникам, было, пожалуй, единственно возможным вариантом, потому как с других сторон у Австро-Венгрии были очень серьезные соседи: Италия, Германия и Россия. Желания австрийцев в отношении слабых маленьких стран и народов Балканского полуострова, полностью разделяла всемогущая Германия. Немцы, промостив себе железную дорогу в Турцию, теперь стремились к Багдаду, вглубь Азии. У них, в отличие от австрийцев, были глобальные планы...

Балканские страны и народы, расположенные на задворках праздной европейской жизни, шумели и сотрясались, как молодые балканские горы, рождая в кровавых муках собственную государственность на обломках Османской Империи. В октябре 1912 года христианские народы поднялись на борьбу и в ходе победоносной войны окончательно свергли турецкое иго, длившееся долгие четыре столетия. С XIX века Балканы очень метко прозвали – «пороховым погребом Европы», и они полностью оправдывали свое прозвище. Едва покончив с турками, вчерашние союзники: Сербия, Болгария, Греция, Черногория принялись в ожесточенной междоусобице делить турецкое наследство. В этом, Балканском, клубке стран, народов, языков и религий сходились противоречивые интересы всех европейских держав. Именно здесь были заложены и фитиль и заряд под всю Европу, и без того охваченную гонкой вооружений в последние годы.

Самые глубокие непримиримые противоречия пролегали на Балканах между Австро-Венгерской Империей и маленькой гордой Сербией. Захватническая хищническая политика двуединой империи была известна всем. Она в 1908 году вероломно оккупировала и незаконно присоединила к себе Боснию и Герцеговину, по большей

части населенную православными сербами. Это была прямая пощечина России и Сербии. Теперь сербы оказались в полукольце Австро-Венгерской империи, а столичный Белград по-прежнему был под прицелом дальнобойной артиллерии австрийцев.

В имперской Вене поздней весной 1914 года политики и военные уже решали: сколько месяцев осталось жить суверенной Сербии. В солнечный полдень на тихой аллее у массивного здания австрийского генерального штаба прогуливались под бдительным оком охранников два высокопоставленных господина. Пятидесятилетний Леопольд фон Берхтольд занимал в империи высший пост – премьер-министра при августейшем монархе Франце-Иосифе. Грузноватый глава правительства был весь в черном: фрак, цилиндр, ботинки. Его пухлое белое лицо отражало величие должности и важность момента, колючие серые глаза источали холодную надменность. Другой господин, шестидесятилетний Конрад фон Гетцендорф тоже занимал довольно высокий пост – начальника генерального штаба. Он был высок и сухощав, но, несмотря на возраст подвижен и свеж лицом. Оба говорили негромко, часто оглядываясь, будто боялись открыть миру свои грязные секреты. Желчный Конрад высказывался по-военному прямолинейно:

– Я уже писал и вам повторю: будущее монархии находится на Балканах. Именно мы должны заполнить вакуум после крушения европейской части Турции, а не живущие там народы, за которыми стоит Россия. Наш путь лежит через Сербию в Салоники, которые дадут нам прямой выход в Средиземное море.

– Салоники, Средиземноморье – это прекрасно, – снисходительно улыбнулся Берхтольд, – а пока спустимся на землю. Сначала как-то надо разделаться с Сербией.

– За ней стоит большая Россия – тяжело вздохнул Конрад.

Эта осторожность военного человека, вызвала у премьера приступ смеха:

– Дорогой мой Конрад! В этом году все будет по-другому! Сейчас нет в мире страны, лучше Германии готовой к войне! В 1913-м мы хотели напасть на Сербию, и уже тогда было ясно, что русские вступятся за нее. Главное же, что нас тогда остановило – за Австро-Венгрию не пошла бы войной Германия...

– Теперь все по-другому? – обрадовался Конрад.

– Да! Я недавно был в Берлине и вел секретные переговоры. Немцы в 1914 году куда как воинственней. Теперь мы не одиноки – всесильная Германия нас прикроет!

– Только ей по силам справиться с Россией, – авторитетно подтвердил генерал, – да и то с нашей помощью.

Берхтольд кивнул головой и хищно оскалился:

– В этом году дело может дойти до большой войны. Если все пойдет по плану, то Российской Империи не избежать тройного удара – со стороны Германии, Австро-Венгрии и Турции. И тогда после победы, мы расчленим Россию. Нам достанется «Великая Украина»: кроме нашей Восточной Галиции, Буковина и вся украинская часть России.

– Что ж... – согласился Конрад, – остается лишь в ближайшее время найти повод, чтобы раз и навсегда разделаться с сербами...

У СПЯЩЕГО НАРЕВА

На дальних западных рубежах громадной Российской Империи, в царстве Польском, течет тихая река Нарев. Ее низкие лесистые берега за прошедшие века повидали всякого: нашествия и междоусобицы, но в последние десятилетия здесь было спокойно, без кровопролития. Даже свободолюбивые поляки, давно занимались лишь мирным трудом, под скипетром великой русской державы, защищающей свои многочисленные народы от внешних опасностей.

На пограничном Нареве стояли русские войска из Второй армии со штабом в Остроленке. Рядом, через границу, лежала Восточная Пруссия, извечный враг соседних народов. В один солнечный майский полдень вдоль живописной реки скакал высокий драгун на большом гнедом коне. Двадцатишестилетний Иван Анисимович Степанов, опытный ефрейтор с Урала, служил при штабе и возил секретные донесения. Его мужественное красивое лицо выглядело умиротворенным, потому что в мягких серых глазах отражались красота окружающей природы. От жары и пота он снял фуражку, и легкий ветерок затрепал русые кудри. Иван вздохнул, и на лице заиграла белозубая улыбка. Шли последние месяцы долгой царской службы. Армия Степанову была не в тягость, но к отчему дому, к Уральским горам, тянуло словно магнитом.

До штаба армии оставалось верст пять, когда сбоку со стороны границы, к драгуну из Четвертого драгунского полка присоединились два знакомых всадника: офицеры из штаба армии. Пятидесятилетний седой подполковник и сорокалетний моложавый капитан ездили по своим делам, а теперь возвращались обратно. Ехали неспешной рысью втроем, но разговаривали лишь высокие чины, а Иван только слушал, да на ус мотал...

– Вот удумали наши генералы здесь наступать! – сокрушался капитан. – Они только в карты смотрят, а если война придет – вот тогда будет сплошная беда!

– Верно, получается, – поморщился подполковник – до германской границы войска погонят по песчаным дорогам и лесам целую неделю!

– А потом до ближайших немецких шоссе еще идти и идти! Они ведь, германцы, к самой границе добротные дороги специально не строят – знают что к чему.

– Нет, в гости они нас ждут, хотя сами сюда точно не полезут. Германцы привыкли к хорошей жизни: к шоссейным и железным дорогам, к автомобилям и аэропланам, к телеграфу и телефону...

– А наша связь, – застонал капитан и кивнул на драгуна. – Вы только посмотрите на этого гонца! Он, конечно, лихой наездник, но ведь это у нас было и сто, и триста лет назад! Немцы ушли во всем далеко вперед.

– Да, – подтвердил подполковник. – Если, не дай бог, война при-

ключится, что ж теперь нашему драгуну сто верст до флангового корпуса скакать? А ведь придется! Это ж целые сутки! Каждый лишний час – это солдатская кровь, чьи-то понапрасну загубленные жизни, проигранные бои и сражения.

– Ладно, сейчас мирное время, – кивнул капитан, – но в военное все будет гораздо, гораздо хуже. Придется частенько посылать искровые телеграммы по радио, а мы так и не удосужились их шифровать! Совсем! Это самоубийство и огромный подарок немцам...

Долго, до самого штаба, слушал Степанов, тревожные речи офицеров и никак не хотел поверить: «Неужели скоро здесь русские пойдут в наступление? Да тут в Польше люди и войны-то при своей жизни не видели!» Он вспомнил «свою» японскую войну, на которую попал совсем молодым. Новобранцем. И вновь суждено воевать? Передернуло – не хотелось. Не от боязни сечи, свиста пуль и снарядов. Нет! От того, что скоро ему домой, на Урал. Ивану и думать не хотелось ни о какой войне, тем более о большой, германской...

Благополучно доехали всадники до Остроленки, медленно прорысили к штабным домам, у которых стояло несколько автомобилей и подвод. Драгун Степанов наметанным глазом сразу приметил на отлете от штаба, под сенью высоких лип, спешенных оренбургских казаков при лошадях и знакомого урядника Андрея Прочанкина. Иван улыбнулся, быстро соскочил с коня, привязал его к забору и стремглав вбежал в штаб. Сдал два пакета дежурному офицеру. И вот он уже со всех ног бежит обратно на улицу – к землякам-казакам. Молодой урядник, едва завидев знакомого, спешит ему навстречу:

– Здорово, драгун! Когда в казаки перейдешь? Ведь стыдно тебе должно быть – совсем рядом от твоей деревни оренбургские станицы! Эх ты...

– По юности мог, – серьезно ответил Иван, – чуть не перешел в одну станицу Исетской линии.

Степанов все вспомнил и заметно побледнел. У Прочанкина слетела с лица шутливая улыбка и он, взяв Степанова за локоть, отвел его в сторону:

– А ну, сказывай, земляк мой боевой японский. Не в первый раз ты вдруг кручинишься. Откройся, облегчи душу...

Иван, было, замялся, но потом махнул рукой и начал свой тягостный рассказ:

– Не хотел я никому сказывать о своей беде, да ты прав, тяжело в себе носить, поведаю все как есть. Полюбил я девушку распрекрасную с русой косой до пояса. Мил я был моей Лизе, и все хорошо, да родня ее воспротивилась. Не из богатых я был, но и не из бедных: лошадь и корова были, и землицы малость имелось – не голь перекатная! Лизина семья жила зажиточно и хотела выдать дочь за богатого. Отца у нее уже не было и всем заправляли два старших брата и мать. Я с любимой и так и эдак – ни в какую, отказ! Тогда мы задумали бежать из деревни, решили податься к казакам на реку Урал. Уж я подготовился одним вечером увезти Лизу, да кто-то прознал про наш уговор. Милая моя уже стояла с узелком у дороги, и я подъезжал на лошади... жаль братья опередили: уволокли сестру в дом, а я с ними схлестнулся у забора. Поздно! Мать ее слово скала – не пробьешь слезой. Тут же стали подбирать Лизе другого жениха – богатого. Я в тот же час добровольно напросился в армию. Тогда во всю Японская война гремела. И попал почти сразу в самое пекло... Прошло несколько лет, как я служил и не показывался в деревне. Из писем родных знал: Лизу сразу же выдали замуж. Потом пришли мне скорбные письма: остался я без отца и без матери. Любили долго друг друга и умерли вместе в один месяц. Я рвался на Урал и меня отпустили на побывку... Поклонился я могиле родных. А тут зовут меня к Лизе. Я еще удивился: мать ее просила. После всего, что было. Она даже умоляла, говорила, что Лиза плоха и даже чуть ли не при смерти...

Иван поперхнулся и закрыл лицо руками. Андрей поддержал:

– Не убивайся ты так! Ведь не один год прошел, как Лизу отдали за нелюбимого...

– Зашел я в тот дом-пятистенок в драгунской форме со шпорами, кожаные ремни и сабля на боку...

– Поди как есть – высокий красавец драгун, – перебил урядник.

– Не в том дело, – отмахнулся Степанов и продолжил. – Вижу как сейчас: лежит моя Лиза в постели под образами, все такая же красивая, только лицо белее мела и взор туманный. Как меня разглядела, так порывалась встать, да не смогла. Лишь от подушек оторвалась, руку протянула и снова бессильно повалилась. Она тихо так сказала: «Иван мой, Иван... Зря нас разлучили. Не могу тебя забыть. Ведь иссохла я вся без тебя, болит сердце и душа...» А слезы-то у нее всё бегут и бегут... и у меня тоже... Больше я к ней не ходил. Спустя дней десять скончалась кровинушка моя. Я уже в части был, узнал после...

Иван замолчал, смахнув скупую мужскую слезу, а товарищ посетовал:

– Жаль ты тогда, до армии, не увез Лизу в наши станицы. Вас бы никто не выдал, и был бы ты теперь казак. Эх, поди сейчас и пара казачат у тебя завелась бы.

– Не судьба, друже, не судьба, – глухо простонал Иван и захотел сменить разговор. – У вас-то как в сотне?

Андрей хитро прищурился и загадочно сказал:

– Только-только с границы. Командование без дела не оставит.

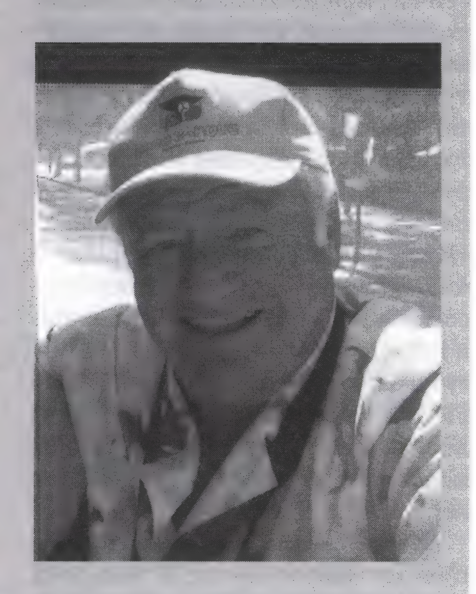
– Что-то ты темнишь,– покачал головой драгун, – уж сказывай не выдам. Сам знаешь, что я вожу в сумке.

– Да, тебе можно, – охотно согласился урядник. – Наш Второй оренбургский полк раздробили по сотням и выставили на разных участках границы. Велено нам ездить вдоль границы и высматривать, как германец себя ведет, что построил, что скрывает. Генералы беспокоятся, как бы что неладное этим летом не случилось. Многие войны против России-матушки летом начинались...

ГОЛОВОЙ – В ШТАНГУ!

(киноповесть)

Поколению, родившемуся в 1922 году и принявшему на себя главную тяжесть Великой Отечественной, понесшему самые невосполнимые потери, посвящается.

Владлен КОЗИНЕЦ,

г. Екатеринбург.

Стадион расположен в окружении каменных двух-трехэтажных домов с цокольными этажами – как это принято строить в небольших городках на Западной Украине. Идет напряженный футбольный матч – играют две юношеские команды: одни – в белых футболках и черных трусах, другие одеты во все красное – кроме, естественно, черных кожаных бутс. На невысоких деревянных трибунах – немногочисленные зрители. В основном это мужчины, одетые по летнему времени легко – в майках, «вышеванках», кепках, разлапистых шляпах-брылях, в шлепанцах на босу ногу. Скорее всего – родители, близкие родственники играющих мальчишек, которые считают важным делом в дневное время пойти посмотреть на эту игру, несмотря на всю занятость людей, каждодневно зарабатывающих на кусок хлеба простым нелегким трудом: мелкие ремесленники, торговцы. У многих, как и положено болельщикам в любой точке земного шара – бутылки с пивом, горилкой, нехитрой закуской – шмат сала с краюхой хлеба, огурцы, помидоры, лук...

Внезапно прямо на гаревую дорожку стадиона резво влетает пролетка, запряженная цугом четверкой вороного цвета дорогих, ухоженных, породистых лошадей. Из нее не по возрасту резво выскакивает седоватый высокий господин старше средних лет, затянутый в черную тройку, в шляпе с короткими полями, на ногах – лаковые штиблеты такого же, ярко-черного цвета. Срывает с головы шляпу; курчавые, черные с проседью волосы развеваются на ветру.

– Лазарь, бей! – кричит он и тычет пальцем в сторону ворот черно-белых. Затем вкладывает два пальца в рот и залихватски свистит – совсем как мальчишка.

Полуподвальное помещение. Две женщины в белых халатах усердно месят тесто. Одна постарше – с высокой прической волнистых, пепельного цвета волос, с золотой заколкой, чуть заметной из под чистой белой косыночки. Вторая – помоложе, тоже в белой в цветочек косынке. На окнах простенькие занавесочки-«ришелье» ручной вязки, накрахмаленные так, что почти даже не колышутся от ветерка, временами дующего из распахнутых фрамуг.

Футбольный мяч с треском влетает в окно после потрясающе красивого футбольного приема мальчишки лет четырнадцати. Получив пас, он, атакуя с правого фланга, пятками подкидывает за спиной мяч сам себе вверх «свечкой» и, в прыжке уходя от опеки защитника, перевернувшись в воздухе спиной к воротам, с силой бьет правой ногой через себя, стараясь попасть в дальний от вратаря угол. Однако промахивается, попадает в штангу, а уж от штанги мяч и влетает в то самое окно.

От звона разбитого стекла женщины непроизвольно вздрагивают, не бросая работу.

– Нисса Рувимовна, це, матка боска – вже Лазарь! – говорит та, что моложе, продолжая месить тесто. – Только в нейго на нашей вулице якой сильный удар! Не доведе цей футбол до добра, попомните мое слово!

– Шо ж вы хочите, Руфинушка! Вин – уесь у папочку! Если шо в голову себе увбили – можешь тую голову хучь усю отсечь – переубедить неможно ни в чем. Темперамент не сховаешь за воспитанием! – степенно отвечает та, что постарше. Даже меся тесто, она думает о чем-то своем, глубоко личном; опущенные уголки рта и сутулая спина говорят сами за себя – этот человек занят нелегким трудом от зари и дотемна, это он сделал ее такой, оставив жалкие крохи от былой красоты и стати.

– А шо, Мендель Бенционович таки опять собрались у вояж? – не унимается молодая, как бы не замечая задумчивости хозяйки.

– Хто ж його знае? Чи вин намылился у Париж, чи у в Италию... А може, дальше Бессарабии не пойде. Иде есть мануфактура получше да подешевше – там и як раз наш Мендель. Хотя времечко сейчас – не приведи

господи. А тому Менделю бесполезно говойрить, шо евреи с молоком матери всасывают: не суйся туда, иде тоби не желают видеть. А то схлопочешь... на свой длинный нос.

– И шо вин каже?

– Шо кохае итальяньский салат: с сыном «Пармезан» на оливковом масле з уксусом, с креветочками, я знаю?

– А шо, вин не кохае вашу баранинку з чорнослывом? Як вы порежете тую баранинку на мелки-мелки кусочки, та потушите у кыпяточке на слабяньком вогне, а чорносливчик то – потим, вже вымоченный как полдня. Та усе – з рисом. Так же ж пальчики оближешь! Тай проглотишь!

Крупно – новогодний календарь с толстенькими херувимами и розовыми сердечками в полстены с надписью « З Новім 1936 рокім».

Красная линия улицы, примыкающей к стадиону настолько близко, что шумы футбольного поединка доносятся и сюда. Табличка «Вуліця гетьмана Скоропадського, № 1». Чуть ниже – вывески двух магазинов с лестницами, ведущими вниз, в цокольный этаж: «Булочкі Ніссы», «Мануфактури Менделя».

Продолжается футбольный поединок, и снова по правому краю прорывается Лазарь – сын мануфактурщика Менделя и булочницы Ниссы Кройцов. Снова финт корпусом вправо-влево, пас чуть назад пяткой, на партнера...

– Марик! Полоян! – кричит он и тут же делает резкий отрыв на свой любимый правый край. Рыжий, как солнце, Марик филигранно вешает «свечку» на ход партнеру, прямо под удар. Лазарь опять взмывает вверх, бьет так же, как и в прошлом эпизоде, но на этот раз мяч точнехонько влетает в сетку в дальний от вратаря угол, прямо в заветную для всех футбольных нападающих «девятку»!

– Барана ждет мясник, солдата – слава! – удовлетворенно громко произносит свою любимую фразу-девиз господин из пролетки, продолжая стоять во весь свой немалый рост на краю поля. Он тянется в левый жилетный карман за сигарой, уже почти достал ее, ищет по карманам спички, но тут рука натыкается на золотую цепочку, ведущую в другой, правый жилетный карман. Рука непроизвольно достает золотой брегет фирмы Буре, другая лезет во внутренний карман пиджака за очками; господин, сощурившись для фокусировки зрения, водружает очки на крупный семитский нос, щелкает крышкой часов и хватается за голову.

– Мама мия! Поезд!

Тоже футбольный поединок в дневное время, тоже на незатейлевом стадионе, очень похожем на тот, что мы уже видели: вытоптанный газон, обычные деревянные скамьи на трибунах в несколько ярусов. Только стадион этот расположен в глубине России, на Урале, на территории воинской части. Здесь встречаются в матче то ли солдаты, то ли старшеклассники из семей военных – они раздеты до пояса, но обуты кто в сапоги, кто гоняет мяч просто босиком, в брюках от хлопчатобумажной военной формы либо в нитяных трениках с вытянутыми коленками. Бросается в глаза, что они – почти ровесники мальчишек с Западной Украины, ну, может, на годик-другой постарше.

И здесь на правом фланге выделяется белобрысый паренек с развивающимся чубчиком и заметным атлетическим для своего возраста сложением. Он как раз экипирован не хуже своих западноукраинских сверстников: бутсы, гетры и такая же красная футболка, как у пока незнакомого ему Лазаря. В отличие от западноукраинского матча здесь зрителей почти нет: в части идет повседневная, обычная жизнь. В казармах драят полы; в техпарке обслуживают выкаченные из боксов для работ на свежем воздухе танки, грузовики-трехтонки; на КПП скучает застегнутый на все пуговицы солдатик, за спиной которого на кожемятном ремне болтается в такт неспешному шагу трехлинейка Мосина; на плацу выстраивается наряд внутренней службы.

– Славка! Асад! – громко кричит белобрысый.

С места центрального полузащитника чернявый, коротко стриженый паренек вешает передачу на правый фланг, и белобрысый, в точности повторяя прием своего ровесника Лазаря с Западной Украины, загоняет мяч в сетку соперников!

– Молоток, Ромка! – истошно кричит давший пас подросток.

Игра начинается с центра поля. К Асадову подбегает очень похожий на Марика Полояна, только еще более рыжий – весь, с головы до пят, покрытый веснушками паренек, играющий босиком. Он слегка шепелявит, особенно когда волнуется – как сейчас.

– К командирскому шынку подлизываешься, Ашадов? Башкой тя в штангу!

– Чтоб у тебя язык отсох! Я что тебе, враг?

– Я раньше открылшя! Почему паш не пошел влево, на меня? Романов воще в офшайде был!

– Рубцов! Совесть-то есть? Ты что, можешь пробить, как Ромка?

– Да ты только Ромку и видишь! Он у вшех ваш – швет в окошке, командирский шынок. Мне бы его бутшы – еще не такую бы банку вколотил!

– Бутсы – во причина! Пока что Романов у нас – лучший забивала. И не ной, Валера! Хорошо оторвешься – получишь передачку прямо на свою босую ножку! Обещаю! Торжественно! Как юный пионер перед лицом своих товарищей!

Западная Украина. Полуподвал. Те же две женщины месят тесто. Крупно – в точности похожий новогодний календарь, только с цифрами «1939».

– Шо-то мне неспокийно, Нисса Рувимовна, – говорит та, что помоложе. – Ну зачем, кохда яка дурна международна обстановка, Мендель Бенционович знова ийдэ у вояж, та ще сыночку с собой бере? Це нимцы ну зовсим распоясалися! Шо хотят, то и творят уместе со своим шлимазлом Гитлером – шоб у його печенка отпала, у того выкреста. А ще художник, из приличной еврейской фамилии!

– Який вин художник? Шагал, чи шо? Так, подмалевщик. А насчет Менделя... Вы же знайете Менделя, Руфинушка! Еслиф ему шо у голову затесалося – бесполезно отховаривати. Дело – упрежде всейго. Я же ш йому внушала, пыталася... Одно твердит: «...барана ждет мясник, солдата – слава». А вин, каже – не баран. Не даст себя зарезать. И ша, и усе тут!

– Так ведь у той же Италии у власти точно дурный баран – цэй их Бенито с тупой рожей, як в мясника Аннапольского, шоб йому повылазило: знова цену за вырезку задрал до небес! Я ему ж чуть в очи не вцепилася, кохда вин ценники менял прямо у тут, при мэне! Усе на войну в Европе списывае! Я йому талдычу – считай, шо я на полхвылынки зраньше прийшла. А йому хоть бы шо!

– Так вин же ж мясцо из Франции бере, а там и вправда усе подорожало, як поставьки фуража из Германии прекратилыся. Немцы душат французов, це у них у крови.

– А то ж Аннапольский в накладе останется, ждите! Если вже французики подняли на десятину – вин у два раза против них задере! У, кровосос!

– Бог даст, для Менделя цея поездка нормально обернется. Дела усе хуже и хуже иде, матка боска.

– Я хоть на дорожку их покормила з Лазарем – сделала их любимый ягодный крамбль. Все у меня, слава те Господи, для него было под рукой: и мас-

лице, и цукорчик, и яблочко, и корица, и клубничка.

– Я так, как вы, никогда не научусь його готовить, Руфинушка. Хотя мою стряпню и Мендель, и сыночек с удовольствием снейдають.

– А усе потому, что крамбль без мюслей – вже не крамбль. А вы про их вечно забывайете, пани. И совсем не нужно класть туда белый цукор – коричневый как раз то, шо надо.

Улица того же западноукраинского городка. По дороге пылят танки на колесном ходу харьковского производства с алыми звездами по бортам. Мендель и заметно повзрослевший Лазарь – еще юноша, но почти уже мужчина, осознающий свою миссию начинающего коммерсанта, оба одеты в элегантные дорожные костюмы, с вместительными саквояжами в руках, в короткополых стильных шляпах и ботинках на каучуковой подошве – наблюдают за движением боевых машин. Один из танков притормаживает, на башню вылезает солдат и прямо с башни, не сходя на землю, сбивает прикладом автомата табличку с названием улицы. Вместо нее водружает новую, на русском языке – «Проспект Сталина».

– Хоть номер не зкинув, байстрюк, – негромко зло говорит сын.

Затем они оба, отец и сын, молчаливо задумчиво садятся все в ту же пролетку, запряженную четверкой лошадей, и медленно трогаются. Всю дорогу до вокзала едут в полном молчании; даже кучер, понимая состояние хозяина, не вертит головой, вопросов не задает – сидит прямо, смотрит только вперед.

Вокзал забит людьми в советской военной форме: они не спеша, без излишней суеты разгружают эшелоны, густо запрудившие станцию – с воинской техникой, продовольствием, лошадьми, строятся под руководством младших командиров. Гражданских нет почти вовсе – разве что тетки с семечками, пирожками, огурчиками, кренделями привычно обсели по краям обе платформы. Спустившись на землю, Мендель кладет руку на плечо кучеру:

– Если шо, Тарас... Ну... Сам у курсе... Я только на тоби и надеюсь. Бильше не на койго.

– Не извольте беспокоиться, хозяин. Вы же ж Давыгору с малолетства знайете. Усих на хуторе мигом поховаю, езлиф яка заваруха прийдэ. И коней схowаю. Тай я за двадцать рокив от вас плохого слова не слышав, не то шо от некоторых. Да ж мия Руфиночка у вас – як за каменной стеной. Ехайте себе спокийно. Бог даст, усе обойдется.

– Ты-то мужик як кремень. А вот твий родич, Незавибатько...

– А шо вин? Хто вин мене? Седьма водица на киселе!

– Ото ж! Как думае – советы здесь надолго, трясца иху мать?

– Звидкиля ж мэни бачить? Пока з фашистами окончательно не перессорятся. Язви их в душу – и тех, и других. Не дают нормальным людям спокийно пожить-помереть. Усе лапы чешутся – як у шелудивых псов, в хайло им дышло! Они и в Прибалтику вошли – я тут читал ув газетке. Мия б воля... Эх, да шо тут гуторить! Нас не спрашивають.

– Нормально зъездим – будет твоей Руфине новый отрез на платье.

– Как раз поспеете на свадьбу сестрицы. Мы без вас ейе грать не зачнем. Уже усе приготовили. У ней жених – да вы його знайете, Мойсей з Крушельницкого – решил усе по еврейскому обряду сделать: шоб в синагоге, шоб маюфес грали, и оркестр вже знайшли як положено – кларнет, скрипка, бубен. Будем «мазлтов» кричать...

– Так и тебе обрезание сделают, – шутит Мендель.

– А шо мене, повылазит? Хай себе люди живут усе – й украиньци, й русские, й явреи – у дружбе. Мене так гарно! Не зря Христос пришел именно в дом Лазаря – как в писании казали.

Отец и сын садятся в поезд. У них купе на двоих – просторно, комфортно. Пока проводник крутится с чаем, сушечками, бараночками, отец заводит наставительный разговор.

– Тебе пора всерьез учиться коммерции. Есть ряд непременных законов. Ты запоминай чи записывай – мене усе едино. Абы знал, шо к чему. Первый закон Менделя: нужным людям увсегда треба видделять часть прибыли – тохда воны буде на твоей стороне увсехда. Другий закон Менделя: еслиф товар не иде по нужной тоби цене – продавай по сходной. Абы выручка була – гроши оборот любють. Третий закон Менделя: специалистом на усе сто процентов не станешь во усех вопросах никохда – так шо май спецов иде тильки можно и оплачивай их труд нормально – тохда и успех прийде. Четвертый закон... Ты шо не пишешь?

– Та й так запомню.

– Твое дило. Итак, четвертый закон Менделя: предприниматель увсехда расходуе средств бильше, чем мае – потому шо вин думае о будущем. Инаше вин говно, а не купець. Без кредитов не прожиття. И пятый закон Менделя: людины увсехда хочут отнять твою собственность – це нормально. Поэтому – не лови ворон. У грошей есть магическа сила, а потому воны – власть. Но та сила ув потенции – власть появляется тильки кохда гроши употреблены у дило.

Входит официант.

– К чаю ромчика не желаете? Натуральный, с Мартиники. Сорт «Сент-Джеймс».

– У нас, дорогой, дома на завтрак дайют густы сливки, яйцы, ветчину, кексы, виноград мускатный. А ты – ром!

– Тильно прикажите – усе буде!

Та же воинская часть на Урале. Танки гуськом вытягиваются через КПП на дорогу. Отправкой руководит высокий белокурый офицер с тремя шпалами на петлицах гимнастерки.

– Товарищ командир, товарищ подполковник Романов! – запыхавшийся красноармеец с бега перешел на шаг, лихо отдав честь на подходе. Это тот самый солдатик, что маялся на КПП, когда шел футбольный матч. – Телетайпограмма из штадива.

– Сколько говорить можно, Сусляков – у нас уже нет дивизии как три дня, мехкорпус теперь называется. Что там? Давай!

Прочитав полоску бумажной ленты, криво усмехнулся.

– Проснулись, иху мать! Мы уже на марше, а они все директивы шлют!

– Так что доложить начштаба, товарищ командир?

– Пусть отстучит: «коробочки» упакованы, молодняк готов к отправке.

– Эх, жалко...

– Что тебе опять жалко, Сусляков?

– Что я сегодня в наряде! Сейчас бы в футбол погонял! И что мне так не везет все время?

– Еще погоняешь! Какие твои годы!

– Разрешите идти, товарищ командир?

– Что значит идти? Ты же спортсмен! Бегом, марш!

– Есть! – лихо вскидывает к виску пятерню Сусляков и бегом направляется к штабу. По пути он все же заворачивает на стадион. Там гоняет мяч уже малышня – матч окончен. Сусляков с ходу бьет по мячу, и тот с треском влетает в створ ворот.

– Учись, мелюзга! – гордо вскидывает голову солдат и степенно двигается в направлении здания штаба.

Табличка на здании «Нижнетагильская средняя школа № 5. В актовом зале – выпускной вечер. Две красивые девочки кружатся в вальсе. Одна черненькая, другая беленькая.

Парни больше кучкуются у входа в зал.

– Этим подружкам, Лидке с Наташкой, никого не нужно, – говорит одна учительница другой.

– Самые дружные в Тагиле, – отвечает вторая. – Я думаю, они так и пойдут по жизни – рука об руку.

– Лидочка в политехнический хотела. А Наташа точно в наш пед поступать будет.

– Так у них не получится. Куда одна – туда и другая. Вот посмотрите!

Девчонки выбегают во двор. Там парни курят, тайком разливают вино. Достается и Лиде с Наташей – по полстаканчика. Они тут же, только пригубив, убегают.

– Наташка – говорит Лида. – Давай никогда не расставаться! Никогда-никогда!

– Давай! – щеки Наташи горят. То ли от выпитого, то ли – от данной клятвы.

Железнодорожная станция. Строй парней вытянулся перед товарными вагонами. Среди них мы видим повзрослевших участников футбольного матча трехлетней давности – и белокурого Романова-младшего, и чернявого Славку Асадова, и рыже-веснушчатого Валерку Рубцова. Они заметно вытянулись за эти три года. А, может, их взрослят одинаковые темно-серые дорожные пиджачные костюмы с накладными ватными плечами да небольшие одинаковые фибровые чемоданчики, поставленные в линеечку у ног.

– Товарищи будущие офицеры! – открыл после команды «Смир-рн-но!» короткий напутственный митинг Романов-отец. По его выправке, широко развернутым плечам заметно, что это человек – с серьезными взглядами на жизнь, будущий крупный военачальник. – Мы на вас очень надеемся. Вы все – члены семей военнослужащих. Война – как пожар: никогда наперед не предугадаешь, в какую сторону сильнее полыхнет. Если ни во что не вмешиваться, мы с вами в один прекрасный день осознаем себя конченными людьми. А этого допустить нельзя! Опять же, сидеть на стуле и мысленно перекраивать мир – занятие для пустословов. После того, как мы в кратчайшие сроки обуздаем агрессора, конечно, если он сдуру вздумает сунуться на нашу территорию, нам понадобится еще больше грамотных командиров для новых танков. Именно вам предстоит осваивать современную боевую технику, которую решено перевести на гусеничный ход. Так что вы учитесь, а мы быстренько, если что, наведем порядок. Конечно – я это подчеркиваю – если случится что-либо серьезное. Думаю, и без вас управимся. Красная Армия всех сильней! Как говорит наш генералиссимус товарищ Сталин, разобьем врага на его территории – и домой, на родной Урал. Успеха вам в учебе!

– Ур-ра! – дружно раздается в ответ.

Последним на станцию вбегает рядовой Сусляков, бегом направляется прямо к командиру.

– Ты что здесь забыл? – удивляется подполковник Романов.

– Разрешите доложить, товарищ подполковник? – Сусляков не скрывает торжества, физиономия от этого у него делается лукавая-прелукавая. – Рапорт удовлетворен! Командиром буду, как и ребята. И – как вы!

Западная Украина. Тот же полуподвал – только не кухня, а помещение магазина. Хозяйка обслуживает покупателей. На стене – календарь с датой «1941».

– Нисса Рувимовна, мне ситного фунтик, – просит девочка в клетчатом полушалке.

– А мне калачиков з цукром, – тетка в стоптанных башмаках и вылинявшей кофте, с неприбранными волосами долго копается в кошельке, затем просительно тянет: – Ой, таки ж грошев не хватае. Поверите у долг?

– О чем вы гуторите, Параска Остаповна? На неделе занесете!

– Дай вам господь здороввя! – радостно кивает тетка и низко наклоняется к прилавку. – Сосед балакал – немцы вот-вот нагрянут. Люты до жидив! Так вы, если шо – до мене. Воны ж скоты! А я сховаю! Ни видна холера не найде!

– Бог даст, обойдется, – задумчиво отвечает хозяйка. – Как говорит Мендель: ловят карасей, щуку отпускают. А деньги все равно испаряются быстрее, чем мечтаешь их накопить. Дадим трошки грошев – тай отстануть. Немножко пеньензов никому не помешают... Люди есть люди...

Когда магазин временно пустеет, хозяйка говорит Руфине:

– Шо делати? Знаю, шо цены высоки – а куды деться? И потим... Покупатель всегда ценит товар дешевше, чем тот, хто його произведе...

– Та шо ж вы такое ховорите, Нисса Рувимовна? Хто дешевше вас торгуе ув нашем мисце? Тильки шо даром не витдаете! Та и ваши мужчины...

– Людын же ж жалко... А Мендель з Лазарем... Воны добрые, но бояться, бо не поймут их – будто воны шо-то должны комуй-то... Вот иногда и суровы... А так-то – шо Мендель, шо Лазарь... знають, як вынуть жало з речей...

Та же железнодорожная станция на Западной Украине. Футбольная команда готовится к отъезду. Парни экипированы в одинаковые пиджачные, серые в полоску, костюмы, все с одинаковыми фибровыми чемоданчиками – как и их сверстники на Урале. На перроне – родные, друзья. Некоторых парней провожают девушки.

– Дак когда вы найзад? – уточняет Мендель у Лазаря. – А то мне ув Англию за сукном вояж делать треба, взял бы знова тоби. Бо ты там и сам побывав, без мене. И як у прошлом роки назад – через Франьцию з Италией. Там хоть и немцы, да ведь гешефт и им не помешае. Ну, пидкину на таможне фунтов та маркив побильше. Обойдэться...

– Три игры в подгруппе, батя – с Ужгородом, Черновцами, Белой Церковью. Делаем их под ноль – и встречаемся з победителем второй подгруппы ув финале. Думаю, це буйдут кияны. На воскресенье последний матч назначен.

– Так и зайпишем – 1941 рок становийться роком чемпионов Украйны среди низовых команд з нашего славного мисця. Переможете усих?

– А як же ж? В нас сама зрела дружина: у других усех взрослых в бильшие команды позабиралы – у «Динамо» там, чи ув «Старт», чи ув «Ротор», чи ув «Авангард». Так шо наш «Западенец» – ув потенциальных лидерах – благо шо у нас тут близко ничого немае из великого. Вот и не ворують игрокив. Так шо должны перемочь. Если ж не так – я головой ув штангу убьюся!

– Язык твой поганый вырвать! То ж сотрясення мозга!

– Та я ж шутя!

– Ладно. Давай о деле. Будут приглашать куда грать – не торопись сказать «да» чи «нет». Мол, з батькой посоветоваться треба. Оно, конечно, ув вылыкой команде гарно... Да тильки... Яка та цена? Ну, сам думай! Не дитятко, большой вже хлопець. Тебе бы поучиться треба...

– А як же ж! Усе успеемо!

Учебный центр подготовки танкистов. Будущие офицеры бегом преодолевают полосу препятствий. Все в поту – после выполнения упражнения многие бессильно валятся на траву, многие закуривают самокрутки. Только футболисты относительно свежи, и, что характерно, из них никто не курит.

– Кто готов повторить упражнение? – с ехидцей задает вопрос бравый старшина с пустым рукавом вместо правой руки, но зато – с орденом Красной Звезды на гимнастерке. – Выдохлись?

Романов, Асадов, Рубцов, чуть попозже Сусляков выходят на исходную позицию.

– Вперед! – командует старшина.

Парни решительно, рывком преодолевают расстояние до «забора», сходу перемахивают его; азартно соревнуясь друг с другом, крутятся в «лабиринте», ныряют в ходы сообщения; выбегая из него, выхватывают учебные гранаты, швыряют в цель и бегом возвращаются на исходную позицию.

– Вот бы все так могли! – удовлетворенно говорит старшина. И, уже обращаясь к сидящим-курящим, командует.

– Подъем, курцы драные! Повторить упражнение! Футболистов отпускаю на тренировку – все равно до них всем далеко.

Киев. Стадион. Идет жаркий матч за выход в финал чемпионата Украины для низовых команд республики за право играть в будущем сезоне в классе «Б» чемпионата СССР. Над трибунами лозунг: «Уперед, у класс «Б»!» На простом деревянном табло стадиона «Колгоспник» счет матча «Западенец»–«Белая Церковь» – 1:1. Снова на правом фланге нападения «Западенца» возникает комбинация связки Полоян-Кройц: Марик, финтом уходя от защитника белоцерковцев, навешивает «свечку» на ход Лазарю. Тот, рывком оказываясь точно на линии защиты, уже готовой создать искусственное положение «вне игры» для неугомонного форварда западноукраинцев, высоко выпрыгивает для удара головой по воротам, успевает заметить, что вратарь соперников начеку – сделав шаг, тот наглухо закрывает левый угол ворот. И тогда Кройц принимает неожиданное решение: он бьет головой не в створ и передачу тоже не делает: удар направлен прямо под ноги себе, в поле. Да так необычайно сильно, что мяч подскакивает очень высоко для этого грунта; а левая нога Лазаря еще до приземления под острым углом, «щечкой» успевает срезать крученый мяч в противоположный, дальний от вратаря правый угол. Растерянная защита только рты разинула: такого они еще не видали! И тут же, к радости западноукраинцев, раздается финальный свисток судьи.

– Порядок, Лаз! – подскакивает к Кройцу Полоян. – У завтра ув финале мы точно расколошматим цих киевлян! Це ж задрыпы, яких свит не видывал! А разодеты! И бутсы в них комбинированы, черны з белым – прям як у мастерив, и гамаши з белыми полосочками.

– Не кажи гоп! – устало отвечает Лазарь. Они не спеша, под гром аплодисментов переполненного стадиона, двигаются к подтрибунному выходу.

В раздевалке команду уже поджидает солидный дядька в черной шляпе и в черном же, несмотря на жару, костюме, с толстенной папкой под мышкой – явно какой-то начальник. Он прямиком направляется к Лазарю, едва команда начинает устало располагаться на скамейках.

– Слухай сюда, Кройц! – без предисловий начинает визитер. – У завтра у нас с тобой буде важный разховор. Тоби приглядело для сяби киевско «Динамо». И цьего хлопца – он кивком головы показал на Полояна – тоже ж. Зразу писля игры и обтолкуем усе.

– После матча не треба – в нас поезд до дому меньше чем через час. Боюсь, даже помыться не успеем, – устало отвечает Лазарь.

– Да ты шо, дурья башка! Не бачишь, чи шо? Вы ж грать с самим Трусевичем буде! Це ж киевско «Динамо»! Не грязным пальцем пуп царапать! Звидкиля вы таки задрыпы? Дважды це предложення не делаються!

– Вин же не водын! – вступается за друга Марик. – Його капитаном команда выбрала. У нас же тренера немае. На ем все – и форма, и деньги, и билеты. Може, до матча погуторим?

– Харе! Як шо побачимо. До зустрич. И всыпьте цэм киянам по перво число!

– А вы шо, разе не за столичных болеть завтра будете, чи шо? – явно с подначкой и нескрываемым интересом интересуется Лазарь.

– Був бы я столичным... Тильки три роки як з Черновцов ув Киеве обосновався. Був заступником комитету по спорту, теперь вот – ответорганизатор по футболу. А цих Черновцов в финале немае. Усих гарных хлопцив у Киев та в Одессу попереманивалы.

Так шо не подведите дядьку Остапчука. Я за вас поручился. Быть вам, парубки, чемпионами Украйны. Запомните цэй динь – 22 июня 1941 року!

– А дядько не прост! – едва вышел Остапчук, сделал заключение Полоян. – Косит, конечно, под рубаху-мужика, а глаза-то – серьезны. И с образованием, видать. Взгляд у його уверенный, чистый, до печенок проникае. И действует как-то... успокоительно. Такому не соврешь. А? Шо мовчишь? – спрашивает он друга.

– Побачимо! – коротко отвечает Лазарь.

Болельщики весело покидают стадион.

– Ну вже завтра буде! – говорит один из них. – Как думаешь, кияне их визьмут?

– Погоди трошки, – отвечает ему другой. – Ночку переспим...

На выходе со стадиона Лазаря поджидает очень красивая – высокая, черноокая, с глазищами в поллица – дивчина в простом цветастом ситцевом платьишке.

– Пийдим зараз до мене? – кротко спрашивает она, не сводя глаз с Лазаря. – Тату з маткой до родичев вот-вот подадутся, в веску. До ув завтра.

Лазарь кивает. И они, взявшись за руки, уходят вдаль по улице.

Ночь. Лазарь и девушка, обнявшись, лежат в кровати. Наконец он прерывает молчание.

– Оксаночку! Меня в «Динамо» берут. В ваше, киевско.

– Знаю. Батя сказывав.

– А я тильки ж сегодня узнав, шо Емельян Осипович Остапчук – твий батя.

– Так вин же мне на тэбе и показав. Каже: хляди, родиночка мийя, який гарный хлопець. Хоть и не нашей веры, а я бы в зятья його узял. Вот я и влюбилася як та дуреха – без ума. Всего неделю знайомы – а вже як жинка тоби. Хто б про мене такое раньше казав – у в харю б плюнула. Точно – як та дуреха!

– Я от тоби тоже ж без ума. Ув завтра бате кажем? Чого нам скрывати? Раз я туточки буду грать – знать, и жить нам вместе.

– А твои не буде насупротив?

– А мне не усе равно? Поставим перед фактом!

– Нельзя без родительского благославення.

– Да буде благословення. Я ж тоби кохаю, чи ни? Барана ждет мясник, солдата – слава! Батина притча. Он уважает сильны решення. Ничого не бойся, мий птенчик. Я виз тебе!

Улица западноукраинского городка. По ней пылят танки. На этот раз – танки со свастикой. Так же, как его предшественник из Красной Армии, немецкий танкист, не сходя с башни, прикладом автомата сбивает на доме табличку с названием улицы и вешает новую, написанную готическим шрифтом – «Вильгельмштрассе». Оглядывает свою работу, удовлетворенно кивает головой. На противоположной стороне улицы Мендель и еще несколько

граждан угрюмо взирают на дело немца. Танк продолжает движение, останавливаясь у каждого дома, и солдат, повторяя процедуру, каждый раз удовлетворенно оглядывается по сторонам – вот, мол, смотрите, пришли новые хозяева!

Железнодорожная станция на Урале, с которой отправляли на учебу будущих офицеров. Сейчас они, одетые в новенькую зимнюю форму, младшие лейтенанты – по одному кубарю в петличках – застыли в строю. Камера акцентирует внимание на знакомых лицах: здесь и Романов-младший, и Асадов, и Рубцов, и Сусляков. Все как один сосредоточены – заострены скулы, глаза полны злой решимости. Тот же командир Романов – у него в петличках уже четыре шпалы и полный рот металлических зубов – открывает митинг-напутствие.

– Товарищи офицеры! Буду краток. Не дали мы вам доучиться. Сами понимаете – полгода уже бушует война! Враг неожиданно глубоко проник на нашу священную территорию. Но он просчитался! Советский народ не пал духом. Вместо погибших сынов Отчизны в строй встают все новые и новые воины. И лучшая часть из них – вы, младшие командиры, в совершенстве владеющие навыками обращения с грозной военной техникой, знающие тактику и стратегию современного боя. Именно вы и сломаете хребет ненавистному врагу. Уральский рабочий класс готовит достойный ответ мировому империализму во главе с зарвавшейся кликой гитлеровцев. В рекордно короткие сроки вагоностроители Нижнего Тагила вслед за уралмашевцами осваивают массовое производство танков Т-34. Это – неимоверно грозная машина. Двигатель – пятьсот лошадей, идет по любому бездорожью, точно поражает как неподвижные, так и перемещающиеся цели. Вам в скором времени предстоит возглавить экипажи, в кратчайшие сроки обучить подчиненных и гнать ненавистного врага с нашей территории до самого Берлина. Вас ждут слава и ордена, а народы порабощенной Европы с надеждой взирают на всех нас как на своих освободителей от обожравшейся кровью гидры мирового империализма-агрессора. Я сам возглавлю танковый полк и поведу вас в бой, это произойдет максимально скоро! По вагонам!

Фильтрационный пункт для перемещенных лиц на Урале. За неимением специального помещения его разместили в школе. Прохаживается часовой, на скамейках перед зданием расположились вызванные на допрос. Лазарь и Марик с тоской глядят на школьное футбольное поле.

– Та ты не журись, Лазарь! Обойдется! – Марик, как может, пытается поднять настроение другу. – Ще много голов мы с тобой загоним.

– Та я не за себя. Твои успели смыться? – спрашивает Лазарь.

– Аж до Ташкента дочапали! Сестру узяли ув местный театр – малевать афиши, пока шо усю семью кормит дивчина. Там не очень-то шорники чужи нужны – то ли не доверяют, то ли лошади – все больше по аулам. Которых еще не пожрали. А отец всю жизнь с коньми, больше ничого робить не може.

– А я про своих ничого не маю. Как воны там?

– Да твий батька разе не выкрутиться? То ж Мендель! Не то шо хто-нибудь...

– Одна надежда на його. Мать-то больна, сама на своих ногах далеко не уйде...

– Кройц! – выкрикивает с крыльца очень высокий офицер с тремя кубиками в петличках в ладно сидящей на нем форме НКВД – синяя фуражка с красным околышем, ярко начищенные хромовые, по-щегольски короткие сапожки, брюки-галифе выглажены – о стрелку обрезаться можно. – На беседу к старшему майору! Приготовиться Полояну!

Они идут по коридору школы, офицер интересуется:

– Футболист, говоришь?

– Было – угрюмо отвечает Лазарь.

– А за кого играл?

– Да вот... за киевское «Динамо» пригласили. Не успел.

– Ух ты! Из молодых – да ранний! Ты теперь на Урале. Ничего не бойся. За наше «Динамо» сыграешь, если здесь оставят.

– В качестве кого? Заключенного лагеря для перемещенных лиц?

– Не спеши, ты еще не заключенный. Скажу по секрету: большинство проверку прошло замечательно хорошо. Во всяком случае, вы с Полояном – чистые. А одного гада засланного мы все же выловили – выдавал себя за рабочего с «Уралмаша» – дескать, в отпуску был, от поезда отстал. А на «Уралмаше» уже полгода никого в отпуск не пускали. Да и об этом козле слыхом не слыхивали. Раскололи мы его! Хотел на оборонный завод втереться. Или – в часть. Так что у вас-то с Марком будет выбор.

– Он – не Марк. У него такое полное имя – Марик. Чисто наше, еврейское.

– А мне, старлею Чапиге, не один хрен? Вы оба учтите, раз футболеры: у нас в воскресенье матч с «Металлистом». Война войной, а спорт по расписанию. Команду набираю. Пойдешь?

– Было у меня уже одно воскресенье. Сыграли, называется... Поезд час стоял на мосту через Днипро – будто специально для того, чтобы нас разбомбили.

– Ну а немцы что?

– Кидали бомбы. Да не попали ни разу.

– Те еще снайперы! Это ж не наши соколы! Немчура поганая! Ничего, к следующей весне с ними разделаемся! Я вот уже и рапорт подал – на фронт хочу. В танкисты. А то все вернутся с орденами, медалями, а Чапига что, рыжий... в тылу кантоваться?

– Марик вон и правда рыжий, а тоже орденов жажде.

– Я тебе опять по секрету скажу – и у тебя есть шанс стать танкистом. И не у тебя одного. Ну, об этом вам начальство само поведает. Ты там ушами не хлопай. Думай, что к чему, когда на вопросы станешь отвечать. Больше слушай, чем говори.

Нижний Тагил, здание управления «Уралвагонзавода». Молодые офицеры сгрудились вокруг мольберта... Среди них мы видим знакомые лица уральских футболистов. За мольбертом сидит солидный, в годах художник и пишет портрет со стройного, высоченного, под два метра, с прической «зачес ото лба назад» человека в строгом деловом костюме при галстуке. «Модель» заметно нервничает, украдкой поглядывая на наручные часы.

– Товарищ Максарев, мы же договаривались: сорок минут в ваш законный обеденный перерыв – мои, они как бы уже даже вовсе и не ваши. До тех пор, пока портрет не будет готов! – опасливо-недовольно бурчит художник.

– Дорогой вы мой академик! Ну нет у меня этих сорока минут! И обеда как такового тоже не бывает. Я всегда на ходу ем незнамо что. Особенно с тех пор, как война началась. А сегодня... Вот-вот Зальцман приедет! Будет мне тогда и кисть, и масло, и весь портрет... в одно место. С привеском!

– Замнаркома – фигура, безусловно, солидная, но по сравнению с вечностью – тоже миг, как и все мы – невозмутимо парирует художник, не отрываясь от мольберта. – Вот и ваш партком это понимает, раз принял разумное решение увековечить руководителей предприятия силами нас, эвакуированных художников из славного города на Неве. И начать решили, как

и положено, с первого лица. То есть – с вас, милый вы наш Юрий Евгеньевич. Если что, не беспокойтесь, я похлопочу: мы с товарищем генералом, Исааком Моисеевичем, как-никак, земляки.

– Да если бы не партком, сидел бы я тут, как же! А насчет Зальцмана... не обольщайтесь. Он на «Уралмаше» такого разгону дал – небу жарко стало!

– Стало быть, поделом! Начальство так просто ругаться не станет – не тот в нем форс! Да еще такой большой человек: и генеральный директор Кировского завода, и замнаркома. Вы не смотрите, что в нем всего-то полтора метра росту, не то что вы у нас – гигант. Мал золотник – да дорог!

– Да какой из меня гигант? Сорок четвертый размер ношу... всего-навсего. Скоро штаны спадать начнут.

– Зато у вас стать – вылито-аристократическая. Это я вам как мастер кисти говорю, уж поверьте мне на слово. Зальцман, в отличие от вас, другим берет, как говорится, в полон – у него умище на троих господь бог отмерил. Не зря же его Иосиф Виссарионович отличает. Кого другого на Урал не пошлют с нуля танки научить делать бывших вагоностроителей. Где у того вагона может быть пушка, вы хоть до войны думали? То-то!

– Тем более: невысокие люди всегда честолюбивы. Так что... Схлопочу я у него сегодня по первое число. Будете тогда портрет по памяти дорисовывать.

– Портреты не рисуются... Портреты пишутся! Не беспокойтесь: сказал, похлопочу, так уж не сомневайтесь.

– Ага! Так генерал вас и послушал! Да и ни к чему это...

– Говорю же, не переживайте! Исаак Моисеевич – очень интеллигентный человек. Хоть и целый генерал. А вы, случаем, не генерал?

– Да куда мне...

– Мы у него на Кировском тоже галерею передовиков писали целой бригадой – и ничего, на все времени хватало.

– Так ведь тогда войны не было! Не то что сейчас...

– Война была всегда! Просто вы раньше к ней не имели отношения по своей сугубо гражданской специальности. Неужто забыли про Хасан, Халхингол, Испанию? – лукаво сощуривается художник и горделиво поворачивает мольберт лицом к «модели». – Правильно я уловил властные черты директора завода, а? Что скажете, Юрий Евгеньевич?

– Замечательно! Хотя не мне судить, я – простой инженер. Только вот не понимаю: почему нельзя было все то же самое делать непосредственно у меня в кабинете? Сижу тут посреди завода... как дырка на картине. Что народ подумает? Все вкалывают круглые сутки, а директору больше заняться нечем?!

– По двум причинам, – веско-утвердительно и в то же время извиняющимся тоном отвечает художник. – Во-первых, ваш кабинет выходит на северную сторону – свет падает неровно, полосами. Во-вторых – там вам позировать не дадут. Одних телефонов я насчитал четыре штуки. И все трезвонят с утра до вечера!

– И ночью тоже! – соглашается Максарев. – Такая вот моя директорская жизнь!

К группе молодых офицеров подходит бравый вояка со шпалой в петличке, с двумя орденами Красного Знамени, с кожаной планшеткой на боку.

– Внимание, товарищи офицеры! Я – командир танковой роты капитан Горбулия Захар Христофорович. Ваш командир роты. То есть подразделения, которое нам с вами еще предстоит сформировать. – Его круглое лицо с крупными чертами, румяные, гладко выбритые щеки излучают свежесть и здоровье, и только внимательно приглядевшись, можно заметить под глазами мешочки и сеть морщинок у висков. – Я из города Гори – как и товарищ Сталин. Но это я так, к слову. Скажу сразу – помешан на машинах, всех подряд. В родном городе не было автомобиля, на котором я бы не прокатился. Чаще – без спросу. Мама меня родила на свет, чтобы я ногами не ходил, а на педали нажимал. А танк, я вам доложу – первоклассная машина. Он воплощает в себе всю многолетнюю практику автомобилизма. И его историю. Мы сейчас пройдем в сборочный цех, готовая продукция нас ждет. Там же я познакомлю вас с будущими членами ваших экипажей. Вопросы есть?

– За что ордена, товарищ капитан? – спрашивает настырный Сусляков.

– Хороший вопрос! Вы должны знать, кто вас поведет в бой. Как фамилия? Доложи по форме!

– Сусляков.

– Неправильный ответ. Говорить надо «младший лейтенант Сусликов». Уловил? Ты же не просто гражданин, а целый офицер непобедимой Красной Армии! Любимец партии и всего советского народа!

– Так точно, товарищ капитан.

– И давай постараемся, младший лейтенант Сусликов...

– Сусляков. – наконец-то обижается тот.

– Ничего, привыкну, – не смущается Горбулия, – чтобы в скором же времени мы с тобой могли бодро докладывать: «Гвардии старший лейтенант Сусляков». Тогда и путать не будут. И, естественно – «гвардии полковник Горбулия». А по существу вопроса... Первый орден, – Горбулия указательным пальцем касается ордена слева, – бой за Мадрид. Я там был – только не смеяться! – Хулио Мачидос. Имя у меня было такое – Хулио. На местный лад.

Все равно среди молодежи пробегает легкий смешок. А Горбулия невозмутимо продолжает.

– Эта отметина, – он снова коснулся пальцем, на этот раз – золотистой нашивки за тяжелое ранение, – оттуда же. Полумертвого ребята из танка вытащили. Второй орден – озеро Хасан. За Халхингол – только медаль, я ее не таскаю, мешает при надевании комбинезона. Не то что ордена!

– А танк действительно надежная машина? – задает вопрос кто-то из группы офицеров. – Мы ведь только на старых учебных и ездили. И то маловато, честно сказать...

– Поясняю, – с готовностью разъясняет Горбулия. – Обычно кузов любого автомобиля разрабатывается таким образом, чтобы при ударе передняя и задняя части, сминаясь, гасили энергию удара, а жесткая клетка салона оставалась невредимой. А танк – особая статья: он призван давить и не сминаться ни перед каким препятствием. Так что опасен он только для врагов. Тем более что уральцы придумали сверхпрочную броню еще когда Т-34 начинали делать на «Уралмаше». Сразу несколько Сталинских премий за это выдали головастым мужикам.

– А вот еще, товарищ капитан... – начал было другой младший командир. Но Горбулия его прервал.

– Вперед, командиры! Конвейер не ждет: до тридцати и больше «коробочек» в день сходят, каждые полчаса новая боевая единица соскакивает. Мы с вами еще наговоримся. И на танках накатаемся от пуза. Вот сюрприз так сюрприз Гитлеру: он-то на Урал не грешил, что здесь такие... ухари проживают. На ровном месте танковое производство наладили, не то что его всякие там Круппы. Им на это десятилетия понадобились! А мы раз – и меньше чем за полгода конвейер наладили.

Уже на ходу Горбулия придерживает за рукав Романа.

– Романов, тебе будет особое задание. По части реабилитации духа личного состава. Среди тех, кого будем отбирать, есть парни, прилично игравшие в футбол. Их война в Киеве застала. Так что можете со своими ребята-

ми сколотить спортивные экипажи. Заодно и поиграем, пока на фронт готовимся.

– Сказки какие-то...

– И ничего не сказки. Наслушались бредней про злых командиров-фронтовиков! Мы злые с теми, кто того заслуживает. Да, и вот еще что... Когда будете с теми парнями общаться, с Западной Украины... Рекомендую поменьше расспрашивать об их личной жизни. Мы кое-что знаем, да до поры помалкиваем. Среди них есть, например, яркий такой парень, еврей по нации... И футболист отличный, и языки знает, и по заграницам с отцом-коммерсантом накатался вдоволь, да и учиться собирался поступать где-нибудь в Европе, как тут его за киевское «Динамо» играть пригласили. Представляешь, какой разносторонний талант? Кабы не эта бойня... В общем, беда у него с семьей. Боюсь, не случилось бы... непоправимое... У него родителей вроде как немцы арестовали. Но он еще ничего не знает. Да и у многих из них такое же в семьях произошло. Так что поаккуратней с ними: нам из них танкистов делать нужно. Сильных духом!

– Как его фамилия?

– Сейчас посмотрю. – Горбулия на ходу лезет в планшетку. – Вот. Кройц. Лазарь... Менделеевич. Чудные у них имена-отчества, у этих ... нерусских. Видать, отца в честь ученого Менделеева назвали. Ну да ничего, привыкнем. Враг у нас общий. В атаке все равно: кто хохол, кто русский, кто еврей там или грузин. Важно, на чьей ты стороне! И в чью глотку готов вцепиться.

– Уж такой парень за двоих драться будет.

– А наша с тобой задача – обучить его как следует!

Улица западноукраинского городка. Глухая ночь. Поздняя осень, листопад. Неслышно – копыта лошадей обмотаны тряпками – со двора уже знакомого нам дома выезжает подвода, груженая скарбом и знакомая пролетка с людьми – Мендель, Нисса, Руфина, еще две женщины. Пролеткой правит Мендель, Тарас – подводой. Пролетка притормаживает. Мендель и Нисса оглядываются на крест-накрест заколоченные двери своих магазинов. Мендель тяжело вздыхает, трогает лошадей.

Рынок того же городка днем. Идет натуральный обмен. Вещи – пиджаки, рубахи, седла, сбруя – обмениваются на мед, масло в бочонках, шматки сала. Редко-редко мелькают деньги – они сейчас не в цене. Иногда взгляд отмечает немцев, в основном они – в простой полевой солдатской форме, офицеров здесь нет. Сквозь толпу к Тарасу протискивается кряжистый мужик с белой повязкой полицая на рукаве серого заношенного пиджака. Брюки заправлены в сапоги, давно не стираная рубаха, трехдневная неаккуратная щетина на наглой лупоглазой роже, кепка-шестиклинка. Тарас одет тщательнее: темный выглаженный костюм, начищенные до блеска ботинки, прическа на косой пробор.

– Привет, родич, – обращается заросший. – Хай живее да пасеться.

– Чого тоби, Незавибатько?

– Иде жидив поховал? На хуторе?

– А тоби шо?

– О то! Слыхал? Бургомистр указивку написав: усе имущество непрописанных отходит тому, хто його, жида того, сдав властям. Так шо думай – не ты, дак я. Воны мне не родычи. К нам, в полицию, думаешь прийти, чи шо? А то, бачь, кабы и тоби не того... Не то время, шоб комиссарив ждать.

– А хто их жде?

– Во-во. Думай, смекай. Не я водын про тоби и цих жидив знайю.

Сборочный цех «Уралвагонзавода». Танки, танки, танки... Деловой, рабочий ритм. Офицеры смотрят, как скатывается с конвейера очередная боевая машина. О чем-то говорят между собой, за грохотом в цеху их слова не слышны.

Очередная машина скатывается с конвейера. Из нее вылезает человек в гражданской одежде, но в танковом комбинезоне и шлеме. Подходит к мастеру, кричит ему в ухо, чтобы тот расслышал.

– Мне самому танк на полигон гнать?

– Брату отдай. Вы все равно – на одну рожу. Какая разница? И сходи в механический. Чего они там канителятся? Опять по начальству жаловаться?

К ним степенно подходит третий мужчина, как две капли воды похожий на того, кто только что покинул боевую машину.

– Сымай комбез, младшой. Моя очередь.

Младший отдает комбинезон, остается в рабочей спецовке, идет в механический. В механическом цехе мы видим заметно повзрослевших Лиду и Наташу. Они стоят за токарными станками, сосредоточенно точат шаровые поверхности. Младший по ходу шлепает Лиду по попке. Та не глядя пинает его, снимает очки.

– Без пряников заигрываешь?

– А ты пряников-то стоишь?

– Стою не стою – проходи мимо!

– На каток седни пойдешь?

– А и пойду, дак без тебя.

– Ой, девка! Гляди, пробросаешься...

– Такого добра на мой век хватит!

– Какого такого?

– Кто от фронта по тылам прячется. Нормальные мужики на фронт рвутся. Как мой отец.

– Да ты! Знаешь, сколько я рапортов написал? Бронь – и все тут!

– А ты сбеги! Тогда, может, и на каток с тобой сходим. После войны!

Улица западноукраинского городка. Дом Менделя и Ниссы. Солдаты сбивают вывески магазинов, вешают табличку на немецком языке «Комендатура». За работой наблюдает офицер в эсэсовской черной форме. Тут же неподалеку крутится Незавибатько.

– Пан официр! Цэ ж моя хата тапереча. Вы ж обещали! Я ж усе сделав як надо – и показав, иде жиды хованються, и сам их повязав.

– Пока здесь будет комендатура, – на хорошем русском отвечает офицер. – Вот уйдем вглубь России – получишь свое.

– Вы на русском хлеще москалей размовляете...

– Немецкий офицер всегда знает язык вероятного противника. Дуй отсюда, не мешай мне. Для вас же стараемся! Нехорошо быть таким жадным, хохол. Один умный человек сказал: если удовольствия теряют свою остроту, то и огорчения становятся не такими уж болезненными. А это ведет к деградации личности.

– Так я же ж...

– Ты еще мало что сделал для великой Германии! – повышает голос офицер. – Не беспокойся, у немцев орднунг – в крови. Порядок то есть, понял? Твои труды не забудутся. Старайся – и станешь богатым человеком. Если доживешь, – и он вызывающе смотрит на полицая. – А то ведь кое-кто из ваших и в леса ушел, поговаривают. Партизанить.

– Та мы йих...

– Сперва найдите, брехуны. Это ж не старики с бабами. Знаемы вас, патриотов нового порядка. Только за нас, немцев, и держитесь. Как дитя за мамину юбку. Вали отсюда, не отсвечивай...

(Продолжение следует).

НЕСЛУЧАЙНЫЙ РАЗГОВОР НА МОН-РУАЯЛЬ

Владимир ШКЕРИН,

г. Екатеринбург.

Рисунки автора.

Он сразу понял, что за ним следят. Он ждал этого. Еще в Союзе специальный товарищ, проводивший инструктаж перед загранкомандировкой, предупреждал: «Вы направляетесь в капстрану. Остерегайтесь провокаций!» И вот, как оказалось, не зря.

Этого седовласого господина Марк Иванович заметил днем раньше в советском павильоне грандиозной всемирной выставки. В центре всеобщего внимания там были два павильона: американский в виде ажурного шара и советский павильон-трамплин. Один советский обойти и то ноги до попы сотрешь, глаза насквозь просмотришь. Стенд же их предприятия скромненько притулился в уголочке. На стенде работали три сотрудника: инженер Марк Иванович, парторг Валерий Павлович и Валентина Петровна, экономист и по совместительству жена парторга. В иностранных языках все трое были не сильны, так что в основном широко улыбались и раздавали буклеты. Иногда к ним забегал кто-нибудь из переводчиков. Но проблемы с языками имели почти все советские стендисты, переводчики носились по павильону как угорелые и подолгу нигде не засиживались. К тому же их заводской стенд посетители особо не жаловали. Для несведущего человека тут не было ничего интересного: блестящие бруски различных цветных металлов и сплавов, детали и катушки проволоки. Глядя на всевозможные чудеса в иных отделах, Марк Иванович и сам удивлялся, что кто-то в Москве отобрал продукцию их уральского завода для такого ответственного мероприятия.

И вот явился этот седой господин в мягком вельветовом пиджаке, с ярким платочком на шее. Поначалу вел себя как обычный человек: подошел, скользнул скучающим взглядом по брускам и катушкам.

– Вэлкам! – провозгласил Валерий Павлович и развел руками в стороны: мол, всё для вас.

– Зэ буклет! – незамедлительно поддержала своего благоверного Валентина Петровна, одаривая буржуя оскалом и буклетом.

Буржуй взял цветную книжечку, кивнул и вроде уже собрался топать дальше, но тут его взгляд упал на бейджик на груди у молча улыбавшегося третьего стендиста: «Mark I. Khramtsov». В этот самый момент Марк Иванович с удивлением заметил, как вспыхнули глаза у господина... А, впрочем, почему Марк Иванович? Никто его так не называл. Этого и выговорить-то невозможно на трезвую голову. Особенно в цехе, когда вокруг вой, визг и грохот, и приходится кричать друг другу в самое ухо. Цеховой народ и не пытался: поглотал лишние звуки, получилось «Маркианыч». Уважительно и по-свойски. Так вот, глаза седовласого загорелись на бейдж Маркианыча, как у голодного на колбасу. Затем взгляд незнакомца поднялся на лицо советского инженера. И показалось, что это не взгляд, а тысячеградусный электрод в снопе брызг расплавленного металла сваривает воедино собственные черты Маркианыча с чьим-то неведомым обликом.

Пауза затянулась, парторг с партогшей заерзали. Наконец седовласый очнулся, еще раз кивнул Валерию Павловичу, приветливо помахал буклетом Валентине Петровне и пошел себе прочь. Однако еще неоднократно в тот день Мар-

кианычу чудился пристальный взгляд, издали наблюдавший за ним то из одной, то из другой группы беспечных экскурсантов.

Это было вчера. А сегодня случился неожиданный выходной. Для чего-то дирекции павильона временно понадобились свободные площади, вот непопулярный заводской стенд и решили прикрыть на день или два. Стендисты не расстроились и договорились прогуляться, город посмотреть. Перед выходом из отеля Валерий Павлович попросил Маркианыча захватить с собой синюю спортивную сумку. Зачем? А водку свою в нее положишь. Зачем? Ну, мало ли... Тебе что – немного лишней валюты повредит? Да, вроде, не повредит. Вот и возьми... К двум бутылкам Маркианыча парторг присовокупил три своих. Для плеча получилось чувствительно, но народ и партия, как известно, едины. Не откажешь.

Вначале направились в сторону порта. Бродя по старым узким улочкам, долго искали какой-то загадочный бар. Не нашли, зато вдоволь наглазелись на витрины многочисленных в портовом районе секс-шопов. Сквозь стекло было видно немного, но и это немногое позабавило. Особо приглянулась керамическая кружка с надписью «To my best friend!» на боку и с поднимавшимся от днища белым фаллосом внутри.

– Давай, Маркианыч, купим вскладчину, отвезем нашему Шинкаренко в подарок, – давился хохотом парторг. – Еще и кофейку бразильского нальем. Он пить начнет, а тут, ексель-моксель, такой перископ... Вот хохма-то будет!

Внутрь, однако, войти так и не решились. Да и денег, откровенно говоря, было жалко. В результате сами привлекли внимание стайки длинноногих девиц в ультракоротких юбках. В витрине секс-шопа девицы, очевидно, не видели ничего необычного, а вот почтенные хохотуны у этой витрины показались им чудными.

– Шалавы! – вынес суровый приговор Валерий Павлович и повелительно махнул рукой: – Идемте, товарищи. Нет тут ничего интересного.

Потом, подчиняясь веселому задору Валентины Петровны, поперлись пешком на гору Мон-Руаяль. Шли по узкой асфальтовой дороге посреди густого лиственного леса – впереди счастливые супруги, за ними Маркианыч с сумкой. Когда добрели до вершины, те двое нацелились на смотровую площадку, дабы обозреть иностранный город с высоты птичьего полета. Маркианыч же заартачился: он де лучше в летнем кафе посидит, стаканчик газировки выпьет. И отсюда, мол, все прекрасно видно. Парторг с парторгшей удивились и, предупредив баламута, чтоб из кафе ни ногой, отошли.

Оставшись один, Маркианыч занял место за металлическим столиком, скинул с плеча предательски звякнувшую сумку и с помощью меню и указательного пальца объяснился с официантом. Дождался воды, отхлебнул из высокого тонкого стакана и обвел блаженным взором окрестности. Он просто физически ощутил, как миры внешний и внутренний пришли в долгожданную гармонию... Увы, лишь на мгновение! Быстрым твердым шагом к его столику уже направлялся седовласый господин в вельветовом пиджаке.

* * *

Чем Маркианыч мог заинтересовать иностранную разведку, он, пожалуй, и сам не понимал. Да, начальник прессово-волочильного цеха на заводе по обработке цветных металлов. Но ведь не в оборонке же! Хотя, с другой стороны, в каждом современном танке столько никеля, кремния, хрома, марганца, молибдена... Половина периодической системы Менделеева и половина танка. Стоп! Не психовать, главное, не психовать. В таких ситуациях нужно уметь взять себя в руки и вспомнить всё с самого начала. Проанализировать...

Черт его занес в эту командировку! И имя этому черту – секретарь заводской парторганизации Валерий Павлович Свистунов. Как-то после планерки у директора парторг махнул рукой в сторону своего кабинета: зайди, мол. Маркианыч тогда решил, что речь пойдет об очередной «инициативе снизу», о «встречных планах». И не угадал. Парторг принял значительную позу и заговорил о том, какой честью для предприятия стало включение его представителей в советскую делегацию на выставку в канадском городе Монреале. Представителей будет трое: один от производственников, другой от плановиков-экономистов, чтобы могли ответить на соответствующие вопросы посетителей, а в качестве руководящей и направляющей силы поедет сам Валерий Павлович, дабы двое первых не сболтнули лишнего. И принято решение (тут парторг показал глазами на потолок и подвесил значительную паузу), что таким производственником поедет товарищ Храмцов. Маркианыч засомневался, попробовал отказаться, но робкую его оборону Валерий Павлович смял с налета. Да еще под конец добавил: «Ты коммунист, значит, должен в полной мере понимать диалектику жизни, правильно оценивать и объяснять ее для других!» Где он только тарабарщину эту подхватил? Но слышал ее Маркианыч, ох, не впервые! Как только партийно-заводской вожак хотел подчеркнуть важность момента, так выкатывал грудь колесом, пучил глаза и к месту иль не к месту провозглашал это свое «ты коммунист...»

И началась в жизни Маркианыча черная полоса подготовки к зарубежному вояжу. Перво-наперво пришлось брать характеристику от месткома: «Товарищ Храмцов М. И. принимает активное участие в общественной жизни, политически грамотен, морально устойчив, скромен и дисциплинирован, пользуется авторитетом и уважением коллег...» Ага, кто бы ему еще дал эту характеристику! Валерий Павлович так сходу и отрезал: «Не маленький, сам напишешь. А мы с директором и профоргом завизируем и круглой печатью заверим». Маркианыч пыхтел над этим произведением два вечера кряду: сомневался, достаточно ли он политически грамотен и морально устойчив, искал в себе отдельные не-

отродясь не знал. Спецтоварищ белозубо рассмеялся и дружески хлопнул его плечу:

– Тогда и беспокоиться не о чем! Лучший способ сохранить тайну – не знать ее.

И вот теперь, наблюдая, как к нему приближается вельветовый господин, Маркианыч засомневался в себе самом. А точно ли он не знает никакой государственной тайны?

* * *

Бдительность изводила Маркианыча с момента прибытия в Монреаль.

После бесконечно долгого перелета через Атлантику в аэропорту делегацию встретил отстраненно-вежливый молодой человек, усадил в иностранный автобус и доставил в многоэтажный отель у подножья горы Мон-Руаяль. Той самой горы, что поделилась именем со всем городом. По пути объявил, что сегодня вечером все свободны, что ключи от номеров они получат на ресепшене и что завтра утром предстоит общий сбор в холле. Слова «ресепшен» народ не понял, но переспрашивать не решился. Да и к чему волноваться, когда руководит ими такой самоуверенный лощеный молодец?

Поднявшись в комнату и не обнаружив в ней никакого современного шпионского оборудования, Маркианыч решился принять душ. В его уральском городе горячая вода в летний период традиционно отсутствовала, да и в московской гостинице краны, пошипев, выдали лишь струю холодной ржавой жидкости. Здешний кран поначалу озадачил тем, что вместо двух вентилей по бокам имел лишь один по центру. Маркианыч повозился, покрутил эту одинокую деталь и сообразил, что вентиль нужно вытянуть на себя, тогда пойдет вода, а уже затем вращением по или против часовой стрелки можно добиться желательной температуры.

Немного позднее, докрасна растирая чистое тело мохнатым белым полотенцем, Маркианыч уже поглядывал на телевизор (задаром его можно включить или имеется какой-то счетчик?), когда зазвонил

достатки. Помимо характеристики пришлось заполнить особую анкету, а в ней перечислить всех живущих и уже усопших родственников, особо подчеркнув, что за границей он, Марк Храмцов, никого из родни «не имеет». Ну, и много еще чего.

Потом бумаги Маркианыча ушли в горком, обком и иные высшие сферы. Когда же все визы были получены, спецтоварищ пригласил его в спецкабинет и выдал для ознакомления «Правила для выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны». И пока Маркианыч, скрючившись на неудобном стуле, изучал эти правила, спецтоварищ визуально изучал его самого. Маркианыч ерзал, потел и вообще очень нервничал, смысл прочитанного постигал с трудом: «Советские граждане должны постоянно проявлять политическую бдительность, помнить о том, что разведывательные органы капиталистических стран и их агентура стремятся получить от советских граждан интересующие их сведения, скомпрометировать советского человека, вплоть до склонения к измене Родине. В этих целях разведки империалистических государств, используя современную технику, применяют методы подслушивания, тайного наблюдения и фотографирования, а также методы обмана, шантажа, подлогов и угроз...».

– Ознакомились? – строго спросил спецтоварищ.

– Да... Вроде бы ознакомился.

Спецтоварищ отобрал «Правила», дал подписать какие-то бумаги, затем встал, крепко пожал руку и выразил уверенность, что на чужбине товарищ Храмцов не уронит чести и достоинства, не утратит бдительности, а также будет строго хранить государственную тайну. Маркианыч заверил, что не уронит и не утратит, только вот насчет последнего пункта смутился, потому что никакой гостайны

телефон. «Странно, – насторожился Храмцов. – Наверное, ошиблись». Но аппарат трезвонил не умолкая, и Маркианыч осторожно поднял черную трубку.

– Да?..

– Алё, Храмцов! – закричала трубка.

– Вы кто? Я тут никого не знаю!

Последнее предложение он оттараторил скороговоркой: «Ятутникогонезнайу».

– Знаешь, знаешь, – зловеще заверила трубка. – Это Валерий Палыч звонит. Из своей комнаты.

Уф-ф!! Отлегло...

– Как это? Откуда знаешь номер этого телефона? Я сам его не знаю.

– Этого не знаю, того не знаю... А вот партия все про тебя знает, – заверила трубка и смилостивилась: – Эх, и простак ты, Маркианыч! Последние цифры телефонного номера совпадают с номером твоей комнаты, а первые – общие для всей гостиницы.

– А-а...

– Слышь, Маркианыч! Что-то у меня в душе неладно.

– Где?

– Да, не в душе́, а в ду́ше. Души у меня вовсе нет, я ж атеист. А вот тело требует гигиены. Валентина Петровна помыться решила, а в кране вода ледяная. Ну, такого ж в буржуйской гостинице быть не может! Ты разобрался с системой?

Ах, вот в чем дело: инженер человеческих душ с техникой не в ладах! Вроде бы в одном политехе учились...

– Ладно, ладно, – не без высокомерного злорадства проурчал Маркианыч. – Щас приду, выручу. Какая у вас комната?

И, одев пижаму и шлепанцы на голу ногу, вышел в коридор. Отличная, между прочим, пижама, в крупную полоску, носилась всего-то два раза: в болгарском санатории да когда в больнице с сердцем лежал. Парторг жил на два этажа выше, так что пришлось вызывать лифт. Подождал, повертел головой, посмотрел на висевшие в холле фотографии. Лифт звякнул, двери распахнулись и... В кабине столбами стояли двое мужчин в строгих смокингах и дама в вечернем темном платье с большой матово блестевшей брошью на остром плече. Физиономии у всех троих вытянуты, будто перед ними человек не в пижаме, а в сатиновых семейных труселях до колен. Молча пучили глаза на Маркианыча, ну а Маркианыч – взаимно на них. Долго так продолжаться не могло. Начальник прессово-волочильного цеха решительно шагнул вперед, по-военному выполнил поворот кругом и вдавил большим пальцем нужную кнопку. Расфуфыренные западники за его широкой спиной, кажется, и дышать забыли. Благо, ехать было недолго. Звяк, шаг, звяк и вот оно – спасительное коридорное одиночество.

– Твою ж медь!

Руководство его как морально устойчивого характеризовало, печать гербовую ставило, а он в первый же вечер стриптиз в лифте устроил. Маркианыч даже пижамные карманы проверил и сзади за резинкой штанов пальцем провел: не сунул ли кто денежку за представление? В стриптиз-барах такое практикуется, он слышал... Пройдя быстрым шагом до конца длинного узкого коридора (он бы и побежал, да опасался тайного наблюдения и фотографирования), Маркианыч нашел лестницу (конечно, в высотном здании по пожарным правилам имелась лестница и, конечно, по ней никто не ходил) и тут уж точно припустил на свой этаж. Спустя десять минут он стоял на пороге свистуновского номера в костюме, белой рубахе, при галстуке и выставочном бейджике на лацкане пиджака.

– Ты чего это так вырядился? – от удивления Валерий Павлович чуть из пижамы не выпал. – Собрался куда? Один?! Ко мне-е, чтобы кран посмотреть? Уважаешь, в смысле... Ну-ну, правильно, давай уважай, – парторг заметно размяк. – Только с водой-то мы уж сами скумекали. Вон Валентина за дверью плещется чисто утка. Но ты, Марк, все равно заходи. Раздавим пузырек столичной за успех нашего, так сказать, безнадежного...

* * *

Ну вот. Водочка, полбуханки московского бородинского, банка балтийских шпрот с черной этикеткой. Все культурненько, на газетке «Советский спорт», чтоб ненароком казенный стол маслом не заляпать. Нет, господа, вашему западному да наше советское нипочем не пересилить! Мы мирные люди, но наш бронепоезд парампарарам-подпарам... Лишь бы Валька раньше времени из ванной не вышла. Телеса у ней обширные, пока натрет-намоет, мы тут не по разу порадуемся.

– Давай, Маркианыч! Вишь, как жизнь поворачивается? Считай, на чужой планете честь родного предприятия защищать будем! Не каждому дано, ексель-моксель...

Валерий Павлович заглотил порцию спиртного, отправил вослед ей золотистую рыбку и пристально, с прищуром поглядел на собутыльника. Понимает ли, осознает ли, как ему повезло? По-хорошему на выставку вместе с парторгом должен был ехать директор завода Елисеев. Но у того в анкете пунктик: арест в тридцать седьмом и два года лагерей. Тогда в тресте «Уралцветмет» троцкистское гнездо искореняли. Позже, уже при искоренении перегибов в работе правоохранительных органов, Елисеева реабилитировали и даже партбилет вернули. А пунктик все равно остался. Во всяком случае, даже в соцстраны не выпускали. Мало ли чего, вдруг не осознал и против партии не разоружился? Ну, и возраст, конечно, заслуженный отдых на носу.

Следующий претендент на поездку, главный инженер Шинкаренко, скрытым врагом советской власти, конечно, не был, зато уж очень баб любил. И они его – что характерно – тоже. Хохол был красив, этого не отнять, но на зыбкой для коммуниста почве персональной красоты вовсе с глузду съехал. Волосы гладенько зачесывал назад, мазал их постным маслом для крепежа и блеска, под носом носил кляксу иссиня-черных усов и на подбородке – нечто вроде белоснежного заячьего хвостика. Когда мнения Валерия Павловича спросили в специальных кабинетах, он отвечал гипотетически: «А что ежели товарищ Шинкаренко по-

знакомиться там, к примеру, с иностранной актрисой Джиной Лоллобриджидой? Долго ли он выстоит против ее чар, прежде чем сдаст все секреты отечественной цветной металлургии?» Специальные товарищи достали из ящика стола замусоленную фотокарточку Лоллобриджиды (Аделины из «Фанфан-тюльпана»), посовещались и вынесли вердикт: «Недолго!»

Вскоре после этого Валерий Павлович и пригласил теперь уже в свой кабинет начальника прессово-волочильного цеха Храмцова и сообщил, что так, мол, и так: «Партийный комитет отобрал вашу кандидатуру для выполнения ответственного задания за границами нашей социалистической Родины. За время работы вы зарекомендовали себя с положительной стороны. Неоднократно проявляли эрудицию в производственных и технических вопросах. Решительно решали все проблемы в цеховом коллективе. Мы уверены, что вы и на этот раз оправдаете доверие и...» Ну, и так далее. Поначалу увалень, конечно, перетрусил. «На кой, говорит, мне эта заграница? Пусть себе загнивает без моего непосредственного участия. Чего я там не видел? Два года назад уже ездил с женой по профсоюзной путевке в Болгарию, ничего особенного. Да и в цеху дел невпроворот...» Тогда Валерий Павлович сдвинул брови и строго напомнил, что партия посылает его не абы куда и не дурака валять, а стендистом по информации на заграничную выставку.

И вот сидит теперь простой уральский инженер Храмцов в городе Монреале, водочку кушает. Кстати о водке. По правилам каждого советского гражданина в заграницу могут сопровождать две бутылки. Соответственно, у Валерия Павловича вдвоем с супругою – четыре. Теперь уже три. Да у Храмцова, наверное, две. Выходы в город им лучше осуществлять втроем, поскольку семейные пары и тем паче одиночки – лакомые объекты для провокаций и вербовки. С другими ходить тоже не стоит: Валерий Павлович хоть и парторг, да стукачок на каждого найдется. Бывалые же люди подсказали адресок одного здешнего ветерана: во время войны на морском транспорте служил – грузы по ленд-лизу в Мурманск возил, а теперь бар держит и русскую водку уважает. Оригинальный продукт возьмет за милую душу, что при командировочных в два канадских доллара на день пребывания совсем не лишнее. Только вот Маркианычу нужно эту мысль както поаккуратней донести. Поговаривают, что у него какие-то там корни дворянские, взбрыкнет еще...

Шум воды за дверью ванной комнаты прекратился, и женский голос фальшиво затянул из репертуара Эдиты Пьехи:

В Москве на выставке цветов
Увидел Иван Снежану,
И вдруг к нему пришла любовь
Негаданно и нежданно...

– Дорогая, у нас Маркианыч, – крикнул через плечо Валерий Павлович и подмигнул гостю: – Давай еще по одной. Оперативненько!

– Ну, ты, Валерик, даешь! – жеманно возмутилась свежевымытая Валентина Петровна, появляясь перед мужчинами. – Жена не одета, не накрашена...

И, правда, дородство ее с трудом прикрывал цветастый легкомысленный халатик. Однако долго возмущаться Валентина Петровна не стала и даже водки выпила. Ибо пребывала она здесь не в качестве женщины, но как заместитель начальника планово-экономического отдела. На тот случай, если западные специалисты поинтересуются внедрением хозрасчета или производительностью труда на их предприятии. Тут-то Валентина Петровна и выдаст им точные и исчерпывающие показатели.

Одним словом, всех троих ожидало в Монреале выполнение большого и ответственного задания.

* * *

Остановившись в шаге от столика, седовласый приветственно поднял правую руку, словно коснулся невидимой шляпы.

– Прошу меня извинить. Вы – Марк Иванович Храмцов? Приехали из России, с Урала? Позвольте взаимно представиться: Александр Николаевич Горский.

Сказал хорошим русским языком, ну, может быть, с едва заметным акцентом. Маркианыч с удивлением отметил, что седовласый волнуется и решил держать себя с ним сурово.

– Вы следили за мной? – с вызовом спросил он, пристально вглядываясь в лицо подошедшего. Знаем, мол, про ваши козни, шантаж и угрозы. Предупреждены!

Седовласый на мгновение смутился:

– Да. Пожалуй, это так и называется. Следил.

– С какой целью?

Господин покосился на сиротливый стакан воды и вкрадчиво предложил:

– Могу я вас угостить? Коктейль или...

– Нет! – рубанул Маркианыч.

Спецтоварищ так и предсказывал: сначала коктейль, потом подарки семье, джинсы сыну... «Левис», например...

– Нет, не надо! – на всякий случай повторил инженер.

– Ну, как знаете, – развел руками седовласый. – А я бы бокальчик вина употребил. Если позволите, конечно.

Маркианыч машинально кивнул. Спохватился, да поздно. Господин присел за столик, подозвал официанта и заговорил с ним на чужом картавом языке. Из английского Маркианыч кое-что помнил со школы и института, да и перед поездкой слегка освежил затертые временем знания. Но французский язык был для понимания совершенно недоступен. О чем они? Ну, приспичило человеку за воротник залить. Чего ж обсуждать-то? А тут один что-то скажет, другой что-то ответит...

Наконец, официант удалился и принес на подносе большой бокал белого с золотым отливом вина. Седовласый пригубил, виновато улыбнулся:

– В горле пересохло. Рислинг из Онтарио. Может, все-таки... Ну, воля ваша!

Он, очевидно, тянул с началом разговора. Маркианыч тоже не торопил, посылая отчаянные взгля-

ды в сторону парторга. Но парторг с супругой свысока обозревали красоты чужого города и не замечали грозившей их товарищу опасности.

– Я ведь родом из Екатеринбурга. Из Свердловска по-вашему.

– Предположим. И что с того?

– Ваша правда, – как будто обрадовался условный Горский. – Не станем тянуть кота за хвост! Уместно ли здесь это выражение?.. Кажется, я хорошо знал вашего папеньку. Да-да, я понимаю: Храмцовы на Урале фамилия не редкая. Так вот, мы с Ваней Храмцовым учились в Екатеринбургской гимназии, а затем вместе служили в Сибирской армии. По-советски выражаясь, у Колчака. На гражданской войне наши пути-дорожки и разошлись. Моя увела в изгнание, а Ваня, как я после узнал, так и остался на Урале. Похоже на биографию вашего родителя?

Маркианыч молча склонил голову.

– Судьба свела нас еще раз в самом конце двадцатых. Я приехал в Союз как служащий британской компании «Лена Гольдфилдс», в концессии у которой состоял Сысертский завод под Екатеринбургом. Иван же в то время заведовал клубом в Сысерти. И если это действительно ваш отец, то мы с вами единожды уже встречались. Вы тогда были карапузом и, конечно, помнить ничего не можете.

– Ошибаетесь! – Маркианыч поднял на седовласого недобрый взгляд. – Такое сложно забыть. Слишком уж дорого обошелся нашей семье ваш визит.

– Что? – Горский растерялся. – О чем это вы?

– Об аресте родителей, – зло ответил Маркианыч. – Вероятно, сразу же после вашего отъезда. Ну, может быть, отца взяли чуть раньше, мать чуть позже. За связь с белоэмигрантом.

– А вы? Как же вы?

– Вначале меня приютила тетка, сестра матери. А после... Испугалась что ли, или что-то случилось, но я оказался в детском доме. Дальше рассказывать?

– Рассказывайте.

– Когда началась Великая Отечественная война, я уже был подростком. В сорок втором меня направили на работу в соседний город. Там как раз обустраивался на новом месте эвакуированный из Подмосковья прокатно-фольговый завод. Не знаю, было ли это название когда-нибудь официальным. Вроде нет. Во время войны завод считался номерным, а после стал называться заводом по обработке цветных металлов. С тех пор на этом предприятии и работаю. Даже в одном и том же цехе.

– Всю жизнь ходите через одну проходную?

В вопросе слышался какой-то обидный подтекст, поэтому Маркианыч, уже согласно кивнув, все-таки счел нужным уточнить:

– Это как сказать. Завод живет, растет, развивается. Помню, как первый раз попал в цех. На дворе зима, мороз тридцать градусов, а поскольку крыши над корпусом еще не было, то и внутри столько же. Кругом костры, жаровни с коксом чадят. Дыму как в кочегарке. Под ногами исковерканная земля, ямы, куски бетона от старых фундаментов. На территории грудами свалено грязное замасленное оборудование. Тогда все это представлялось мне полнейшим хаосом. Но люди находили в завалах нужное и как муравьи тащили в цех – без кранов и тракторов.

Маркианыч задумался, глядя сверху вниз на крыши Монреаля, на широкую стальную ленту реки Святого Лаврентия, на синие горы вдали.

– Да, как муравьи... Нас мальчишек – в большинстве своем эва-

куированных, оставшихся без родителей, – так вот, нас поселили в отдельном бараке. Поставили для присмотра взрослого мужчину, да девушки-комсомолки над нами шефство взяли. Люба, Фрося, Соня. Спецодежду и обувь выдал завод, а уж трусы и майки они нам шили из отработанной и выстиранной наждачной шкурки.

– Как это – трусы из наждачной шкурки? Наверное, я не так понял.

– Всё вы правильно поняли! – продолжал злиться Маркианыч. – У наждачки была тканевая основа, вот из нее и шили. Был среди нас один парнишка несчастный. Его на вокзале с поезда сняли, на ночь в камере с уголовниками заперли. Ну, а там... Еще и милиционер, что привез его из приемника-распределителя, не удержал язык за зубами. Мальчишки же, знаете, бывают жестоки. Парня начали дразнить, обижать. И все у него пошло наперекосяк. Хлебную карточку то ли сам потерял, то ли стащил кто. Слезы горькие! Как совсем живот подвело, сменял казенную обувку на хлеб. А утром бродит около проходной, плачет, чтоб его, босого, в завод пустили. Раз его хитростью провели, другой. В третий не удалось. Получился вроде как прогул без уважительной причины. За прогул же полагалось шесть месяцев колонии. Колонисты жили в отдельном бараке за колючей проволокой, а работали рядом с нами на заводе. Но парнишка так уголовных боялся, что в первую же ночь покончил с собой. Брючным ремнем удавился.

Тут Маркианыч сообразил, что говорит, пожалуй, не то. Ну да, был парнишка, сгинул. Жалко. Нужно ли про это знать зарубежному господину?

– В цехе было два пресса. Один старый маломощный, другой 600-тонный. Оба работали на мазуте, дымили нещадно. А обслуживали прессы и станки обрабатывающего отдела мы, подростки, да женщины. Опыта, понятно, никакого. Случалось, что руки отрывало, пальцы плющило, волосы на передачу станка наматывало и с головы вместе с кожей сдирало. Много было тяжелого, страшного. Но мы себя не щадили. Понимали, что наш труд нужен для победы над врагом. И еще мы учились. Трудились по шесть часов в день, а после тут же в одном из цехов занимались в школе рабочей молодежи. Тетрадей не было, писали на синей оберточной бумаге и на старых газетах. Учителя тоже наши заводские: инженер, табельщица, нормировщица...

Седовласый не перебивал, молчал, слушал. И от этого молчания рассказчику отчего-то становилось не по себе. Почему молчит? О чем думает? Что замышляет?

– А где вы были во время войны?

– Разве это важно?

Маркианыч удивился: как же это – о войне и не важно?

– Хорошо, я отвечу, – капитулировал седовласый. – В ту пору я носил немецкую униформу. Не делайте такие глаза! Носил вражескую форму и чужое имя. Я участвовал во французском Сопротивлении: вывозил в свободную зону парижских евреев, подпольщиков, иногда – беглых военнопленных. В том числе и советских красноармейцев.

– И куда ж они попадали из этой свободной зоны?

– Полагаю, что за границу. В Испанию. Оттуда они могли выехать в Британию.

«Как это у них просто: из Франции в Испанию, потом в Британию... Даже во время войны», – подумал Маркианыч, но спросил, конечно, о другом:

– А с оружием в руках доводилось сражаться? – и, вспомнив, что перед ним бывший белогвардеец, уточнил: – Против фашистов, гитлеровцев.

– Доводилось. Мне много чего на своем веку доводилось. Жить в разных странах, работать на разных работах. Так что вы уж на меня не пеняйте за неуклюжий вопрос о проходной. Считайте, что от зависти. Расскажите-ка лучше о своем отце, о маме. Вы хоть что-то знаете об их дальнейших судьбах?

Маркианыч усмехнулся. Бог весть, с какой целью господин спросил его о родителях, но в любом случае промахнулся. Его воспитала Родина. Так уж получилось. Время было такое. Из их детдомовской братвы одни спились, другие сели. Но вот он, Маркианыч, выдюжил, выбился. И его пропавшие родители тут не при чем.

– Что касается матери, так я ее, можно сказать, и не знал. Смутные воспоминания, туман. Возможно, детские фантазии. Я ведь даже фото ее не видел. Лет десять назад получил справку о посмертной реабилитации. Мол, дело пересмотрено и за отсутствием состава преступления закрыто. Вот, собственно, всё.

– А отец?

Маркианыч откинулся на спинку стула, глянул на господина с вызовом.

– С отцом – да, выпал случай спознаться.

Седовласый так и подался вперед: где? когда?

– Он вышел после смерти Сталина, по ворошиловской амнистии. К тому времени я уже отучился в Уральском политехническом институте и работал заместителем начальника цеха по производству. Был женат. Сын у нас родился. В честь дедушки Ванькой назвали. А тут и дед объявился...

От нахлынувших воспоминаний Маркианыч сморщился как от зубной боли.

– Ужас, сколько их тогда на свободу выпустили. Уголовных и прочих. Через Нижний Тагил и Свердловск, через узловые станции по стране разъезжались. Милиция не справлялась, войска в города вводили. Да все равно, как стемнеет, никто на улицу носа высунуть не смел. Жена по нужде на двор пойдет, я с топором следом. Глупо, конечно. Разве я способен человека зарубить? Так вот, в самую эту страсть сидим как-то вечером, никого, ясное дело, не ждем. И вдруг стук в окно. Гляжу: рожа самая уркаганская. Ну, думаю, хана, пропали! Соседи на подмогу прийти побоятся, а телефона в доме нет – милицию не вызовешь. Урка же бумажку какую-то к стеклу с той стороны прикладывает и пальцем тычет: прочти, мол. Взял я керосиновую лампу, подошел поближе.

Читаю: так и так, справка об освобождении, Храмцов Иван Селиверстович. Батя мой, значит.

Свистуновы наконец заметили, что их товарищ уже не один за столиком, с кем-то беседует. И ждавший этого всего минуту назад Маркианыч вдруг почувствовал, как тоска придавила его тяжелой мягкой лапой. Вот сидит он, исповедуется чужому человеку. Так ведь этот чужак первым за много лет по настоящему поинтересовался его житьем-бытьем. А не как обычно: «политически грамотен, морально устойчив» и «сам напишешь». Житье же Маркианыча, как не рассказывай, оказалось тяжелым и тусклым. Стыдиться не за что, жил как все, не хуже. Только и радости не было.

– Какое-то время отец погостил у нас. О лагерях говорить не любил, зато вас однажды вспомнил. Порушил де жизнь мою старый дружок... Потом запил, начал водить в дом каких-то мутных типов. Денег на водку не стало – весь запас чая на чифирь извел. А у нас ребенок маленький. Потолковал я с ним. Хочешь, мол, жить как человек, с работой помогу и с местом в заводском общежитии. Он денек подумал, закинул котомку лагерную на плечо, да и ушел. Чужие, сказал, мы с тобой, не жили вместе, а теперь уже и незачем. Месяца через четыре пришло письмо с северов: так и так, вернулся вольным человеком на прежнее место жительства. Зоны в том таежном поселке уже не было, все население – бывшие зеки с бывшими охранниками вперемешку. Больше я о нем ничего не слышал. Жив, нет ли – и этого не знаю.

Пару минут мужчины сидели молча. Оба чувствовали, что говорить более не о чем, а как расстаться не знали. В их встрече не хватало какого-то завершающего штриха. Но небо, конечно, смилостивилось и послало на выручку двух добрых ангелов в образе заводского парторга и его дородной супруги.

* * *

Садиться за столик Свистуновы не предполагали, однако седовласый так резво подскочил и подвинул стул Валентине Петровне, что та зарделась и плюхнулась. Парторгу не осталось ничего иного, как последовать примеру своей половины.

– Мужчины как хотят, но даму я угостить обязан, – заявил седовласый тоном, не терпящим возражений. – Вы позволите выбрать?

И подозвав официанта мимолетным движением руки, заказал для Валентины Петровны бокал какого-то золотистого коктейля с долькой лайма, вишенкой и прозрачными айсбергами, рассказы о вкусе и красоте которого потом еще долго деморализовывали женский коллектив планово-экономического отдела.

– Как вам Монреаль? – спросил седовласый. Представиться на этот раз он не счел нужным.

– О, Монреаль! – отвечала Валентина Петровна, с элегантным урчанием всасывая коктейль через трубочку.

Валерий Павлович на всякий случай пока промолчал.

Мимо летнего кафе продефилировали девицы. Может, даже те самые – из окрестностей секс-шопа. Глаза с небесно-синими тенями и угольно-черной подводкой, пухлые губы в ягодной помаде. Маркианыч скользнул взглядом по круглым разноцветным коленкам – у одних в клеточку, у других в полоску – и ощутил беспокойство. Нехорошее такое беспокойство, от которого до измены жене и Родине – один шаг.

– Тунеядки, – пригвоздила юных модниц парторгова супруга. – Такие здоровые девахи! На завод бы их, на перевоспитание.

Маркианыч согласно кивнул: эх, на завод бы к нам...

– А вы все с одного завода? – нащупал тему для разговора седовласый.

– Да, мы все представители одного предприятия, – кивнул Валерий Павлович. Ему тоже хотелось коктейля, но попросить у жены трубочку он стеснялся.

– И... как обстоят дела на вашем предприятии?

Задать такой вопрос парторгу было все равно, что советское радио включить.

– Нет сомнения в том, что восьмая пятилетка станет для нашего завода эпохой новых производственных свершений и побед, – сходу заверил Валерий Павлович. – Мы регулярно выполняем и перевыполняем задания Союзглавметалла и Росглавцветметснабсбыта. Разработан план мероприятий по повышению качества экспортной продукции. Директор еженедельно проводит общезаводской день качества. И по партийной линии группа содействия проверяет учет и хранение твердого и жидкого топлива, цветных металлов, оборудования и спирта...

Маркианыч не к месту хмыкнул. Валерий Павлович поглядел на него строго (что-то неладное творилось с товарищем Храмцовым) и заметил:

– Да вот и Марк Иванович, как начальник прессово-волочильного цеха, многое мог бы порассказать. У него в цеху две поточных автолинии работают, тянутые прутки производят. Реконструкцию ведет, механизацию...

– Валерий Палыч, прошу вас!

Парторг, настороженный обращением на «вы», наконец осекся:

– А что, разве товарищ не по металлургии? – и тут же с запоздалой и оттого умноженной бдительностью: – Вы из делегации или по дипломатической части?

Седовласый улыбнулся уголками рта:

– Я писатель. Выступал здесь в университете Мак-Гилла с лекциями о русской культуре. Вон там под горой зеленый купол с краснобелым флагом. Видите? Это флаг университета, хотя отсюда и похож на канадский государственный. А уже завтра переезжаю в университет Торонто.

– Писатель! – выдохнула Валентина Петровна и сделала глазки.

– Так вы из Союза писателей? – напирал Валерий Павлович. – Эко вы скаламбурили: университет-могила! Стало быть, загнивает буржуйское образование?

– Как вы изволили выразиться: Рос-глав-цвет?.. – ушел от ответа седовласый.

– Росглавцветметснабсбыт, – без запинки отрапортовал парторг. – Вы, товарищ, материал собираете? И это очень, очень правильно! Вот Александр Фадеев ездил в командировки на Урал, чтобы написать роман «Черная металлургия». А вы бы могли замахнуться на роман «Цветная металлургия». Это ж такая тема, такой масштаб! Вы приезжайте к нам на завод – не пожалеете!

Он-то, может, и не пожалеет. Другим бы не пожалеть. Ох, и дурак ты, парторг!

Мимо вновь процокали, процебетали длинноволосые и длинноногие девицы в мини-юбках и цветастых колготках. Трое мужчин невольно проводили их взглядами. Маркианыч украдкой скосил глаза на монументальную супругу Валерия Павловича и совсем уж не по-советски подумал: «В Монреаль со своим самоваром...».

– Что это за песенка? – наигранно-беззаботным тоном поинтересовалась парторгша, в ревнивой попытке перехватить мужское внимание.

– Эй! – неожиданно крикнул Маркианыч, выпрыгивая из-за стола. – Мери-Лори-Лизы... Барышни, постойте!

На каком языке крикнул и сам не понял. А девицы, кажется, поняли. Обернулись. Одна что-то сказала, прочие рассмеялись. Помахали: догоняй, мол.

– Марк Иванович! – округлил глаза Валерий Павлович. – Что это вы? Как же это? По вашему безответственному поведению будут судить о нравственном облике...

– Валера, Валера! Ну, хватит уже изображать триединство ума, чести и совести. В зеркало-то поутру гляделся? И почему я всю жизнь перед такими, как ты, будто виноват и оправдываюсь? Тружусь честно, живу заводом. В партии состою, в коммунизм верую. Да, отец мой был белогвардейцем, и сам я воспитан в детдоме. А этот вот господин служил вместе с отцом, потом эмигрировал. Он меня не вербует, Валера, он о сослуживце своем, об отце моем спрашивает. И с девушками я сейчас пойду гулять по вечернему Монреалю безо всякого ущерба для советской власти...

– The Beatles, – ответил седовласый. – Очень популярная британская группа.

А Маркианыч ничего такого, конечно, не сказал. Просто подумал.

– Пару лет назад один американский пастор издал книгу о том, как песни этой группы гипнозом распространяют коммунистическую идеологию среди западной молодежи.

Глаза седовласого лукаво искрились, но парторг этого опять не заметил и совершенно серьезно одобрил:

– Правильные, значит, идеологически выверенные ребята!

– Ага, – уныло поддакнул Маркианыч. – И девчата...

– Вы полагаете? – улыбнулся седовласый парторгу, игнорируя ремарку Маркианыча. – Я вот тоже к старости стал впадать в марксизм.

Уж это-то он брякнул совершенно напрасно! Перебор получился в шуточках. А с другой стороны, может, и к лучшему. Во всяком случае, Валерий Павлович тотчас засобирался. Его супруга оказалась вынуждена допивать коктейль мимо трубочки.

– До свидания, до свидания, – пропела она. – Было очень приятно...

И поспешила вослед за молча удалявшимся мужем.

Поднялся из-за стола и Маркианыч.

– Зря мы с вами встретились.

– Не знаю... Пожалуй.

– Прощайте!

Но седовласый не ответил. Он вообще смотрел в другую сторону. Длинноногие возвращались...

* * *

Встречу эту Маркианыч с Валерием Павловичем не обсуждал. Однако по возвращению в Союз парторг написал куда следовало подробный отчет, в котором упомянул о подозрительном монреальском собеседнике начальника прессово-волочильного цеха. Больше Марка Ивановича Храмцова за границу не выпускали. Даже в соцстраны.

А.Елецкий. Прогулка под дождём.

